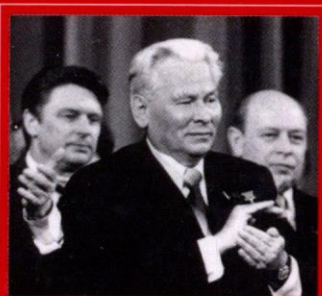

Виктор Прибытков

*390 дней
и вся жизнь
Генсека Черненко*

АППАРАТ

Виктор Прибытков

АППАРАТ

*390 дней и вся жизнь
Тенсека Черненко*

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2002

УДК 329.02(092)
ББК 66.3 (2 Рос)8
П 75

© Прибытков В. В., 2002
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2002

ISBN 5-235-02514-8

ОБ АВТОРЕ

Автор книги — Виктор Прибытков — 390 дней (с момента назначения Черненко на пост Генсека и до дня его смерти) работал его помощником. Девять лет до этого вместе со своим шефом совершал подъем по ступеням иерархической лестницы ЦК КПСС. Ему довелось готовить многие партийные документы, присутствовать на заседаниях Политбюро и Секретариата ЦК, разбирать тайные архивы вождей, осуществлять подготовку и участвовать во многих официальных зарубежных турне одного из коммунистических лидеров страны.

Виктор Прибытков знал многие стороны жизни лидеров Советского государства, непосредственно участвовал в подготовке важных документов, мог доподлинно видеть, какую реакцию они вызывали у сторонников и противников той или иной инициативы.

Пройдя строгую школу штабной работы — «водителей перышка», как частенько в шутку называли сами себя сотрудники дома на Старой площади, Виктор Прибытков в течение долгих лет не спешил поделиться своими знаниями с читателем.

У этого решения много причин, о которых внимательный читатель самостоятельно может узнать из книги. Но одно из них — желание сохранить тайну, похоже, потеряло былой смысл.

Достойна преждевременного упоминания (о ней подробно рассказывается в книге дальше) лишь одна весьма забавная история: будь в один прекрасный день В. Прибытков чуть менее расторопным, чуть менее исполнительным — никогда бы Михаилу Горбачеву не удалось стать лидером в партии, а значит, впоследствии Президентом СССР. Всего лишь ничтожные десять минут

1978 года определяли последующую судьбу огромной державы и могли повернуть ход всемирной истории по совершенно иному пути... Эти рассуждения, конечно, из водевильной области. Но в каждой шутке есть и доля истины.

Несколько позднее, когда Михаил Сергеевич все еще был рядовым секретарем ЦК, а Генеральным — Константин Черненко, будущий Президент СССР принялся за создание персонального «трона» — начал создавать многочисленную личную охрану, без ведома менять направление своей работы, совершать много малопонятных для непосвященного, но на самом деле четко выверенных и хорошо просчитанных, секретных ходов, а его супруга — Раиса Максимовна при этом интенсивно готовилась к непривычной для провинциальной дамы роли первой леди...

По долгу службы Виктор Прибытков должен был знать многое о повседневной жизни партийных руководителей низшего звена — уровня обкома, крайкома, горкома, которым (по прошествии времени) только еще предстояло сыграть свою роль в истории государства.

Но сбор информации шел не только по направлению снизу вверх: от низовых звеньев — в ЦК. «Великолепная шестерка» — Брежнев, Суслов, Громыко, Андропов, Устинов, Черненко — шесть высших руководителей партии и государства, будто сговорившись между собой на тайном совете, никого близко не подпускали к «трону». Ведь вторым эшелоном шли: Романов, Гришин, Кириленко, Соломенцев, Горбачев... Ельцин же не усматривался даже в самом отдаленном проекте. Так вот они, эти шестеро, по вполне понятным причинам тоже хотели знать друг о друге как можно больше.

«Придворная жизнь» не позволяла отказываться от выполнения, казалось бы, странных заданий — по «велению свыше» Виктору Прибыткову приходилось с головой окунаться в спортивную жизнь и становиться еще более фанатичным болельщиком «Спартака», превращаться в завязатого театрала, как в настоящем детективе (ночью, при выключенных фарах), участвовать в ночной поездке по джунглям «Острова Свободы» на встречу с лидером кубинской революции Фиделем Кастро...

Много чего любопытного случалось в жизни Виктора Васильевича Прибыткова за долгие годы работы на Старой площади.

Личные контакты со многими лицами из высшего руководства КПСС, обязательное участие во встречах с лидерами зарубежных держав, деловые и товарищеские отношения с помощниками, референтами, секретарями, охраной партийных лидеров позволили автору скрупулезно точно и чрезвычайно живо описать жизнь верхнего эшелона партийной власти, при этом, естественно, уделяя большое внимание человеку, с которым работал долгие годы, — Константину Черненко.

Парижская «Монд» в номере от 21 марта 1984 года писала об авторе этой книги, преждевременно суля ему весьма высокий пост в ЦК КПСС где-нибудь в 86-м или 88-м годах:

«...Новый деятель появился в кильватере Черненко сразу после избрания на пост Генерального секретаря... Речь идет о В. Прибыткове, который в качестве “помощника” присутствовал при встречах с Бушем, Моруа, Колем и другими... Сегодня В. Прибытков является уже депутатом Верховного Совета... Судя по всему, на этом дело не остановится. Он может рассчитывать войти в состав ЦК на следующем съезде партии через два года, а возможно, даже и на более высокие посты. Разве сам Черненко не занимал 20 лет назад весьма схожий пост при своем патроне — Л. И. Брежнев?»

Сбыться этому преждевременному пророчеству Мишеля Татю — корреспондента французской газеты — не удалось. История, не посоветовавшись с ним, направилась совершенно иным путем. Но тем интереснее и любопытнее «свидетельские показания» одного, далеко не рядового, ее творца, которые, вне всякого сомнения, заслуживают пристального читательского внимания.

Глава 1

НАЧАЛО КОНЦА. СМЕРТЬ ЧЕРНЕНКО

Начало марта 1985 года «заполнено» для меня сплошным вакуумом. Мне никто не звонит. Я никому не нужен. И звонить самому, за исключением врачей да охраны, некому...

Это означало, что меня списали со счетов. Но оказалось, чуть раньше времени. Я еще потребовался...

Тишина взорвалась неожиданно. В воскресный день — десятого марта, около одиннадцати часов вечера...

Голос Жени Калгина — дежурного из приемной Генерального секретаря ЦК КПСС был чрезвычайно встревоженным.

— Виктор Васильевич, — сказал он без обычного в таких случаях приветствия. — Вам надо срочно приехать в Кремль!

— Да, конечно. Что-то случилось?

— Автомобиль выслан, — сказал он с непривычной для него сухостью в голосе, так и не ответив на мой вопрос. — Вас ждут...

Я сразу обо всем догадался. Честно говоря, все минувшие с того момента дни, как я в последний раз посетил Кунцевскую центральную клиническую больницу (ЦКБ), именуемую в народе «Кремлевкой», я ждал нечто подобное. Состояние здоровья моего непосредственного начальника — Генерального секретаря ЦК КПСС, лидера Советского Союза — Константина Черненко было абсолютно безнадежным.

Перед глазами возник «люксовый» отсек больницы. Та самая палата, где около года назад столь же медленной и мучительной смертью умирал предшественник Черненко — тоже Генеральный секретарь партии, в прошлом

Председатель могучего КГБ — Юрий Андропов.

В палате, кажется, все осталось, как при прежнем владельце. Те же шторы, светильники, мебель, телевизор... Разве что кровать другая... Не та, на которой умер Андропов. А может быть, та же самая...

Лицо Черненко бесцветно сливалось с подушкой. Его знакомая многим телезрителям седая шевелюра казалась желтовато-серой.

Едва я возник в дверях, глаза Черненко чуть оживились и тотчас, не в силах сосредоточиться, снова потеряли блеск. Рука, бессильно лежавшая поверх одеяла, была холодной и вялой. Но он все же попытался приветствовать меня.

За несколько дней до этого сил в Черненко было несколько больше: голос в телефонной трубке, хотя и с большими, присущими астматикам паузами, задержками дыхания, хрипотцой, был узнаваем.

— Как там на воле, Виктор?

— Все в порядке, Константин Устинович. Приеду, расскажу, если разрешите...

И приезжал, и докладывал: о материалах Секретариата, Политбюро, показывал последние шифротелеграммы ГРУ, КГБ, МИДа. Старался не спрашивать о самочувствии и тем более не выражал сочувствия — он этого не любил. В конце бесед речь обязательно заходила о хоккее или футболе. Здесь была «одна, но пламенная страсть».

Служебная «Чайка» несла меня на западную окраину столицы. Для нее — со специальными правительственными номерами, сопровождаемой командами по милицеским и рациям КГБ — всюду по трассе был только «зеленый свет». Самый главный человек в стране ждал своего ближайшего помощника.

Сегодня совсем другая «Волга», прорезая огнями ярких фар ночную непогоду, столь же торопливо мчится в Кремль.

Узкий проезд Боровицких ворот. Привычный кивок еще ничего не знающего, а потому совершенно спокойного, обыденно бдительного дежурного охранника.

Машина, не сбавляя хода, преодолевает крутой подъем, со скрежетом шин сворачивает налево, проскакивает как всегда чистую, словно вымытую с мылом площадь и замирает у «крылечка».

Сколько раз я брался за полированную бронзовую ручку этой двери? Ровно столько, сколько ходил на заседания Политбюро... Не сосчитать...

Фойе, коридор, лестница, лифт, другой коридор... Иду и ничего не замечаю. Перед глазами одна картина сменяет другую.словно кадрики старого потертого фильма... Их не просишь, а они совершенно невольно, самостоятельно всплывают из глубин подсознания... Иначе, наверное, и быть не может. Все часы после этого звонка в моей квартире незаметно начали отсчитывать секунды и минуты другой эпохи. Но об этом никто еще не знает, кроме тех, кто меня вызвал в Кремль в столь неурочный час. Воспоминания же обращаются не в будущее, а только в прошлое. Недалекое прошлое, которое послужило «началом конца»...

Первая сцена — упрек самому себе: Черненко «втягивают» в предвыборную кампанию. Ему трудно, тяжело, болезнь поглощает его немощное существо, отнимает последние силы, но, видимо, кому-то очень нужно, чтобы Черненко участвовал в этом парадно-праздничном шоу именно в таком виде. Генсек еле стоит на ногах: вялые движения рук, отсутствующий взгляд...

Нет, это более поздние воспоминания. Нужно копнуть глубже. Вот то, что надо — самое начало его недуга!

Картина вторая... Начиналась болезнь странно. Очень странно. Я, пожалуй, один из немногих, кто присутствовал при первых ее «проявлениях»...

Восемьдесят третий год. Со дня смерти Брежнева прошло всего несколько месяцев. На посту Генерального — Юрий Андропов. Константин Устинович, по строгому партийному табелю о рангах, — второй человек в партии. Он направляется в Крым. С ним вместе — жена Анна Дмитриевна, сын Владимир со своей супругой, внук Костя. Маленькому Косте Черненко, названному в честь деда, лишь два с половиной года. Берет с собой и меня. У меня командировка подобного рода первая. Раньше Черненко

помощников «в отпуск» не брал...

Никаких иллюзий не питаю — предстоит однообразная нудная работа: читка и обработка оперативной информации, всевозможные шифротелеграммы, ежедневные доклады... Где-то невдалеке будет шуметь море, в котором, если повезет, разок-другой искупнусь...

У шефа начинается обычная курортная жизнь. У секретарей ЦК «пляжный распорядок» не слишком отличается от простых людей. Черненко весь день на море. Купается, загорает и... во всю ворчит на своего охранника — Владимира Семеновича Маркина.

— Ты чего, Володька, все около меня крутишься? Я ж лучше тебя плаваю... — подначивает он Маркина. — Я ж с енисейской закалкой... Это знаешь какая река?

— Знаю, знаю... — добродушно ворчит Маркин, но продолжает «наступать на пятки».

Черненко снова идет к воде, плывет на спине, невзирая на запретные буйки, уходит далеко в море. А Маркин знай «гнет свою линию» — по-прежнему в двух-трех метрах... Не покидает. Препирались они так, препирались, вылезли из воды и уселись на песке. Рядышком сидят. Разница в годах большая, а выглядит Черненко неплохо. Все ж 72 года. Возраст приличный, но, видимо, влажный морской воздух на пользу. Даже про астму бронхиальную, что его давно мучает, забывать стал.

В трех или четырех километрах от этой дачи располагается другой правительственный санаторий, рангом пониже. Там отдыхает В. В. Федорчук — недавний Председатель КГБ Украины, после Андропова ставший Председателем КГБ СССР, потом назначается министром внутренних дел в звании генерала армии.

Ни в одной из упомянутых служб подчиненные его не любили. Больше того, боялись — из-за жестокого, необузданного нрава, солдафонства, прямолинейности и приверженности к необъяснимым запретам, как то: не иметь милиционерам в личном владении садово-огородных участков и автомобилей...

Но в данном случае — на черноморском берегу — он коротает время на рыбалке, ловит ставриду.

В один прекрасный летний вечер в резиденции Генерального секретаря появляется зять Федорчука с увесистым пакетом рыбы из собственного улова тестя. В принципе, в этом визите не было ничего необычного — Федорчук и Черненко давно знали друг друга.

Ставрида была на удивление хороша. Свежая, жирная, чуть солоноватая. Под свежую отварную картошечку просто объедение.

Угощалась черноморским деликатесом вся семья. Анне Дмитриевне рыба очень понравилась. По ее признанию, трудно было оторваться.

А ночью с Константином Устиновичем плохо. Боли в животе. Рвота. Сильное отравление. В крайне тяжелом состоянии его срочно переправляют в Москву. Так спешно, что даже я — ближайший помощник — узнаю об этом лишь утром.

Что произошло? Говорят, вроде рыба оказалась не слишком свежей...

Ну и дела! Все члены семьи живы и здоровы. У Анны Дмитриевны ни малейших признаков недомогания. А Константин Устинович в кремлевской реанимации.

— Что с ним произошло? — спрашиваю я сразу же по возвращении в столицу у самого главного медика страны — академика Евгения Ивановича Чазова.

— Вирусная инфекция...

— ?!

Внятного, вразумительного ответа я так и не услышал. Что ж, медицине виднее. На то она и медицина. Но идет время; а состояние Черненко почти не улучшается. Или улучшается, но очень медленно — оно не такое, как было до Крыма.

Проходит время... Умирает первый человек в партии и в государстве — Юрий Владимирович Андропов, мой шеф становится Генеральным секретарем партии. То есть для правительственной медицины — объект № 1.

Снова дела позволили Черненко выкроить некоторое время для отдыха. Да и товарищи по Политбюро советуют. Медики рекомендуют...

Вызывает меня Черненко и говорит:

— Ты, Виктор, не устал? Пора отдохнуть. Собирайся, едем в «Сосновый бор» — Чазов с Горбачевым очень рекомендуют. Горный воздух! Очень чистый... Приготовь вот что... Хотя там все есть. Я хочу тебе кое-что подиктовать, а ты запишешь...

Идея надиктовать воспоминания из собственной жизни зрела у Черненко давно, но он все время оттягивал начало работы: дела в Москве не позволяли. Вот во время отдыха, когда Москва с ее немыслимой суетой далеко и не надо каждый день проводить совещания и участвовать в них, совсем другое дело. Но я отреагировал не на слова, касающиеся предстоящей работы...

— Константин Устинович, — как-то потерянно спросил я, зная о его болезни. — Высокогорье... Свыше тысячи метров над уровнем моря...

— Хороший курорт, — довольно улыбнулся Черненко. — Евгений Иванович и Михаил взахлеб расхваливают... Ничего, поедем!

Поехали... В «Сосновом бору» Черненко смог пробыть лишь 10 дней. Ни разу не выходил из помещения. Даже по комнатам начал передвигаться с трудом. Дилетантскому, с медицинской точки зрения, взгляду было видно, что каждый день «отдыха» в этом курортном местечке дается ему с огромным трудом и напряжением всех сил.

Главный кремлевский врач — Евгений Чазов и доктор Чечулин прибыли лишь тогда, когда их проинформировали, что снова срочно нужна «каталка».

— Будем смотреть... — неопределенно произнес Чазов после осмотра больного, читая в моих глазах немой вопрос. — Надо менять курорт...

— Почему, Евгений Иванович, вы его направили сюда? Ведь сами рекомендовали... — совершенно конкретно спросил я светило отечественной медицины. Но вразумительного ответа я снова не получил.

Сразу после высокогорного курорта Черненко спешно перевозят в Подмоскowie, на бывшую дачу Брежнева —

Завидово. Там продолжается интенсивное лечение. Вскоре ему становится несколько лучше. Он понемногу начинает ходить. С трудом, но говорит. Частыми становятся приступы астмы. Все время покашливает, в груди слышны хрипы...

До неминуемой смерти остается несколько месяцев. Здоровье подорвано окончательно.

Как тут прогнать нехорошие мысли? Не знаю... Я, например, не мог избавиться от них тогда, не получается и теперь. Берedit душу вопрос: кому так сильно мешал Черненко? Кому нужно было спешно убрать его с дороги? Еще тогда, когда у руля стоял (точнее, лежал) одолеваемый недугом Андропов. Я допускаю, что «претендент» не хотел терять лишнего года, его снедало нетерпение обладать властью, взять бразды правления сразу же после Андропова. Но Черненко, несмотря на щедрое «угощение» и противопоставленный ему высокогорный «Сосновый бор», навязанный Горбачевым и Чазовым, чудом выкарабкался. К слову, о Чазове. Недавно попалась мне в руки книга Владимира Тимофеевича Медведева — бывшего начальника охраны Брежнева, а впоследствии и Горбачева. И в ней описывается несколько странноватая роль Евгения Ивановича Чазова: в то время как охранники неумело, в первый раз в жизни в течение чуть ли не сорока минут после обнаружения бездыханного тела Генерального секретаря пытаются делать искусственное дыхание уже скончавшемуся Брежневу, Евгений Иванович, приехавший на место события только после Председателя КГБ Юрия Андропова, подходит к телу, долго, пытливо смотрит...

Медведев докладывает:

— Был еще теплый... Пытались привести в чувство...

— Ну что ж, — отвечает Чазов. — Все делали правильно. А где Андропов? — и тотчас пошел следом вниз.

Комментарии, как говорится, излишни.

Но оставляю в покое Чазова. У политических «сподвижников» тоже были свои виды на медленно умиравшего Черненко. И эта внезапная физическая немощь была им вовсе некстати...

Черненко после этих двух «отпусков» уже физически не мог участвовать ни в каких избирательных кампаниях — ни стоя, ни сидя, ни лежа. Даже заграничные патентованные стимуляторы не могли вдохнуть в его ослабевшее тело крохотную толику так необходимой для работы руководителя государства энергии.

По традиции, сложившейся давным-давно, встречи депутатов с избирателями проходили принародно. С большой помпой, освещением в газетах и журналах, по радио, во всех средствах массовой информации. Отказаться от этого мероприятия — значит, нарушить давние советские традиции! Об этом не только было страшно подумать, но даже мысль такого рода, если она возникала в чьем-нибудь воображении, тотчас — в том же самом воображении — трусливо гасилась. Отменить такую встречу могли либо врачи, либо сам кандидат в депутаты...

И он, и они молчали! Даже Генсек не имел права нарушать традиций.

Организационная же машина — по всенародным выборам — работала на полных оборотах. Раскручивали маховик в Московском комитете партии. В первую очередь его секретарь Виктор Гришин, который в это самое время находился в полной конфронтации с рвущимся к власти Горбачевым. За Гришиным стояли совсем другие силы, которые эту власть отдавать не намеревались ни под каким видом. А как отнять и не давать? Только одним путем — заслужить у нынешнего Генерального секретаря весомую благосклонность. И Гришин прикладывал все силы к этому. К встрече с избирателями спешно заканчивалась отделка нового, только что выстроенного крупнейшего в столице киноконцертного зала, составлялась солидная многочасовая программа выступлений самых маститых деятелей искусства...

А Черненко уже не хватало сил и энергии, чтобы устоять несколько десятков минут на собственных ногах.

Закулисные режиссеры этого действа, наконец поняв, что ничего из этой шумихи не получается, предложили:

— Пусть выступит сидя... Закажем специальную трибуну!

И с трибуной ничего не вышло. Силы Черненко шли на убыль с каждым часом...

— Тогда давайте запишем выступление в больнице и пустим его по телевидению... Неужто мы не в силах что-то придумать?

И приезжали в палату, где лежал смертельно больной человек, многолюдные бригады прикормленных телевизионщиков, сноровисто воздвигали хитроумные декорации, устанавливали на штативах тяжеленные камеры, полыхали тысячесвечовыми софитами, тянули шнуры микрофонов...

Черненко, едва оторвавшись от маски кислородного прибора, с тоской поглядывал на всю эту кутерьму.

Вскоре организаторы маскарада поняли, что и эта затея окончательно проваливается. Черненко задыхался, едва только начинал говорить — лицо синело, грудь рвал кашель, с губ слетали разве что одни хрипы.

Кажется, все видели никчемность этой затеи, а по большому счету — издевательства над больным. Увы, и врачи участвовали в этом глумлении, включая Чазова. Значит, кому-то это было нужно...

По различным «присутственным» потребностям Черненко нет-нет да и доставляли в Кремль. Это не оставалось незамеченным...

Западная печать частенько публиковала репортажи о состоянии здоровья советского лидера, но в СССР этой информации старались не замечать. Германский «Штерн» опубликовал серию фотоснимков: охранник чуть ли не на руках вносит Черненко в кремлевскую резиденцию, другой застегивает пуговицы на его плаще, третий помогает взобраться по ступеням...

Удручали не фотографии в журнале, убивал тот факт, что все это не было никаким преувеличением или хитроумным монтажом лаборанта — изображение на фотографиях абсолютно соответствовало истинному положению дел!

И все же ту самую злополучную встречу с избирателями не отменили. Ее только перенесли на другой день, а речь, «по поручению» кандидата в депутаты, прочел Виктор Васильевич Гришин.

Телевидение способно творить удивительные чудеса! Когда народ дружно проголосовал за ставшего недееспособным депутата, сам депутат голосовал в... собственной палате кремлевской больницы. На экране все выглядело довольно веселенько — ковры, занавеси, члены комиссии в строгих пиджаках и с дежурными улыбками на устах, урна для голосования, восторженные очевидцы...

Финал — вручение депутатского мандата!.. Если бы не личный охранник, удержавший Черненко со спины, история могла закончиться большим конфузом — сил стоять у Константина Устиновича не было совсем. Сил для жизни оставалось на три дня...

10 марта... Почти полночь. Зал приемной. Несмотря на поздний час, много народу. Одного взгляда достаточно: собрались те самые люди, которые в последние два-три года, по горькой иронии судьбы, набили руки на посмертно-торжественных ритуалах. Все хорошо мне знакомо. Других здесь и не могло быть. Дежурный провожает меня в зал. Это зал заседаний Политбюро ЦК, в котором так часто приходилось бывать. В центре — длинный стол с двумя рядами стульев. В его торце — стол Генсека. Теперь опустевший... Маленькие столики вдоль стен — для помощников, заведующих отделов, министров, приглашаемых на заседания гостей.

За столом сидят двое, в одинаково строгих, официальных костюмах. На лицах дежурная скорбь. Один из них — Горбачев, секретарь ЦК КПСС, член Политбюро с небольшим стажем, отвечавший за сельское хозяйство, но в последнее время самолично решивший, что идеологическое направление работы ему ближе, второй — Егор Лигачев, тоже секретарь ЦК КПСС, самый молодой член Политбюро, только в 83-м году прибывший из дальнего сибирского Томска. Оба — ярые противники члена Политбюро, руководителя Московской партийной организации Виктора Васильевича Гришина.

— Садитесь, — пригласил меня к столу и указал место напротив Михаил Сергеевич. — Произошло страшное... — продолжил Горбачев. — Наше всеобщее горе! В 19 часов 20 минут... — последовал вздох, пауза, — ушел из жизни наш дорогой Константин Устинович...

Как ни ожидал я этого сообщения, как ни догадывался о том, что могу услышать в столь поздний час в этом кабинете, а от сказанных в полный голос слов все равно растерялся. Не знаю почему, но мне отчего-то захотелось сказать какие-то добрые слова о покойном, поведать о каких-то важных мелочах...

Горбачев слушал внимательно, время от времени вежливо кивая. Лигачева же мои слова явно раздражали, и он всем своим видом выказывал нетерпение. Наконец, он дал мне понять, чтобы я заканчивал воспоминания и шел выполнять данное только что — «весьма ответственное» — поручение...

А поручение, данное мне в этот поздний час, было самым что ни на есть обычным — вместе с группой товарищей составить текст завтрашнего траурного обращения партии к советскому народу. Утром текст утвердят на Политбюро, а затем он одновременно появится во всех газетах, многократно будет прочитан по радио и телевидению.

Через несколько дней с гранитной трибуны мавзолея, над Красной площадью, голосом Горбачева торжественно пролетят привычно-официальные слова: «Ушел из жизни верный ленинец, выдающийся деятель Коммунистической партии и государства, международного движения, человек чуткой души и большого организаторского таланта...»

Жена Черненко Анна Дмитриевна после похорон пригласила меня и жену мою Людмилу, как людей, близких их семье, на одну из правительственных дач — в Ново-Огарево. Здесь в разное время были гражданские панихиды по матери Брежневой, по нему самому, по Юрию Андропову. Теперь по Черненко... Тут она рассказала о последнем свидании с мужем в кремлевской больнице.

Ее вызвали к нему незадолго до смерти. Когда вошла, была поражена обилием врачей и самой сложной аппаратуры. Все тело умирающего было оплетено проводами и датчиками. Какие-то прищепочки из пластыря, от которых тянулись хитроумные шланги, были прикреплены на лбу, носу, губах... Создавалось впечатление, что шел сложный научно-исследовательский процесс.

Ей позволили поговорить с ним.

— Ну что, Костя, худо тебе?..

— Да-а-а... — едва слышно прошепстели его губы.

— Держись, Костя, крепись! Ты сильный, ты выдержишь! — пыталась успокоить и поддержать его Анна Дмитриевна.

— Да-а-а... — в последний раз дрогнули губы Черненко.

Ее вывели в коридор. Начиная очередной врачебный консилиум. Но продолжался он недолго. Вскоре вышла Зоя Васильевна — лечащий врач.

— Анна Дмитриевна, — сказала она, борясь со слезами, — Константин Устинович нас покинул...

Обычно на поминки такого рода прибывает все Политбюро в полном составе. В этот раз не пришел никто. Все боялись хоть на секунду упустить вожжи власти. Даже еще не вожжи, а дорогу к ним. Претендентов, как оказалось, было много. Из видных партийных людей пришел единственный — Владимир Иванович Долгих, секретарь ЦК КПСС и лишь кандидат в члены Политбюро. Пришел он не только по поручению, данному Горбачевым, но и по своей собственной воле. С Черненко они были земляками. И дружили...

Начинался новый непредсказуемый виток истории.

Я же поздней ночью — 10 марта 1985 года — в полном одиночестве вышел из подъезда, где располагался зал заседаний Политбюро ЦК КПСС, медленно, не спеша сошел по ступеням парадного кремлевского «крыльца», чтобы никогда сюда больше не вернуться...

Однако к самой фигуре Константина Устиновича, его роли в жизни нашего общества и государства мы еще вернемся и поговорим обстоятельно. А пока пролетим на крыльях времени в тот памятный для меня день, когда я впервые переступил порог знаменитого тогда здания на Старой площади, чтобы «осесть» здесь на долгие годы. Это был 1972 год.

Глава 2

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В ЦК

В 1972-м мне «стукнуло» тридцать семь... По сравнению с возрастом большинства работавших в то время в ЦК партии сотрудников аппарата, многие из которых помнили хрущевскую оттепель и сталинскую диктатуру, годы сравнительно молодые. Не «октябратские», конечно, но где-то, по большому счету, «комсомольские».

Незнакомый мне лично Константин Черненко, работавший где-то в необозримой вышине партийной власти, решает «освежить» кадры своего отдела в ЦК. Решил, как потом оказалось, вполне традиционно. Точно так же, как решали до него. Да и сам Черненко попал в партработники из комсомола.

Это традиционный и классический путь! Именно по нему прошли многие руководители вообще, включая и верхушку нынешней демократии. Как правило, в те годы большинство секретарей крайкомов, обкомов партии, крупных партийных организаций своевременно проходили школу комсомольской работы. И это оправдывало себя всецело.

Для меня предложение о переходе в ЦК КПСС грянуло словно гром среди ясного неба. Ведь я еще не успел как следует «обжиться» в аппарате ЦК ВЛКСМ — всего два года. Я был в командировке в Свердловске. Выступаю перед активом. Неожиданно прямо на трибуну передают записку: «Срочно пройдите за кулисы, вас к телефону. Москва!»

Извиняюсь. Прерываю доклад. На проводе — Борис Мышенков, в то время заведующий отделом ЦК ВЛКСМ.

— Срочно вылетай. Завтра утром нужен здесь!

— Зачем? Отчего такая срочность?

— Дуй быстро. Приедешь, узнаешь!

Ничего не понимаю. Кому я так потребовался? Уезжал, все было нормально. Может, Тяжельникову? Хотя зачем я первому секретарю?

Закончил выступление. Первым утренним рейсом — домой. Сразу на Маросейку, которая тогда называлась улицей Богдана Хмельницкого. Захожу к Мышенкову.

— Зачем вызывал?

— Иди в ЦК, — говорит он, указывая взглядом на другую сторону площади, где располагались внушительные серые здания.

— Что случилось?

Тот без малейшей улыбки — сама серьезность в гостях пожаловала — отвечает:

— Там скажут... у Черненко.

И называет номер этажа и комнаты.

Фамилия Черненко говорит не очень о многом. Знаю, что есть такой. Заведующий отделом в ЦК КПСС.

Оказалось, что вызывают не меня одного. Туда же направляется мой хороший товарищ — Володя Бутин.

— Пошли вместе?

— Пошли...

Он тоже не догадывается о причинах скоропалительного вызова.

Минуем проходную, поднимаемся на лифте, входим в приемную. Секретарша приглашает пройти в кабинет.

Входим. Первое впечатление — очень маленькое помещение. Неужто в ЦК такие бывают? Здесь все должно быть огромным, просторным.

До этого ни Владимир, ни я Черненко в глаза не видели. Он был заведующим Общим отделом и не входил в круг тех лиц, которым было суждено попадать в объективы фото- и телекамер.

Седоватый, средних лет, в сером костюме, смуглый от природы. Сидит за очень странным, на наш взгляд, полукруглым столом. Вся поверхность занята стопами бумаг. Прямо перед Черненко кожаная папка без каких бы то ни было клапанов для застешки... Догадываемся, что

папка для самых высоких докладов. Наверное, для Брежнева.

Робко сели у окна. Ждем.

— Ну что? Какие соображения? — огорошивает нас вопросом хозяин кабинета, а сам довольно иронично улыбается.

Нам с Бутиным остается только недоуменно переглянуться и молчать. Мы не имеем ни малейшего представления о теме предстоящей беседы.

— Что, — спрашивает Черненко, — вам ничего не сказали?

— Нет...

— Хм... Вам предлагается работать в ЦК. Инструкторами. В Общий отдел...

Шок! Полное смятение. Что-то происходит небывалое — с наших маленьких должностей в комсомоле в аппарат ЦК КПСС никого не брали. Надо служить, как медным котелкам. Перескок по лестнице субординаций значительный, через несколько ступеней.

— Согласны?

Молчим, не в силах «переварить» предложение. Похоже, что Черненко наше поведение начинает изрядно веселить. Губы растягиваются в улыбке, в чуть раскосых глазах пляшут веселые чертики, иронии в голосе — хоть отбавляй.

— Хо-ро-шо... А я ожидал услышать, что «считаете за большую честь»! Все так говорят... — его тон снова становится серьезным, он встает из-за стола, пожимает руки. — Ладно, идите!

Через два или три дня после встречи с Черненко вопрос решился. Нас взяли...

Отдел, которым руководил Константин Устинович, назывался «Общим» и, значит, занимался всем сразу: от анализа и обобщения различной информации до контроля и проверки исполнения всевозможных партийных решений. Работа эта мне тогда представлялась бюрократически-скучной, но статистически точной. Я же обладал живым характером, любил стихи, особенно Пушкина, творчество которого хорошо знаю до сих пор, собрал огромную поэтическую библиотеку, ходил в походы, пел песни и, чего греха таить, был непрочь провести время за добрым столом

с товарищами...

Переход в ЦК сулил некую стабильность. Придавал серьезность и весомость положению. Обещал встречи с интересными людьми. Сулил масштабные задачи, наверное...

В общем, вырос я из комсомольских «штанишек». А всем хорошо известно, что, будучи на организационной работе в комсомоле, в принципе можно тянуть лямку до самой пенсии. Сил бы хватило да молодежной энергии! Были случаи, когда это происходило в самом деле.

Что у меня в багаже... Комсомольский вожак на Липецком тракторном, первый секретарь Липецкого обкома комсомола, работа в ЦК ВЛКСМ.

А тут — Старая площадь!

Мои опасения относительно рутинности работы в Общем отделе частично подтвердились — с прибывшими новичками начал инструктаж заместитель Черненко Клавдий Михайлович Боголюбов. Говорил он скучно, с излишней методичностью, артистически выверенными паузами, делая ударения на словах: «самый главный отдел», «ответственнейшая работа», «большая честь»...

Его манеры, стиль поведения разительно отличались от черненковских.

Забегая немного вперед и опережая этим самым ход событий, сразу же хочу несколько подробнее рассказать о Клавдии Боголюбове — только с той целью, чтобы больше к его персоне никогда не возвращаться. Лично мне рассказывать о нем — радость не большая...

Словно герой Уильяма Шекспира, этот Клавдий — не отчим принца датского Гамлета, а человек, долгие годы работавший в непосредственной близости от Черненко, бывший его заместитель. Продвигаемый вверх по служебной лестнице, он был также не лишен изрядной доли коварства, что особенно ярко проявилось в последние годы жизни Константина Устиновича.

Находясь на высоких ответственных должностях в аппарате ЦК, будучи по роду службы в Общем отделе приближенным к Брежневу, а затем и Андропову, Боголюбов весьма преуспел в получении жизненных благ.

В начале войны Клавдий Михайлович несколько месяцев заведовал отделом в райкоме партии. Оттуда пошел в высшую партшколу. По причине учебы война минула его стороной. Однако в биографических справках, заполняемых им многократно и в разные годы, Боголюбов всегда указывал, что он участник Отечественной войны 1941 — 1945 годов.

Не обладая, по мнению многих работавших с ним вместе людей, заметными талантами и способностями, но удачливо используя свое высокое и приближенное к руководству страны и партии положение, Боголюбов без труда защищается и становится доктором наук. Причем наук сельскохозяйственных, к которому (сельскому хозяйству) он никогда отношения не имел. В соответствии с научным званием приходит и должность — заведующий отделом ЦК. Это облегчает путь наверх — в членство ЦК и в депутатство — Верховный Совет СССР.

Боголюбов хорошо отрабатывает и оттачивает технологию «награждения» самого себя орденами и медалями. Суть этой процедуры оказывается на удивление примитивной: будучи заведующим Общим отделом (как раз именно этим отделом в день моего прихода в 1972 году заведовал Черненко), он в качестве технического исполнителя, оформляя списки к награждению, не забывал время от времени вписывать и свою фамилию.

К своему 70-летию он именно таким образом получает орден Ленина. На следующий год — за успешное проведение Олимпийских игр — орден Дружбы народов. И так далее, и так далее...

В то время наградная «эпидемия» была в самом разгаре. Все помощники Брежнева, например, были лауреатами Государственных премий, а один даже — Ленинской!

У Боголюбова же никакого лауреатства не было. А чем он хуже? Клавдий Михайлович, не мудрствуя лукаво, «втискивается» в список проектировщиков одного сугубо научно-технического проекта — лауреат Госпремии!

Следующий список строителей и архитекторов одного из служебных зданий в Кремле на соискание Ленинской премии украшает его фамилия!

Теперь ему не хватало только Звезды Героя... Не Советского Союза — это слишком, а Социалистического Труда. Тем более что социальные блага обе награды дают одинаковые.

Приближается 75-летие Боголюбова. На семидесятилетие его Звездой не наградили, хотя он сильно старался. Орденом пришлось ограничиться.

Семьдесят пять — это вполне подходящий повод, а шанс, в связи с преклонным возрастом, последний.

Началась интенсивная подготовительная работа. Чтобы достичь своей коварной цели, надо «обезоружить» высокое руководство. Расчет простой: у него, руководства, есть свои слабости.

В сентябре 1984 года Генеральному секретарю ЦК Черненко исполнялось 73. Дата для Черненко не круглая. Наград по такому поводу, по цеховским канонам, не полагается.

— Но ведь речь идет о Генеральном! — убеждает всех Боголюбов. — Вы что, не понимаете?

Он развивает бурную деятельность, не только рождает идею, но и максимально содействует ее реализации, получает одобрение и поддержку...

Вот так совершенно больной Черненко — за несколько месяцев до смерти — получает (из рук Дмитрия Устинова) третью Золотую Звезду.

Теперь Боголюбов мог без упреков совести ходатайствовать и о себе самом. В ноябре ему исполнялось 75 лет. Вписывать в чужой рескрипт Звезду нельзя, этот процесс не массовый, а индивидуальный — только просить, просить, просить. Или требовать!

Как-то я приехал к Черненко с докладом на дачу в Усово. После второго «высокогорного» отдыха ему становилось то лучше, то хуже, но режим оставался прежним: постельно-комнатным. В конце разговора Константин Устинович вдруг, без всякой связи с предыдущим замечает:

— Тут вот что... Боголюбов очень хочет получить Героя

к своему юбилею... Для него это, пожалуй, слишком... Ты передай Горбачеву от моего имени — он сейчас «на хозяйстве», за Секретариат отвечает, — чтобы воздержался...

Смотрю на полный комплект «вертушек» и телефонных аппаратов, стоящих на столе — в двух шагах от замершего посреди комнаты Черненко, и молчу. Что-то лукавит Константин Устинович. Раньше за ним такого не водилось. По отношению ко мне, во всяком случае... Но делать нечего. Надо исполнять указание!

Приехав в Москву, я исполнил поручение, позвонил Михаилу Сергеевичу и передал слова Генерального. На том конце провода услышал какое-то мычание — не разобрать. Неопределенная какая-то реакция, правда, с нотками удивления.

При очередном звонке в Усово докладываю Черненко об исполненном задании:

— Горбачеву я сказал, Константин Устинович, чтоб воздержался в отношении Боголюбова, как велели...

Теперь здесь не следует никакой реакции. Ни да, ни нет...

Я начинаю забывать об этой истории, а через несколько дней узнаю, что Клавдий Михайлович Боголюбов получил свою вожденную геройскую звезду! Как говорят французы: «Се-ля-ви!» Такова жизнь!

Попался Боголюбов — человек весьма солидного возраста — в 1985-м! При том же самом Горбачеве, когда «по привычке» вписал себя в наградной лист к 40-летию Победы. Тут и сказке конец: всплыла его изначальная ложь о фронтовой биографии, а за ней ниточкой потянулись другие неблагоприятные истории с издательской деятельностью, когда фамилия Боголюбова фигурировала во всех сборниках КПСС в качестве составителя, когда за эти публикации шли баснословные гонорары, партвзносы же с них, как водится, не платились... И так далее, и так далее...

Я без особого удовольствия рассказал об этом человеке. Но я, как и многие другие, долгие годы работал с ним в одном коллективе, был невольным свидетелем его поступков и молчал.

Хотя почему — молчал? Не молчал. Как и другие, говорил об этом шепотом, возмущался в кулуарах, иногда терпеливо (как в самый первый день работы в ЦК) слушал его выпренные речи на собраниях...

Что ж, было и такое. Из песни слова не выкинешь!

Возвращаюсь к самому первому дню работы в ЦК. Как давно он был и с чего начинался...

С оборудования рабочего места. На нем нет никаких «вертушек»: ни специального аппарата высшей правительственной связи «АТС-1», ни более скромного «АТС-2». Только самый обычный — городской. Рядовому инструктору больше не положено. Плюс стол, на котором должен стоять телефонный аппарат, настольная лампа, жесткий стул, канцелярские принадлежности, сейф да вешалка в углу комнаты...

И началась рутинная работа. Ее суть, провозглашенная моим наставником на первое время, была примерно такой: «Что было раньше — забыть! Начиная учиться сначала...»

В тридцать семь лет! Не очень легко. А тут еще трудно изжить из себя комсомольские привычки.

Трудно порой усидеть на месте, хочется оторваться от этого обилия бумаг, перекинуться с кем-то парой слов, разыграть кого-то по давней комсомольской традиции. Но нельзя... Дисциплина строжайшая, тем более что мое основное направление работы — контроль за исполнением документов внутри служб и подразделений самого ЦК...

Через два месяца мое «ученичество» закончилось. Я выехал в первую командировку — в Северную Осетию. Там я нес крест не только представителя Общего отдела, а представителя всего ЦК, центрального аппарата партии...

Это обязывало ко многому...

А первый рабочий день кончился буднично. Работа казалась какой-то чересчур бюрократической... К этому предстояло привыкнуть.

Глава 3

«ВОДИТЕЛИ ПЕРЫШКА»

Итак, я работаю в Общем отделе... Что это за отдел? Чем занимается? Каково его положение в общей, весьма запутанной с первого взгляда, но на самом деле весьма четкой структуре самого главного партийного аппарата?

Чтобы суметь ответить на эти вопросы, надо обратиться к истории. Не очень дальней — не стоит копать слишком глубоко. Ограничимся описанием аппарата времен Сталина.

В период его властвования это подразделение называлось не «Общим» и даже не «отделом», а «Особым сектором». Даже от одного этого названия веет какой-то повышенной секретностью. Да так, по сути дела, оно и было. Редкий документ не имел грифа «секретно» или «совершенно секретно». Хранить секреты тогда умели и отвечали за это головой. А разве в нормальном государстве могло быть иначе? В соответствии с этим число сотрудников, допущенных к партийным тайнам, было весьма ограниченным, а проверка их благонадежности — архисерьезной.

Не минула сия чаша и меня. Персона, претендующая на работу в этом подразделении, тщательно проверялась в КГБ. Достоверность каждого фактика биографии скрупулезно и тщательно анализировалась. Изучались родственные и «не родственные» связи...

Однажды, когда я уже работал помощником у Черненко, в момент откровенной беседы, касавшейся репрессий 30-х годов, я признался:

— Константин Устинович, а мой дед был расстрелян...

Черненко посмотрел на меня и тотчас ответил:

— Я знаю...

Больше мы к этому разговору никогда не возвращались. Но я понял: с материалами проверки моей «благонадежности» он знаком досконально. И если для него в те времена — в середине 70-х годов — факт репрессированного родственника не имел особого значения, то это, на мой взгляд, делало шефу честь...

В сталинские времена Особый сектор — святая святых партии — возглавлял легендарный Поскребышев.

Личность этого человека долгие годы будоражит не только умы обывателей, но и людей сведущих — журналистов. Чего стоит лишь одна красивая легенда о том, что Поскребышев, человек наиболее близкий (по работе в аппарате ЦК) Сталину, перед смертью написал мемуары или раньше вел дневники и они хранятся где-то в потаенном месте. Вот стоит их найти — и станут известны все главные секреты эпохи!.. Увы, миф об этих мемуарах напоминает историю с таинственной библиотекой Ивана Грозного. Все о ней говорят, но никто не знает, где искать...

Однажды я спросил о мемуарах или дневниках Поскребышева у Черненко.

— Нет, — ответил он мне. — Я твердо убежден, что таких дневников не было. Он не мог их вести в силу специфики работы у «Самого» и из-за особенностей своего скрытного характера... По крайней мере, после его смерти ничего обнаружено не было. Мне ль не знать — изъятием архивов занимается наш отдел...

Мой коллега по работе Г. А. Иванов, знавший Поскребышева лично, спросил его в 1964 году — пишет ли он мемуары и собирается ли их публиковать? Тот ответил, что собирался написать кое-что, но только о периоде работы в башкирском городе Белебее, где он в 1917 году вступил в партию, то есть до прихода в ЦК. И не более и не далее. Вот что такое работать у «Самого»!

Старейшие работники ЦК вспоминали Поскребышева охотно и даже с уважением.

— Человек-машина! Безотказен ночью и днем... Никогда не ходил с пухлыми папками, — тут они иронично улыбались, очевидно, намекая на нынешние грессбухи для

докладов. — На вызов «Самого» ходил с «корочкой», в которой был лишь один документ, но нужный Сталину именно в сию минуту. Блокнотик у него был малюсенький. В нем никаких записей! Так, одни пометочки...

Из этих воспоминаний выходило так, что Поскребышев все поручения Генсека по самому широкому кругу вопросов, от партийных и экономических до международных и культурных, запоминал и контролировал исключительно по памяти. У него в голове непонятно как умещались и тотчас в нужный момент извлекались всевозможные цифры, показатели, фамилии, даты, географические координаты и так далее...

О его дисциплине и исполнительности рассказывали так, что становилось непонятно, когда он отдыхал и отдыхал ли вообще...

Журналисты и литераторы (а также киношники) создали следующий портрет Поскребышева — появляется и исчезает, словно статист в театре, молчаливая фигура: голова наголо обрита, жесткий френч, ни малейших эмоций на лице. В общем, их версия ничуть не противоречит рассказам стариков — цековских аппаратчиков.

Так случилось, что моя судьба дважды как бы пересекалась с судьбой Александра Николаевича Поскребышева. Конечно, лично мы знакомы не были и быть не могли, ведь он родился в 1891 году и умер в середине шестидесятых¹, задолго до моего прибытия в аппарат ЦК. Но, во-первых, мне, как и ему, хоть и в несравнимо разных условиях, довелось работать помощником Генсека, во-вторых, когда в марте 1984 года меня выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, я узнал, что в 1946 и 1950 годах именно по этому округу баллотировался генерал Поскребышев.

1 А. Н. Поскребышев умер в 1965 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Итак, Общий отдел, который раньше назывался «Особым сектором». Самый настоящий центр бюрократии. Бумаги — туда, бумаги — сюда... Бумаги — вверх, бумаги — вниз... Несметное количество «входящих» и «исходящих». И не дай Бог запутаться в этом мире!

Ведь за каждым документом — судьбы страны, общества, миллионов людей и конкретных личностей. Конституционно правящая партия, естественно, вбирала в себя все нити управления наиболее важными сторонами экономической, политической, культурной, социальной жизни государства, его обороны, внешней политики. Любая проблема концентрировалась в соответствующих документах. А широта их почти космическая — от проблем освоения новых нефтяных месторождений, строительства Байкало-Амурской магистрали, испытаний межконтинентальных баллистических ракет, реализации международных договоров по ПРО, СНВ-1, СНВ-2 до уборки урожая, создания нового культурного центра или спортивного комплекса. В этих документах поистине ощущалось биение пульса страны и даже всей планеты. И весь этот своеобразный кроветворный поток шел через жизненно важную систему — Общий отдел, бразды правления которым держал в своих руках К. У. Черненко. Только окунувшись в этот океан, можно понять и оценить, почему минута промедления в работе с документами в потоке непрерывной информации может вылиться в сложные проблемы, непредсказуемые по своим последствиям. (Вспомним полет Пауэrsa над территорией СССР на У-2, Карибский кризис, события в Чехословакии 1968 года и др.)...

В этом гигантском потоке тебя подстерегает масса сложностей и опасностей, и самая главная из них — возможность захлебнуться в этом потоке информации, потерять нити управления, обюрократиться, и тогда огромный государственный маховик будет работать с огромными перебоями и перейдет на холостой ход.

Как-то Черненко попросил меня подобрать ленинские высказывания о борьбе с бюрократизмом. Меня поразили тогда строки из письма Ленина к Цюрупе, и я их выписал:

«Тов. Цюрупа!.. Все у нас потонуло в паршивом бюрократизме “ведомств”. Большой авторитет, ум, рука нужны для повседневной борьбы с этим. Ведомства — говно; декреты — говно. Искать людей, проверять работу — в этом все...»

Черненко не спеша прочитал, а затем сказал:

— Хочешь, скажу, почему ты отобрал именно это письмо? Тебя привлёк наверняка непривычно резкий, даже грубоватый его тон и желание процитировать именно такого Ленина. Что, не так?

Я молчал. А он продолжал:

— Думается, что, прибегнув к таким, напроць лишенным дипломатии выражениям, он наверняка хотел встряхнуть управленцев — попробовать освободить их от говорильни, гипноза бумаготворчества, заседательской суёты... — и включил предлагаемую мной вставку в свою статью.

Я понял, что Черненко, многие годы проработавший на посту заведующего самым «бюрократическим» отделом ЦК — Общим отделом, до тонкости знал аппаратную работу и, может, по- своему любил ее...

Надеюсь, что всем ясно — речь идет об аппарате «правящей» и «управляющей» партии. Система функционирования была хоть и тщательно отлаженной, но необычайно жесткой. Ничто и нигде не решалось без бумажки. Документы в ЦК, документы — из ЦК, документы — внутри ЦК.

Задача отдела определялась интригующе лаконично — «обслуживание высших органов партии». Под этим подразумевалось: организационное и техническое обеспечение съездов, пленумов, заседаний Секретариата, заседаний Политбюро и так далее... Документы имели дату своего рождения и смерти — от подготовки до помещения в архив. Ни одна, самая срочная, самая важная, самая неожиданная, сверхконфиденциальная информация не могла миновать Общий отдел.

И от этого знания, чувства причастности к сверх-, супер- и ультратайнам голова могла просто пойти кругом...

В адрес ЦК — без которого не решалась ни одна проблема — ежедневно «мешками» валили письма. С мест

поступали тысячи просьб и предложений. Масса документов носила кадровый характер...

Каждый из этих документов требовал дополнений — к ним прикладывались справки, подкалывались запросы и ответы, по ним готовились проекты решений.

В безмерном потоке бумаг, захлестывающем аппарат, можно было раз и навсегда безнадежно потеряться.

Вот тут я и понял: бюрократия — слово хорошее! Оно означает — четкий порядок и безупречную организацию делопроизводства...

Работа с документами в аппарате ЦК — в начале семидесятых велась по старинке. Она практически ничем не отличалась от сталинских времен. Но в некоторых правительственных учреждениях, например, Госплане, Госснабе, министерстве обороны, прогресс был куда больше — там уже внедрялась различная «кибернетика».

Черненко стоило немалых усилий, чтобы сломать работу «по старинке». При нем в ЦК появились привычные теперь всем репринтные машины, начало применяться микрофильмирование, этажи здания прорезали трубы пневмопочты, замерцали дисплеи первых компьютеров... Тогда это были удивительные новшества, о которых можно было прочесть лишь в журнале «Наука и жизнь».

Иногда мне казалось, что, являясь инициатором всех этих нововведений, Черненко им не доверял и перепроверял их возможности.

Поднимет трубку и говорит какому-нибудь сотруднику:

— Не помню, то ли в прошлом, то ли в позапрошлом году принимали мы решение... Об оказании финансовой помощи такой-то развивающейся стране... Не могли бы вы мне сообщить, какая была сумма, в какие сроки должны были исполнить и вообще — исполнили ли?..

Сидит, на часы поглядывает.

Проходит минуты три-четыре... Звонок:

— Константин Устинович, — говорит сотрудник. — Решение принималось тогда-то... Сумма такая-то... Исполнено такого числа... А копия документа направлена в ваш секретариат по пневмопочте.

Через минуту входит секретарь и подает документ. Тот самый, что по пневмопочте пришел.

Чувствуется, что Черненко доволен, но внешнего своего удовольствия ни за что не покажет, будто все в порядке вещей.

— Спасибо. Можете идти... — и весь разговор.

Через четыре года работы в самом секретном — Общем отделе ЦК я получил предложение стать помощником секретаря ЦК КПСС Черненко (пока еще не генерального). Произошло это столь же обыденно, как и в первый раз.

— Ну что? — спросил меня Черненко. — Какие будут соображения?

— О чем вы, Константин Устинович? — не понял я вопроса.

— Есть предложение... — сказал он.

И я стал его помощником, влился в другую «кухню» — уникального подразделения ЦК КПСС, получившего во времена Брежнева особое влияние. В течение последующего времени мне пришлось исполнять нелегкие, порой весьма расплывчатые, а то и вовсе странные обязанности.

Многолетняя история формирования верхних эшелонов власти показывает, что никто не может ограничиться лишь одними официальными должностными лицами. Каждый лидер формирует дополнительно свою команду, в которую, как правило, входит группа людей весьма компетентных, образованных, способных четко уловить мысль шефа и облечь ее в предложение удобоваримой формы, будь то текст доклада, выступления или интервью журналистам...

Как правило, эти люди аккумулируют и анализируют самую разнообразную информацию, составляют справки, изучают статистические данные и постоянно «подпитывают» своего патрона. С их помощью он был в курсе многих дел и мог держаться «на плаву».

Роль помощников генсека неизменно выросла при Брежневе. Но я не стал бы связывать этот факт исключительно с особенностями характера Леонида Ильича или его слабостями. Такой процесс шел в верхних эшелонах власти по всей планете. Широкое внедрение телекоммуникационных систем в управленческие сферы, огромный и постоянно растущий поток информации,

высочайшая интенсивность развития общественных процессов диктовали необходимость в большой аналитической работе, анализе и обобщениях, более свободной ориентировке во всех происходящих событиях, умении быстро и адекватно реагировать на все происходящее в стране и за ее рубежами. Институт помощников стал и важен, и авторитетен. Но, как это бывает в тенетах высшей власти, в этом институте находилось немало «карьерных» людей. Особое приближение к высокому руководству буквально гипнотизировало многих из них. Некоторые так умели преподнести свои способности, что шеф и в самом деле начинал верить в их незаменимость, недюжинность и талант. Им многое прощалось и многое сходило с рук...

Брежнев не мог шагу ступить без своих помощников. Они участвовали во всех переговорах, многочисленными свитами мотались с ним по заграницным вояжам и дошли до того, что... перестали выполнять некоторые свои основные обязанности. Например, писать тексты речей и выступлений генсека. А зачем, когда к этой работе, пользуясь именем шефа, можно привлечь широкий круг авторов самого высокого ранга: известнейших ученых, редакторов центральных газет и журналов, писателей, крупных специалистов отраслей...

Так родилась известная литературная эпопея «Малая Земля», «Возрождение», «Целина», настоящими авторами которых являются покойные и ныне здравствующие видные публицисты того времени.

В качестве мастеров первоначальных набросков приглашались бойкие молодые «перья» — способные журналисты, работавшие в самом аппарате ЦК, умеющие «водить перышком».

Они работали на академиков и редакторов. Те, в свою очередь, «причесывали» материал и литературно обрабатывали. При этом, встречая свежие, порой неординарные мысли, концепции, суждения, выдавали их за собственное творчество — в муках выпестованное, выстраданное, с потом и кровью взлелеянное.

Каждый помощник обрастал своим кругом авторов. На многие недели и месяцы они отвлекались от своей основной работы, вывозились в загородные правительственные резиденции, содержались в условиях санатория высокого класса, корпели над своими разделами «трудов».

С годами статус помощников Генерального резко возрастает. Они избираются депутатами Верховного Совета СССР и РСФСР, входят в состав руководящих органов партии, получают по полной программе все льготы и привилегии.

Я выше уже рассказал, что все помощники Брежнева стали лауреатами Госпремии, а один из них, Александров-Агентов¹, Ленинской. Столь высокую по тем временам награду он получил за то, что был консультантом двадцатисерийного советско-американского фильма «Великая Отечественная». Кто забыл, напомним: каждая серия начиналась с пространной цитаты Леонида Ильича, а последняя, двадцатая, имела в финале сцену: генсек на катере плывет у черноморского побережья и старческим оком вожделенно озирает «Малую Землю» — тот самый плацдарм, на который когда-то высаживалось подразделение, где подполковник Брежнев был скромным политработником.

Многие вскользь брошенные «водителями перышка» фразочки со временем становились громкими лозунгами: «Экономика должна быть экономной», «Чтобы лучше жить — надо лучше работать», «Решающий, определяющий и завершающий» годы пятилетки.

Один из авторов такого «перла» как-то, будучи в приподнятом хорошем настроении, не без гордости произнес:

— Это мои лозунги читает советский народ!

¹ А. М. Александров-Агентов — «аксакал» в корпусе помощников. Свою карьеру он начинал в аппарате советского посольства в Швеции еще при А. М. Коллонтай. Работал с Хрущевым, Брежневым, Андроповым, Черненко. У Горбачева помощником не был, но зато выпустил книгу «От Коллонтай до Горбачева».

Не обходилось и без курьезов. Некоторые из них становились достоянием общественности и прямоком попадали в анекдоты.

На торжественном заседании в Баку, посвященном 60-летию Азербайджана, многочисленная свита Брежнева переусердствовала и выдала ему текст выступления, который он должен был произносить совсем в другом месте и на следующий день.

В течение нескольких минут Генеральный секретарь старательно, добросовестно, с расстановкой читал написанное, не реагируя на подаваемые из-за кулис реплики. В конце концов его помощник приблизился к трибуне и дернул его за рукав.

— А-а-а? — обернулся Брежнев и, получив комплект совсем другого доклада, улыбнулся в зал: — Я не виноват, товарищи!..

Все не только посмеялись, но даже поаплодировали этой шутке.

Никаких негативных последствий это происшествие не имело. А виноваты были двое: помощник Александров-Агентов и начальник охраны генерал Рябенко.

Именно Рябенко, бдительно «охранявший» первые экземпляры текстов, сунул Брежневу в последнюю минуту совсем не те листы.

Почему я, рассказывая об Общем отделе, уделил внимание институту помощников? Да по той простой причине, что числились они все именно за этим отделом. Здесь они получали зарплату, состояли на партийном и профсоюзном учете, здесь платили взносы и так далее...

Со смертью Брежнева институт помощников Генерального секретаря претерпел значительные изменения. Пропал этакий ореол таинственности и недоступности, «корпус» стал необычайно пестрым.

Период от Брежнева — через Андропова — к Черненко составляет два с небольшим года. В это время исчезают со сцены «брежневцы»:

А. Блатов — послом в Нидерланды, Г. Цуканов — в отдел работы с загранкадрами, В. Голиков — на пенсию, Е. Самотейкин — послом в Австралию.

У Андропова по приходе к власти были свои помощники — два генерала, пришедшие с ним вместе из КГБ, — В. Шарапов и П. Лаптев. Кроме них, двое «гражданских»: А. Вольский из отдела машиностроения и Б. Владимиров из бывшего аппарата Суслова.

Вскоре Владимиров отправился в отдел науки, на его место — уже к Черненко — пришел В. Печенев, а в качестве референта был прикомандирован П. Осокин, с самим Черненко пришел автор этих строк — В. Прибытков.

Так уж получилось, что Черненко, по своей деликатности и из-за нежелания кого-то обидеть, стал обладать группой помощников из шести человек!

Такого не было ни при одном его предшественнике. Правда, вскоре, после возвращения П. Лаптева в КГБ, помощников осталось пятеро... В полном соответствии со штатным расписанием.

Думаю, будет уместно, рассказывая о помощниках генеральных секретарей, вспомнить и об одном помощнике Горбачева — о Валерии Ивановиче Болдине.

Болдин работал с Михаилом Сергеевичем давно, со времен, когда тот был еще рядовым секретарем ЦК КПСС. Пришел к нему из журналистики, стал правой рукой — помощником номер один!

В дни августовского (1991 года) путча, вошедшего в историю под названием ГКЧП, занял позицию, совершенно противоположную позиции своего шефа. Вошел в число Комитета. Потом Лефортово — тюрьма КГБ, суд... Потом В. И. Болдин опубликовал свои весьма любопытные воспоминания об этом времени.

Тоже очень примечательная судьба. Не правда ли?..

Сегодня описываемые мной события все дальше и дальше уходят в историю. В тех кабинетах, где когда-то сидели «водители перышка», находятся совсем другие люди — тех разнес, разметал ветер перемен. Но иногда берешь в руки какую-нибудь статью, текст выступления, начинаешь читать и тотчас восклицаешь: «Автор, я тебя знаю! Мне знакомо твое перо, твои обороты речи... Но что с тобой

произошло? Твои выводы полная противоположность тому, что писал раньше. Ты шагаешь в ногу со временем? Ты стал радикальным, смелым, откровенным и резким? Я от всей души поздравляю тебя! Ты жив, “унесенный ветром” демократии лишь потому, что в свое время прошел хорошую школу — школу аппарата, школу Общего отдела ЦК...»

Глава 4

ТРУДНАЯ ДОЛЖНОСТЬ «ХРАНИТЕЛЯ ПАРТИИ»

С пожелтевшей за полтора десятилетия газеты смотрит на меня из траурной рамки Черненко. Фотографию, когда готовили «похоронный номер», редакторы выбрали пятнадцатилетней давности — здесь будущий Генсек полон сил и энергии.

Помню и слова, произнесенные Горбачевым с трибуны в час прощания: «выдающийся партийный и государственный деятель», «самоотверженный борец за мир во всем мире».

Традиционно-трафаретные слова, написанные нами, помощниками. Наверное, по прошествии более пятнадцати лет эти слова сегодня покажутся многим преувеличенными, всего лишь данью казенной моде. Но вся ли здесь правда?..

Черненко принадлежит к поколению первых партийных интеллигентов, вышедших из глубинки, из народных низов. В партию пришел не за карьерой, а по убеждению. Рядом с ним были сотни тысяч таких, как он, партийцев, которые обладали обостренным чувством долга, горели желанием работать, не щадя себя, и добиваться наилучших результатов. Его путь вверх был долгим — с лесенки на лесенку, и добивался он признания не за счет умения ладить, заводить связи, подыгрывать сильным мира сего, а только на основе дела. Он был фанатом работы и в своем деле стал профессионалом на уровне «аса».

В первом издании книги освещен был сравнительно короткий период жизни и деятельности К. У. Черненко — последние десять лет, а вся предшествующая жизнь, которая как раз доказывала и показывала, что это последнее десятилетие — не прихоть капризной судьбы, не воля

случая, а закономерность, как и избрание его на самый высокий пост в партии, так сказать, осталась за кадром, в тени. Поэтому я решил восполнить этот пробел. Это тем более важно, что наши средства массовой информации так и не сказали сколько-нибудь добрых, объективных слов об этом человеке. Даже после его смерти. Стереотипными были немногочисленные публикации. В них Черненко, как правило, показывался человеком, не имеющим своего лица, «тенью Брежнева», который слепо шел по пятам своего патрона и утешал его во всем.

Но вот наконец-то спустя более 16 лет после смерти К. У. Черненко на Центральном телевидении по каналу ТВЦ 24 сентября и 1 октября 2001 года прошли две передачи в рубрике «Особая папка». Они были посвящены 90-летию со дня рождения Константина Устиновича. Впервые за многие годы людям была сказана правда о Генсеке Черненко и о тех событиях короткого, но довольно напряженного периода, когда он стоял во главе партии и государства. Автором и организатором этой передачи был талантливый журналист Леонид Михайлович Млечин.

В самом деле, Черненко был избран на высший пост в партии и государства уже после смерти Брежнева и Андропова. Значит, были и иные качества у этого человека, и другие соображения, которыми руководствовались избравшие его. Вот на эту тему автору и хочется высказаться более подробно. Начну со ссылки на миланское издательство «Рапполи», в котором оперативно, не в пример отечественным авторам, сразу же после избрания Черненко в феврале 1984 года генсеком вышла книга итальянского журналиста Итало Авеллино (далеко не отличающегося сочувствием Советской власти и правящей КПСС) «Черненко. Хранитель партии».

Вот какую характеристику дает автор К. У. Черненко как новому лидеру КПСС. «Прежде чем войти в Кремль, — пишет И. Авеллино, — К. У. Черненко был долгие годы рядовым партии. Это не Сталин, оставшийся на всю жизнь утонченным и жестоким революционером-конspirатором... Это не Хрущев, пролетарий с темпераментом сангвиника, неземной фантазией и умением ловко лавировать в коридорах власти во времена Сталина... Черненко

напоминает скорее большевика ленинского времени. Столь же простой, сколь и решительный. Мастерски владеющий искусством превращения в лозунг теоретических концепций и сложных директив. Человек, прошедший полжизни среди простых и деятельных людей. В окопах».

Вот об этой «окопной» жизни (конечно же, не только в рамках версии итальянца И. Авеллино) автор расскажет более подробно. Начнем с истоков биографии.

Константин Устинович Черненко родился 24 сентября 1911 года в деревне Большая Тесь Новоселовского района Красноярского края в семье крестьянина-бедняка. Его предками были выходцы из Малороссии, которые в конце XVIII века поселились на берегах Енисея. Теперь деревни Большая Тесь давно нет в помине. Она навсегда вычеркнута из списка населенных пунктов края. Ее поглотила енисейская вода, поднятая плотиной Красноярской ГЭС.

И тут наплывают воспоминания. В одну из своих поездок в Красноярск К. У. Черненко, будучи уже членом Политбюро, Секретарем ЦК, решил побывать в родном Новоселовском районе. Поднялись от плотины вверх по Енисею на катере. Фарватер пролегал над бывшей Большой Тесью. Черненко пристально вглядывался в окрестности, но с трудом узнавал только окрестные холмы. Все остальное — под толщью воды. О чем он думал тогда? О босоногом детстве, о заветных тропинках, березе у родительской избышки? Какие мысли одолевали его седую, как лунь, голову, когда на новоселовском кладбище он стоял у могилы отца, понимая, что надгробие символическое, а прах родителей остался под енисейскими водами? Для нас, участников поездки, это были тягостные минуты. А для него — тем более...

Нелегка была жизнь хлеборобской семьи Устина Демидовича Черненко — жена, пятеро детей. Небольшой надел земли на неудобье обрабатывался лошадью и однолемешным плугом. В неурожай хлеба еле хватало до нови. В урожайные годы часть хлеба продавали — надо было одевать ребятишек, покупать необходимое для хозяйства. Кроме того, Устин Демидович прирабатывал еще бакенщиком на Енисее. Семья постоянно нуждалась, но жили дружно. И душой семьи была мать, Харитина Дмитриевна, женщина деятельная, неутомимая, работающая. Костя с десяти лет уже помогал отцу в поле. Вместе со сверстниками ходил в деревенскую школу первой ступени.

Трудными для страны были первые послереволюционные годы. Повсюду царили разруха, голод, эпидемии. Не обошли они и самые отдаленные уголки. Докатились и до Большой Теси. Семья Черненко понесла непоправимую утрату — от тифа умерла мать. С ее смертью жизнь в семье еще более осложнилась. Женщина, поселившаяся в доме после смерти матери, не только не смогла заменить ее, но и ускорила фактически развал семьи. Немногим более одиннадцати лет было Константину, когда он был «отдан в люди». Работал по найму подпаском. Но продолжал учиться в школе, часто урывками, догоняя сверстников, удивляя их и учителей своей сообразительностью, хорошей памятью. По его словам, настоящую дорогу к новой жизни для него открыла Новоселовская школа крестьянской молодежи, в которую определил его Комитет бедноты. Эти школы-интернаты были созданы Советской властью для обучения детей именно из бедных крестьянских семей, где царила сплошная неграмотность.

Школы крестьянской молодежи, в том числе и Новоселовская ШКМ, были своеобразным детищем развернувшейся в то время в стране культурной революции. Они сыграли позитивную роль в подготовке кадров для коллективного хозяйства, в повышении общеобразовательного уровня сельского населения. Выпускники ШКМ приравнялись к окончившим среднюю школу.

Комсомол считал эти школы своими опорными базами на селе. Там готовили сельских активистов и кадровых комсомольских работников.

В Новоселовской школе крестьянской молодежи в 1926 году Константин Черненко вступил в комсомол. Успешно справляется с комсомольскими поручениями, которых было немало. От комсомольского бюро он занимался политикомассовой и культурно-массовой работой, писал хлесткие заметки в школьную газету, оформлял «боевые листки», участвовал в работе многих кружков, агитколлектива «Синяя блуза».

В одной из наших бесед на отдыхе в Крыму в 1983 году К. У. Черненко увлеченно рассказывал о том, какая огромная тяга была тогда у молодежи к поэзии. Это воспоминание осталось в записи с более или менее точным сохранением стилистики рассказчика. Поэтическое море тогда было бурным. Революционный порыв, коренное переустройство жизни, переоценка ценностей оказали огромное влияние на поэтов. Отзвуки поэтического прилива доходили и до ШКМ в сибирском Новоселове. Здесь тоже часто вспыхивали жаркие поэтические споры, в которых нет-нет да и вставлялись непонятные, загадочные словечки — «лефовцы», «рапповцы», «футуристы», «имажинисты». Не каждый толком знал, что это такое, но до хрипоты спорили о том, кто «наш» и кто «не наш».

Нередко верх брал юношеский максимализм, бескомпромиссность. Безжалостно отменялись дореволюционные поэты и «буржуазные классики». Обеими руками голосовали за Маяковского, Демьяна Бедного. Громили Блока и Есенина. На одном из таких бурных обсуждений кто-то высказался и в адрес Константина Черненко: «Комсомольский активист, а Есенина читает, видели у него в общежитии книжку есенинских стихов». Константин не отрицал, что ему Есенин как поэт нравится. «Если бы даже не нравился, — запальчиво сказал он, — все равно читать надо, чтобы знать идейных противников». И добавил после паузы: «А все-таки плохой поэт не может так хорошо сказать о Ленине». И прочитал строки из «Анны Снегиной»:

Скажи,
Кто такой Ленин?
Я тихо ответил:

Он — вы.

Против такого аргумента никто возразить не смог. Но все же устное порицание комсомольцу Черненко сделали за чтение есенинских стихов. Для порядка, как сказал секретарь комсомольского бюро.

В этой беседе К. У. Черненко признался, что особое его равнодушие к поэзии связано с тем, что он «в молодости и сам баловался стишками». Позже уже его супруга Анна Дмитриевна подтвердила, что он писал стихи и не только в молодости, но и в более зрелые годы. Правда, очень стеснялся этого своего увлечения. Но некоторые вещи ей читал, и они до сих пор хранятся как семейная реликвия.

Поручения комсомольской ячейки, райкома комсомола Константин Черненко выполнял с удовольствием, с каким-то азартом. Однажды райком поручил ему создать пионерский отряд из ребятишек Новоселовской окраины. И он за короткое время добился того, что ватага сорванцов, славившаяся своими дерзкими налетами на сады и огороды, занялась полезным делом. Во главе со своим вожатым ребята помогали в строительстве нового районного клуба, разбивали спортивные площадки, приобщались к физкультуре. А по вечерам у костра распевали «Наш паровоз», «Картошку», слушали рассказы бывалых людей. Вскоре Константин Черненко, будучи еще учащимся ШКМ, был утвержден председателем бюро юных пионеров при Новоселовском райкоме комсомола.

А в 1929 году, сразу по окончании учебы в школе, его назначили на работу заведующим отделом агитации и пропаганды Новоселовского райкома комсомола. С этого и началась биография комсомольского, а затем партийного работника. А вот в сфере производства, на аграрной ниве ему поработать так и не довелось.

Он редко засиживался в райкоме, много ездил, а больше ходил пешком по району. Создавал новые комсомольские ячейки, выступал на комсомольских собраниях и сельских сходах, помогал устраивать любительские спектакли и атеистические вечера, оборудовать новые избы-читальни.

Черненко рассказывал, как однажды вместе с комсомольцами сельской ячейки он участвовал в собрании крестьян деревни Черная Кома. Обсуждался вопрос о создании колхоза. Не все было просто на том собрании. Страсти кипели вовсю. Сидевший в президиуме уполномоченный Новоселовского райисполкома красноярский рабочий-железнодорожник, коммунист В. Изыпчук то и дело успокаивал не в меру разгоряченных ораторов. И вдруг из окна грохнул выстрел, сразивший насмерть уполномоченного. Такие террористические акты были тогда не редкость.

Комсомольская работа увлекала Константина Черненко, выковывала из него, как он говорил, политического бойца. Свое будущее он не представлял иначе как связанным с большевистской партией. В 1929 году его приняли кандидатом в члены партии.

Осенью 1930 года жизнь Константина Черненко круто повернулась. Три работника Новоселовского райкома комсомола, три друга твердо решили вместе пойти добровольцами в пограничные войска. Секретарь райкома Евгений Григорьев и два заведующих отделами — Константин Черненко и Василий Высокое. В окружном комсомоле сначала возражали. Но когда убедились, что они подготовили себе достойную смену в райкоме, согласились.

Как потом рассказывал Черненко, нетерпение друзей было настолько велико, что они не стали ждать очередного парохода из Абакана, в складчину купили лодку, запаслись продуктами и своим ходом отправились из Новоселова вниз по Енисею до Красноярска. В окружном военном комиссариате оказалось не так просто добиться исполнения заветного желания — служить на границе. Желающих было гораздо больше, чем предоставленных мест. Только благодаря личной настойчивости друзей и не без помощи окружкома партии комсомольских работников направили на один из сложных участков советско-китайской границы.

На этой границе тогда было неспокойно. Налеты на наши среднеазиатские республики басмаческих банд организовывались с территории Афганистана, Ирана, из китайской провинции Синьцзян. В 1929 году возник конфликт на Китайско-Восточной железной дороге.

Константина Черненко направили в Джаркентский пограничный отряд в Семиречье, на границе Казахстана с Китаем, а после подготовки в учебном эскадроне — кавалеристом на погранзаставу Хоргос. Там он вскоре был избран комсомольским вожаком. Не проходило и дня без вооруженных стычек с нарушителями.

Черненко не раз мне говорил, что ему на всю жизнь запомнились первые дни службы в учебном эскадроне. Первый свой наряд с боевым оружием в руках он вместе с другими новобранцами провел в почетном карауле у гроба товарища, погибшего накануне в очередной схватке с бандитами. Тогда каждый из них поклялся, что все свои силы, а если потребуется, и жизнь, они отдадут, защищая священные рубежи Родины.

А пока необходимо было учиться, настойчиво овладевать всеми тонкостями пограничной службы, налаживать контакты с местным населением, вести разъяснительную, политико-массовую работу. На пограничной заставе в 1931 году К. У. Черненко был принят в члены партии.

По отзывам сослуживцев, Черненко с достоинством нес нелегкую пограничную службу, проявляя отвагу в схватке с бандитами. Он метко стрелял из винтовки и ручного пулемета, без промаха метал по целям ручные гранаты. Был хорошим кавалеристом и на охрану участка государственной границы всегда выезжал старшим группы. Он часто выступал в сельском клубе с докладами, проводил беседы с местным населением на политические темы. В свободное время занимался самообразованием, много читал. А вскоре коммунисты заставы избрали его секретарем партийной организации. И с тех пор, по словам Константина Устиновича, смыслом и содержанием всей его жизни стала партийная работа.

Перенесемся на пятьдесят лет вперед.

Август 1979 года. Член Политбюро, Секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко в ходе командировки в Казахстан побывал на пограничной заставе Хоргос — заставе своей молодости, где он служил, вступил в члены партии и стал ее парторгом. Застава входила в состав Панфиловского (в 30-е годы — Джаркентского) пограничного отряда. Вот этому пограничному отряду 16 августа 1979 года в торжественной обстановке К. У. Черненко вручил орден Красного Знамени за большие заслуги в деле охраны государственной границы и в связи с 50-летием со дня его создания. Потом были встречи с пограничниками, знакомство с образцами нового оружия, беседы и выступления.

Константин Устинович был искренне взволнован этой встречей с юностью, но свои эмоции старательно прятал. Тогда было не принято руководящим лицам совершать какие-то личные частные поездки, тем более ностальгического рода. Рядом — солидное окружение: Председатель Совета Министров Казахстана Б. А. Ашимов, второй секретарь ЦК КП Казахстана О. С. Мирошхин, командующий погранвойсками КГБ СССР генерал армии В. А. Матросов и еще многие официальные сопровождающие лица областного и районного масштаба.

В память о посещении заставы Хоргос К. У. Черненко посадил ореховое дерево. Наверное, оно выросло, окрепло, шумит листвой, но уже на погранзаставе другого государства, называемого ныне «ближним зарубежьем»...

Наступило лето 1933 года. Для парторга заставы старшего политрука Черненко закончилась полная тревоги, ответственности и романтики пограничная служба. Впереди была новая жизнь. Коммунист Черненко прибыл в распоряжение Красноярской краевой партийной организации. Не скрывал радости, когда получил назначение на работу заведующим культпропотделом в райком партии родного Новоселовского района.

Пять лет провел Черненко в гуще райкомовских будней. В своей беспокойной должности он целыми днями пропадал на полевых станах, в мастерских, школах, клубах, избах-читальнях;

там проходил он школу низовой партийной работы. Учился работать с людьми, понимать их интересы, проникаться их заботами. После Новоселовского райкома работал заведующим отделом в Уярском и Курагинском райкомах партии края.

Годы райкомовской работы, по словам Черненко, стали для него большой политической школой, бесповоротно и окончательно решили его судьбу: партийная работа — это на всю жизнь.

К. У. Черненко, накопившего солидный опыт райкомовской работы, в 1938 году выдвигают в аппарат краевого комитета партии. Он работает заведующим краевым Домом политического просвещения, заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации крайкома. В 1941 году его избирают секретарем Красноярского крайкома.

В первые трудные месяцы войны оборонная мощь страны, ее экономический потенциал по-истине «прирастали» Уралом и Сибирью. Одним из крупных опорных пунктов советского тыла был город Красноярск.

С первых же дней войны Черненко не сомневался, что ему с его опытом службы на границе, армейской партийной работы место только в действующих войсках, на передовых позициях. Так он и написал в своем заявлении в бюро крайкома. Ждал со дня на день разговора на бюро. И разговор вскоре состоялся. Ему сказали: твоя передовая позиция здесь. В Красноярске — тот же фронт. И вообще в стране нет тыла. Весь народ, вся партия на фронте. И хотя в душе, где-то на доньшке осталось некое подобие обиды, он безоговорочно принял этот фронтовой тыл.

Партийный и советский аппарат Красноярска в первые, самые напряженные месяцы войны работал фактически круглосуточно. Необходимо было в фантастически короткие сроки разместить 42 крупных оборонных предприятия из 20 западных городов страны. А это тысячи эвакуированных рабочих и членов их семей. Приближалась сибирская суровая зима. Надо было размещать людей по квартирам, строить бараки, столовые, пекарни, бани. Квартир не хватало, бараков необходимое количество строить не успевали. Срочно рыли землянки с бревенчатым

накатом, как на фронте. Надо было изготовить тысячи печек — «буржук», обеспечить бараки и землянки дровами и углем. Надо было сделать все возможное, а порой и невозможное, чтобы работали детские сады, школы, больницы, чтобы все были обеспечены по карточкам хотя и скудным, но твердым военным продовольственным пайком. Вот такую адски трудную, порой непосильную работу взвалили на свои плечи партийцы того времени, в их числе и секретарь крайкома партии К. У. Черненко. Это были *люди долга*, всецело ставившие общественные интересы выше личных. А иного и не дано.

Люди, придавленные непомерной тяжестью войны, обремененные множеством новых забот, как никогда нуждались в ободряющем и теплом слове, в надежде, поддержке и единении. Константин Устинович, хорошо знавший нелегкую жизнь народа, всегда сочувствовавший простому человеку, умел находить это сердечное и самое нужное слово. В те годы он не знал кабинетной работы, с утра до глубокой ночи проводил в рабочих общежитиях и бараках, на строительных площадках и полевых станах. Рассказывал о положении дел на фронте, о том, что предпринимается для облегчения трудностей военного времени, вселял уверенность в сердца людей, никогда не отмахивался от их просьб и пожеланий. И много думал о том, как сделать идейно-политическую работу партии доходчивой и эффективной.

Пропаганда и агитация правящей партии в то время обладали колоссальной силой. Могло даже показаться странным, что в напряженные дни октября 1942 года пленум Красноярского крайкома партии обсудил вопрос о состоянии агитационно-пропагандистской работы в крае. Доклад на пленуме сделал К. У. Черненко. Доклад был конкретным, мобилизующим. По его словам, они тогда многое пересмотрели из сложившейся практики и пришли к выводу, что необходимо работать дифференцированно, с учетом возрастных, психологических и социальных особенностей различных групп населения. Вспомнили и о некоторых формах работы, с успехом применявшихся еще в годы Гражданской войны.

В этот период красноярцы выступили с замечательной инициативой, поддержанной на бюро крайкома партии, по организации агитпоездов для фронта. В состав агитпоезда входили агитвагон, вагон-клуб, вагон для лекторов и участников концертной бригады, размещались также библиотека, звуковая киноустановка. К поезду цеплялось и несколько вагонов с подарками сибиряков красноармейцам — посылки с продовольствием, теплые вещи. Красноярские агитпоезда в военное время семь раз выезжали на Калининский, Центральный и Карельский фронты. Каждая такая поездка длилась месяц, а то и более. Лекторам и артистам приходилось выступать по нескольку раз в день. Для фронтовиков приезд агитпоездов всегда был радостным событием. К таким встречам командование частей, как правило, приурочивало вручение орденов и медалей отличившимся в боях воинам. Работу по формированию и организации агитпоездов осуществлял секретарь крайкома партии Черненко. Осенью 1942 года он сам возглавлял поездку такого поезда на Карельский фронт. Невероятная по интенсивности нагрузка военного времени, работа без сна и отдыха, хотя в те годы Черненко был молод и полон сил, скажется на его здоровье спустя время.

В 1943 году по решению ЦК партии К. У. Черненко был направлен на учебу в Москву, в Высшую школу парторганизаторов при ЦК партии. Так закончился красноярский период его жизни. Как видим, это был период его становления и закалки как кадрового партийного работника.

Вспоминается вторая поездка К. У. Черненко в Красноярск в июне 1982 года. Она была связана с майским (1982 г.) пленумом ЦК КПСС, на котором была рассмотрена Продовольственная программа. По итогам пленума Черненко выступал с докладом на расширенном пленуме Красноярского крайкома партии 15 июня. А 16 июня он побывал в родном Новоселове. Было много интересных, волнующих встреч, воспоминаний. В ходе этой поездки мне удалось побеседовать с новоселовскими ветеранами и людьми, знавшими Черненко. Сохранились некоторые записи.

Вот ветеран новоселовской парторганизации Н. М. Питерцев: «Как член бюро райкома партии, Константин Устинович часто выезжал к труженикам полей, которые вели нелегкую борьбу за урожай тех лет. Мне вспоминается, как товарищ Черненко в период уборочной кампании 1936 года по своей инициативе поехал в одно из самых отсталых хозяйств района и так сумел построить в нем работу партийной организации, что колхоз и уборку закончил первым в районе, и перевыполнил план сдачи зерна государству».

А механизатор совхоза «Легостаевский»

С. С. Циглимов сказал просто и коротко: «Мне посчастливилось дважды встречаться с Константином Устиновичем. Это удивительный человек. Меня, хлебороба, поражает простота, большое знание жизни и то, насколько ему близок и понятен простой рабочий».

Два года учебы в Москве закончились для Черненко 29 мая 1945 года. После беседы в Центральном Комитете партии он получил удостоверение № 3060 за подписью секретаря ЦК Г. М. Маленкова, в котором значилось: «Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) командировывает тов. Черненко Константина Устиновича в распоряжение Пензенского обкома ВКП(б) для использования секретарем обкома ВКП(б) по пропаганде и агитации. Срок прибытия к месту назначения 2 июня 1945 года». Именно так тогда решались кадровые вопросы.

Великой Победой закончилась война, но страна лежала в руинах, предстояла тяжелая работа по восстановлению разрушенного хозяйства. Сроки, как всегда, отводились предельно минимальные. За границей никто не верил, что страна, по которой война прошла самым беспощадным молохом, вообще будет жизнеспособна и сможет залечить все раны.

Предстояло вновь поднимать народ на решение общегосударственных задач. Первыми вступали в это историческое сражение партийные пропагандисты. Надо было разъяснить людям всю важность поставленных задач, сделать их близкими и понятными каждому человеку.

Как раз тогда было принято постановление ЦК ВКП(б) «Об организационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с принятием Закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 годы». Черненко выступил с соответствующим докладом на пленуме Пензенского обкома партии. Работа закипела.

В послевоенные годы быстро росла сеть местных газет. Константин Устинович своевременно оценил их растущую роль, часто встречался с журналистами, анализировал районную прессу, нередко и сам выступал в областной печати. Я внимательно читал его публикации того времени. Они отличались конкретностью, знанием дела, четкостью рекомендаций, простотой изложения, доходчивостью. Он не раз подчеркивал, что партийный пропагандист, агитатор — это не начетчик, не «чистый» просветитель, а в первую очередь организатор конкретного дела, политический боец.

Как главный пропагандист Пензенщины, Черненко отнюдь не замыкался узкопартийными рамками, его живо интересовали вопросы культуры, он много внимания уделял тому, чтобы великое наследие отечественной культуры стало достоянием масс.

Много внимания уделял Черненко тогда вопросам увековечения памяти выдающихся людей и событий отечественной истории, которыми богат пензенский край. Он проявил большую настойчивость и организаторские усилия при создании Музея В. Г. Белинского, будучи председателем комиссии по проведению 100-летия со дня смерти великого русского критика. Активно содействовал открытию в Пензе Музея А. Н. Радищева. С огромным вниманием и любовью относился он к Дому-музею М. Ю. Лермонтова. Всемерно поддерживал энтузиастов создания музея-заповедника в Тарханах.

Пензенский период насчитывает всего три года, но он оставил свой след в партийной биографии Константина Устиновича и был положительно отмечен в верхах. Горизонты его деятельности расширились.

И вот в мае 1948 года секретарю Пензенского обкома партии К. У. Черненко вновь пришлось упаковывать нехитрые пожитки к переезду на новое место жительства. По решению ЦК он был направлен в Молдавскую партийную организацию. Восемь лет работал заведующим отделом агитации и пропаганды ЦК Компартии Молдавии.

В беседах со мной он часто говорил о молдавском периоде как о наиболее творческом для него. По его словам, он «работал весело». Видимо, многое тогда удавалось ему сделать такого, от чего он получал удовлетворение. Ему было 37 лет. Это был «полдень» его жизни, время осознания собственных возможностей, объективной самооценки. Весь свой багаж агитпропработника он положил на алтарь идеологической и культурно- массовой работы в республике. Обретенную в прежние годы идеологическую практику он обогатил в Молдавии новыми формами массовой работы — организовывал широкие встречи с различными группами населения, где всесторонне обсуждались насущные задачи хозяйственного и культурного строительства. Проводились районные, уездные и республиканские собрания и съезды трудящихся крестьян, интеллигенции, женщин, молодежи, учителей.

Стержнем идеологической работы в республике стала ликвидация неграмотности и малограмотности среди взрослого населения республики. К проведению культурной революции были привлечены десятки тысяч людей, в том числе фактически вся сельская интеллигенция и в первую очередь учителя. Деятельную помощь в организации этого дела оказал комсомол, многие представители которого в качестве «культур- мейцев» принимали непосредственное участие в обучении населения азам грамоты.

Партийные и советские органы сумели добиться к концу 1950 года в основном ликвидации неграмотности и малограмотности. Черненко в беседе с явным удовольствием называл цифру: после освобождения Молдавии от фашистской оккупации было обучено грамоте около 900 тысяч человек.

За многие годы совместной работы я убедился, что для Черненко стержневым, главным содержанием идеологической работы была идея о том, что вся пропаганда должна строиться на конкретном опыте хозяйственного строительства. Главным мерилом эффективности идеологической работы он убежденно считал конкретные результаты экономической и хозяйственной деятельности, «достижения в социалистическом строительстве».

Конечно, в этой четкой, хорошо отлаженной партийной, пропагандистской машине Черненко не был каким-то особым, из ряда вон выходящим звеном. Он добросовестно, с большим рвением и преданностью работал на эту машину.

В сентябре 1956 года закончился молдавский период Константина Устиновича. Он был переведен в Москву, в аппарат ЦК КПСС заведующим сектором агитационно-массовой работы Отдела пропаганды и агитации. Начиналась новая жизнь, новая работа, наполненная той особой спецификой, которая присуща лишь аппарату Центрального Комитета. Искусством управления таким сложным механизмом, каким является аппарат ЦК, Черненко до конца своих дней будет настойчиво и последовательно овладевать. И в определенном смысле преуспеет в этом.

Завершая рассказ о работе Черненко в Молдавии, не могу обойти молчанием некоторые расхожие суждения. Годы работы Черненко, уже зрелого к тому времени партийного руководителя среднего звена, в некоторых публикациях безапелляционно рассматриваются как некий решающий трамплин на пути к власти. И связывается это с именем Л. И. Брежнева, который всего два года проработал первым секретарем ЦК КП Молдавии. К. У. Черненко представляется не иначе как фаворитом Брежнева, его выдвиженцем и чуть ли не личным другом. Конечно, дальнейшая его судьба, московский период работы после Молдавии так или иначе связаны с именем Брежнева. Но утверждать, будто все его дальнейшее продвижение стало возможным только благодаря высочайшему покровительству и личной дружбе, было бы неверно. Надо иметь в виду, что до Молдавии Л. И. Брежнев и К. У. Черненко никогда не встречались, а до прихода Брежнева на

пост первого секретаря ЦК Компартии республики Черненко уже более двух лет работал в Молдавии. И еще в течение четырех лет продолжал там работать после ухода Брежнева в той же должности заведующего отделом. Конечно, в ходе совместной работы Брежнев сумел оценить Черненко как работника опытного, делового, честного и надежного.

Брежневу нужны были люди, на которых можно было положиться. И Черненко оказался именно таким. Поэтому и запомнил его Брежнев и не забывал уже потом. Все дальнейшие перемещения по службе в хронологическом порядке синхронно связаны с передвижением самого Брежнева. Однако характер этих перемещений Черненко можно назвать скорее горизонтальным. Участки, на которые он направлялся после Молдавии, нельзя назвать сколько-нибудь привилегированными (то не была в буквальном смысле понимания «руководящая работа»).

На этих участках не надо было «руководить», а требовалось в первую очередь вести работу самому, причем работу незаметную, черновую, кропотливую, подавать личный пример окружающим и небольшому кругу подчиненных. Так было, когда он работал заведующим сектором Отдела пропаганды ЦК; так было и в период его работы в должности начальника Секретариата Президиума Верховного Совета СССР. На это ушло в общей сложности девять лет. Эти годы стали для Черненко школой аппаратной работы, помогли ему выработать свой взгляд, свою линию, свое отношение к работе органов управления, партийного и государственного аппарата. И когда в 1965 году встал вопрос о выдвижении на ответственный пост заведующего Общим отделом ЦК КПСС, неслучайно была предложена кандидатура Черненко. Предложил это Л. И. Брежнев. Ему поручается тот отдел АППАРАТА, в котором не просто готовятся те или иные решения, но в силу «бюрократически-бумажной» специфики появляется возможность управлять процессом ВЛИЯНИЯ: быстрое решение «нужных» и медленное решение «не нужных» Брежневу вопросов. Только от одного движения документов, их скорости перемещения в пространстве зависит много, очень много в работе и управлении

государством! Что-то продвигается вперед, что-то кладется в долгий ящик...

На подобную должность, от которой зависит собственное существование самого АППАРАТА, ставят не всякого, а самого верного, доверенного человека! Таким для Брежнева был один — Черненко. Хранитель, своего рода, партии! Ее секретов!

Заканчивая своеобразный экскурс в ранние годы биографии К. У. Черненко, хотелось бы подчеркнуть следующее.

Во-первых, его биография — это подлинная биография партийца 30—50-х годов. Тогда практически исключалось, чтобы в их ряды попадали случайные люди, карьеристы, выскочки. Это были поистине партийные труженики-фанаты. Люди им верили, любили их за беззаветную преданность идее, бескорыстие, патриотизм, постоянное чувство долга и высокую ответственность.

Во-вторых, такой богатой, насыщенной биографией партийного организатора-профессионала не могли похвастаться ни тот, кто сменил Брежнева на посту Генсека, ни тот, кто пришел на высшую партийную должность после смерти Константина Устиновича. Ни Андропов, ни Горбачев не прошли такой закалки в партийном «котле». Они слишком гладко шли по «элитным» партийным должностям, шагая со ступеньки на ступеньку. Может быть, и в этом заключается один из ответов на вопрос: почему после Андропова Генсеком стал Черненко, а не Горбачев?

Леонид Ильич Брежнев, вручая К. У. Черненко вторую Золотую Звезду Героя Социалистического Труда 24 сентября 1981 года, обратился к награжденному с такими словами: «Все мы хорошо знаем твою чуткость и организованность, беспредельную самоотверженность в работе. Человек ты, конечно, беспокойный, но это хорошее беспокойство, когда постоянно думаешь, как можно сделать больше и лучше для страны, для трудящихся. Таким и должен быть коммунист».

Так что же особого сделал Константин Устинович Черненко, чтобы получить такую оценку Генсека Брежнева и уникальное звание «хранителя партии»?

Ко времени прихода Черненко в Общий отдел ЦК во всех сферах экономической, общественно-политической жизни страны была безграничная власть аппарата ЦК КПСС. Без ЦК, его отраслевых отделов не решался ни один, даже, казалось бы, и незначительный вопрос. Не говоря уже о кадрах, номенклатура которых в ЦК по каждому министерству или ведомству разрасталась вширь. В адрес ЦК КПСС в этот период поступали тысячи документов, просьб, предложений. Огромное их количество рассматривалось Секретариатом и Политбюро ЦК.

Известно, что работа аппарата — это прежде всего работа с документами. В безмерном потоке бумаг, который в то время буквально захлестывал аппарат ЦК, можно было безнадежно потеряться, если не выработать достаточно четкой и эффективной системы подготовки, прохождения и контроля исполнения документов. К. У. Черненко, возглавив Общий отдел ЦК, с присущими ему деловитостью и настойчивостью приступил к созданию такой системы.

Цель на первый взгляд была предельно проста: сделать так, чтобы руководство ЦК КПСС могло в любое время, по самому приблизительному признаку получить оперативную и исчерпывающую информацию о прохождении и исполнении документа, поступившего в ЦК, постановлений Пленумов, заседаний Политбюро или Секретариата. Такая система была разработана в предельно сжатые сроки, внедрена в центральном партийном аппарате. Центр этой системы, главный ее пульт был в Общем отделе ЦК. Не имея инженерно-технической подготовки, Черненко тем не менее постоянно интересовался малейшей возможностью использования технических средств в работе с документами, организации контроля за их прохождением и исполнением.

Надо сказать, что к тому времени такие системы уже действовали во многих центральных ведомствах (Госплане, Госснабе, Госкомстате, многих министерствах оборонной промышленности). Но аппарат ЦК упорно работал по старинке. К. У. Черненко стоило немалых усилий преодолеть консервативную психологию. В процессе работы с документами постепенно вводились элементы механизации и автоматизации учета и контроля, новые средства оперативной полиграфии, пневмопочта, микрофильмирование и, наконец, электронно-вычислительная техника с банками данных, дисплеями и т. д. Все это в конечном итоге было направлено к одной цели — выработать наибольшую оперативность и четкость в работе с документами.

Был отработан и отшлифован до мелочей регламент подготовки и проведения заседаний Секретариата и Политбюро, разработана и внедрена система контроля и исполнения документов. Весьма строгим был спрос за соблюдение исполнительской дисциплины с работников аппарата ЦК.

Начиная с 1975 года по предложению К. У. Черненко на заседаниях Политбюро стали ежегодно рассматриваться итоги работы Центрального Комитета, его Политбюро, Секретариата и аппарата ЦК за истекший год. Это был обширный материал, в котором отражались основные направления деятельности ЦК — характер рассмотренных на заседаниях Политбюро и Секретариата ЦК вопросов; командировки на места и за рубеж; принимаемые меры по линии аппарата ЦК, Совмина СССР и ведомств по вопросам экономики; выполнение планов работы Политбюро и Секретариата ЦК; состояние контроля за исполнением принимаемых решений; меры, принятые по письмам и жалобам граждан и т. д. Это был своеобразный отчет ЦК о проделанной работе за год. Он всегда с большим интересом и пристрастием рассматривался на Политбюро, а затем рассылался на места. По примеру ЦК обкомы, крайкомы и ЦК компартий союзных республик ввели такую же форму внутрипартийной информации, считали ее эффективной и действенной.

Беспокойная жизнь в прошлом «линейного» партийного работника, знавшего состояние дел не понаслышке, а из первых рук, выработала у Черненко привычку и потребность постоянной связи с «местами». Он даже в Общем отделе ЦК создал специальный сектор по осуществлению связей с отделами местных партийных органов и очень внимательно следил за его работой. Систематически, раз в два года, в ЦК проводились всесоюзные совещания заведующих общими отделами партийных комитетов. Дважды (в 1976 и 1978 годах) в их работе принимал участие и выступал на них Брежнев. Это, безусловно, поднимало престиж Общего отдела, и в первую очередь его заведующего. Несмотря на специфический характер работы Общего отдела ЦК, прикованность основного состава его работников к бумажному конвейеру, Черненко поощрял командировки работников на места, живо интересовался их впечатлениями от поездок. Меня как своего помощника он тоже не приковывал напрочь к себе цепью, давал возможность съездить в командировку, «проветриться, подышать свежим райкомовским воздухом», как он говорил. Я с удовольствием вспоминаю такие поездки по его поручению в ЦК компартий Грузии и Молдавии, Ленинградский, Воронежский, Тульский обкомы партии.

Кабинет Черненко на Старой площади в последние годы жизни Брежнева был по-настоящему штабом ЦК. К нему приходили секретари ЦК, члены Политбюро, чтобы решить оперативные, не терпящие отлагательства вопросы. Министры, руководители отделов ЦК, заместители председателя Совета Министров обращались за помощью по крупным межведомственным вопросам, докладывали о ходе подготовки вопросов к заседаниям Секретариата или Политбюро.

Без лишней суеты, спокойно, порой, казалось, даже флегматично он давал распоряжения, советы, сводил исполнителей, иногда, что было крайне редко, жестко требовал. Но во всех случаях дело двигалось в нужном направлении. Недаром в руководящих кругах ходило негласное правило: хочешь, чтобы дело двигалось наверняка, пробейся к Черненко. И шли на прием,

пробивались к «хранителю партии» и добивались с его помощью решений. Вспоминается такой случай. Однажды, когда К. У. Черненко уже был Генсеком, я ему рассказал, что известный писатель Альберт Лиханов подготовил записку о тревожном, запущенном состоянии многих детских домов, о подчас жалком обеспечении ребятешек, о разваливающихся помещениях. Генсек попросил ознакомить его с этой запиской. А ознакомившись, лично внес ее на рассмотрение Политбюро. Я был на этом заседании и помню, с каким вниманием и участием высший партийный орган обсуждал этот вопрос. Было поручено члену Политбюро, первому заместителю Председателя Совмина Г. А. Алиеву организовать работу по оказанию помощи детским домам и установить срочный контроль за этим делом. Некоторые меры были приняты и уже после смерти Черненко, когда Председателем Совмина был Н. И. Рыжков, работа по оказанию всесторонней помощи детским домам стала проводиться более предметно и основательно.

Как мне кажется, процесс ускоренного приближения Брежневым Черненко именно после XXV съезда имел и более реальную причину. Дело в том, что в конце декабря 1974 года, сразу после встречи с президентом США Фордом во Владивостоке, Брежнев серьезно заболел. Болезнь эта, как говорят, была настолько серьезна, что все последующие восемь лет Брежнев находился под ее «колпаком» и фактически больше «восседал на троне», чем осуществлял руководство как первое лицо в партии и государстве. Однако сложившаяся к тому времени в стране структура политической власти, в большей степени унаследованная от сталинских и хрущевских времен, не позволяла принимать решения по сколько-нибудь важным вопросам без участия «верховного». Для лидера с ограниченной дееспособностью, каковым стал Брежнев, самым удобным выходом было держать рядом с собой человека, который смог бы взвалить на себя все бремя подготовки, согласования, утрясок, консультаций, улаживания конфликтов и споров, возникавших при выработке важных решений. И в то же время престиж Генсека, его лавры мудрого и прозорливого руководителя должны тщательно, ревностно и бдительно оберегаться. В тех условиях это мог сделать только

Черненко, успешно прошедший рядом с Брежневым к тому времени десятилетнюю подготовительную школу нелегкой штабной работы. С позиции Брежнева это было, наверное, логично. Черненко («Костя», как всегда называл его Брежнев в кругу приближенных) за годы совместной работы ни разу его не подвел, но выручал неоднократно. Уместно привести высказывания личного охранника Брежнева — генерал-майора КГБ СССР Владимира Тимофеевича Медведева:

«Одним из близких людей и соратников Брежнева являлся Константин Устинович Черненко. Они работали вместе в Молдавии, и с тех пор Черненко сопровождал его до конца жизни... Я застал его еще в ту пору, когда он заведовал Общим отделом... Обращаясь ко многим на “ты”, Брежнев тем не менее называл соратников по имени-отчеству, к Черненко же всегда при всех: “Костя, ты...”

Черненко свое дело знал и успевал переваривать огромный объем информации, отличался трудолюбием, добросовестностью, исполнительностью».

Вскоре особое место Черненко в сфере высшего руководства почувствовало и ближайшее окружение Брежнева. Воспринималось это неоднозначно, больше с настороженностью, скрытой завистью, а то и с едва прикрытым пренебрежением. Отношение к себе Суслова, Кириленко, Тихонова и некоторых других Черненко чувствовал, воспринимал болезненно, но терпеливо, с завидной выдержкой. Думаю, что такая обстановка придавала ему больше решительности в той весьма кропотливой работе по перегруппировке и новой расстановке сил в околобрежневской сфере. Процесс своеобразной консолидации ускорился после того, как Черненко стал секретарем ЦК.

Это произошло в 1976 году: за отличную подготовку и проведение XXV съезда партии (вся организация съезда — на Общем отделе, возглавляемом Черненко) он избирается секретарем ЦК и награждается Звездой Героя Соотрудника. При этом остается, как и раньше, заведующим «стратегическим» — Общим отделом.

Вообще, пока Брежнев находится у руля, Черненко непременно будет у руководства Общим отделом. Никто даже не мог помыслить, чтобы этот отдел возглавил кто-то иной — не столь компетентный, четко организованный и к тому же близкий и преданный Брежневу человек. Только Черненко! В этом, кстати, мудрость Брежнева, которого иногда недооценивают, пытаются представить чуть ли не выжившим из ума стариком. Где это было нужно, он был хорошим стратегом и тактиком: Черненко знал многие партийные тайны и не было никакого смысла увеличивать число людей, к ним допущенных. Черненко — в этом не раз мог убедиться Брежнев и его окружение — вполне предан, умеет держать язык за зубами и не способен на предательство...

Вообще, из его — Брежнева — команды на предательство не способен никто. Так он их воспитал. В духе преданности...

Достойна упоминания охота в подмосковном Завидове, куда, в знак особого расположения, Леонид Ильич приглашал с собой лишь людей очень близких. Каждый понимал: приглашение на охоту — как знак особого доверия. Даже будучи больными, люди не могли отказаться от благорасположения генерального, а открыть свое недомогание не хотели.

В квартире Черненко раздавался телефонный звонок. К телефону подходила жена. Звонили от Брежнева, кажется, кто-то из охраны, передавали приглашение на охоту.

— Вы знаете, — отвечала Анна Дмитриевна, — Константин Устинович плохо себя чувствует. Вы как-то скажите Леониду Ильичу...

Но услышав, с кем говорит супруга, трубку брал сам Черненко и вмешивался:

— Да, чувствую себя неважно. Но вы про это не говорите Леониду Ильичу. Скажите, что допоздна работал, очень устал...

Просьбу передавали в точности — в этом не приходилось сомневаться. Но Брежневу был нужен Черненко. Нужен даже для совместного отдыха. Без него ему было скучно...

Следующий звонок от самого Брежнева — миную

помощников — раздавался не прямо с утра, а чуть позже, похоже, с телефонного аппарата в несущейся в Завидово машине:

— Костя, бросай работу! Тебе надо отдохнуть. Приезжай, жду!

«Косте» ничего не оставалось делать, как вставать и ехать.

Частенько он возвращался с этих охот простуженный и с температурой. Но отказываться от подобных предложений было не в его правилах.

Я, конечно, на эти охоты не ездил. Нечего на них помощникам делать. Там для охраны работы вдоволь. Но трофеев вкушать удавалось не раз...

Воскресный вечер. Звонок в дверь моей квартиры. На пороге офицер фельдсвязи, но только не с привычным кожаным портфельчиком в руках, а с объемистым бумажным свертком.

— Вам от Черненко... — загадочно говорит посыльный и передает довольно тяжелую поклажу.

Беру сверток. Вношу на кухню. Разворачиваю... В пакете шикарный кусок свежей кабаня-тины (или лосятины — как повезло в этот раз охотникам)...

Тотчас ставится на огонь сковорода, готовятся приправы. Ах, пальчики оближешь!

— Ну как мясо? — пряча от меня довольный взгляд, спрашивает утром Черненко. — Сам подбил... Здоровая животи́на была!

— Вы знаете, Константин Устинович... — признаюсь я ему, — пулю в куске обнаружил.

— Я ж тебе говорю, что сам подбил, — смеется Черненко. — Вот тебе и свидетельство...

Сегодня многие журналисты вдоволь поиздевались над этими охотами — мол, вот до чего дошли в подхалимстве, больной, с температурой, а с начальством едет, отказать не может... Думаю, что в этом современные «судьи» ошибаются. Черненко тоже любил побродить по лесу с ружьишком в руках. Почему с Брежневым, а не с кем-нибудь другим? Ну, извините, товарищей не выбирают...

Что же касается обвинений в «подхалимстве», то полагаю, что тут нет особого смысла пускаться в долгие

пояснения. Вспомните, дорогие читатели, свою жизнь — вы отказывались от веселого пикника, если вас приглашало начальство? А?

То-то и оно!

Они — верхние эшелоны власти, представители партийного АППАРАТА — абсолютно живые люди, со своими слабостями и пристрастиями, были сделаны из того же самого теста...

И все же отношения Брежнева и Черненко, проверенные временем и испытаниями, никогда не были карьерно-аппаратными, в них было много настоящей искренности, уважения и большой мужской дружбы.

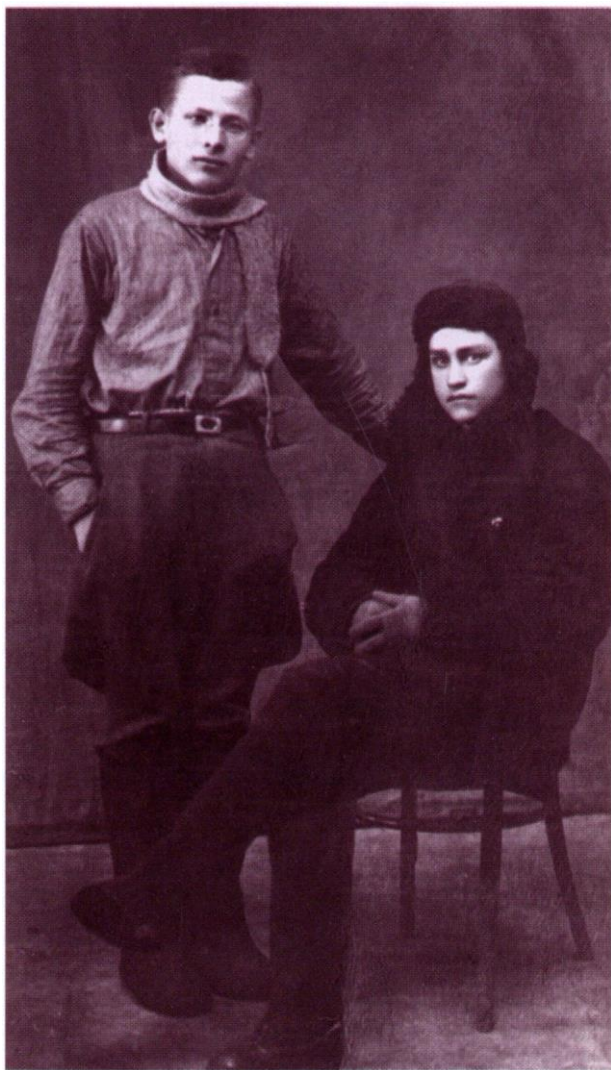
Снова служебная лестница!

1978 — Черненко кандидат в члены Политбюро, оставаясь при этом заведующим тем же самым Общим отделом!

1979 — член Политбюро. Общий отдел — при нем! Никуда не девается! Черненко был единственным членом Политбюро, который продолжал заведовать отделом! Это «заведование» дает ему особый статус — он может не просто по-приятельски, а и по делу входить, звонить напрямую, минуя помощников и секретарей, обращаться к Генсеку в любое время дня и ночи. Подобной привилегией обладали далеко не все секретари ЦК.

И снова свидетельство генерала Медведева — он в этот период был неотлучно при Леониде Ильиче и заметил многое из жизни моего шефа, что прошло мимо моих глаз и ушей. Не прибегнуть к его помощи в данном случае, мне кажется, будет неправильно — мы потеряем из образа Черненко тот штрих, без которого его портрет окажется неполным.

«Я не могу никого из этих людей, — говорит Медведев об окружении Брежнева, — назвать товарищами. На таком уровне товарищей не бывает. Товарищи по партии — да, то есть коллеги, соратники. Позволю себе утверждать: Брежнев в людях разбирался достаточно хорошо. Во всяком случае, никто его не предал, как это было до него с Хрущевым и после него с Горбачевым. И в рамках той системы подбора и назначения руководителей, которая существовала, повторяю, за-

Начало большого пути. К. Черненко — работник
Новосельского райкома комсомола. 1929.

В погранотряде. К. Черненко в верхнем ряду второй справа. 1932.

К. Черненко — старший политрук, парторг погранзаставы Хоргос. 1933.

Секретарь Красноярского крайкома партии. 1942.

К. Черненко со старшей сестрой Валентиной и братом Александром.
Теперь он секретарь Пензенского обкома партии. 1948.

К. У. Черненко — начальник секретариата ЦК партии. Встреча с Ю. А. Гагариным.

К. У. Черненко в Молдавии.

Константину Устиновичу вручена вторая звезда Героя Соцтруда. 1981.

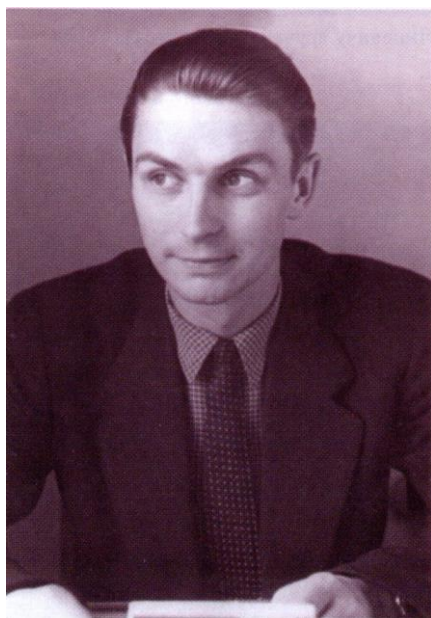

Второе лицо
в партии.

Символическое рукопожатие.

А началось все с Липецкого комсомола. 1958.

Виктор Прибытков с женой Людмилой и сыном Виталием. Москва. 1973.

В. В. Прибытков — помощник К. У. Черненко.

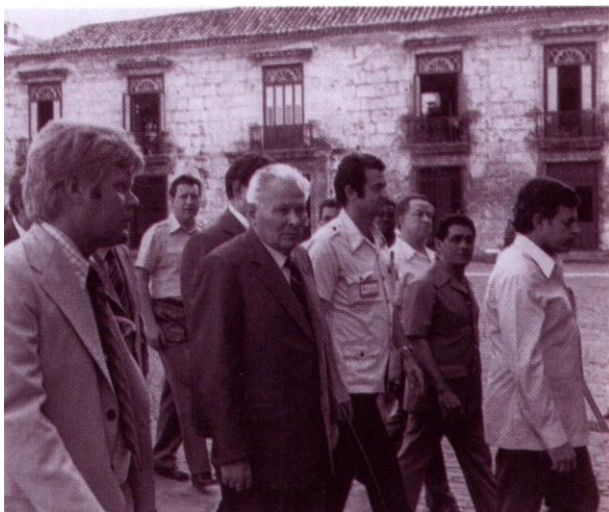

Поездка К.У. Черненко на Кубу.
Встреча с Фиделем Кастро

Митинг на площади Хосе Марти.

Знакомство с Гаваной.

Греция. Среди напряженных деловых встреч находилось время для экскурсий по древностям.

Вместе с В. В. Гришиным на встрече с избирателями. 1980.

Поездка в молодость. На родной погранзаставе.

Челябинску вручен орден Ленина.

К. У. Черненко на Челябинской земле.

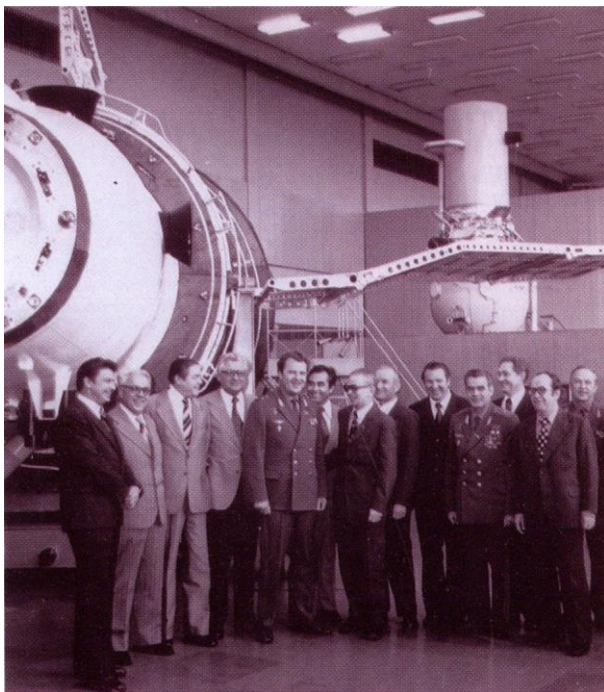

В Шушенском. Справа от К. У. Черненко жена Анна Дмитриевна и сестра Валентина Устиновна.

На родной Красноярской земле.

Помощники секретарей ЦК партии в Звездном.

В. В. Прибытков и А. М. Школьников, председатель Комитета народного контроля.

К. У. Черненко — Генеральный секретарь ЦК КПСС.

долго до него, кадры подбирались сильные, люди были незаурядные...»

К. У. Черненко становится полноправным членом «брежневского ядра» (Брежнев, Суслов, Громыко, Устинов, Андропов, Черненко). Эта «верховная» шестерка до 1982 года прочно держала в своих руках все ключевые позиции внутренней и внешней политики нашего государства.

Будучи членом Политбюро, секретарем ЦК, К. У. Черненко, не упуская из своих рук Общий отдел как центр всей штабной работы партии, стал в центре координации работы аппарата ЦК и его высших органов.

Последние четыре года до кончины Суслова и Брежнева именно люди, входящие в «верховную» шестерку, фактически определяли внутреннюю и внешнюю политику нашей страны, придерживаясь линии коллективного руководства.

Л. И. Брежнев в силу своего характера, а затем и ухудшающегося состояния здоровья был всегда сторонником именно коллективного руководства в Политбюро. При нем этот институт (коллективное руководство) выглядел наиболее реально и правдоподобно. В начале своей деятельности с 1964 года Брежнев настойчиво придерживался именно такого метода руководства, стараясь противопоставить себя волюнтаристским методам Хрущева. Потом, особенно после 1975 года, когда здоровье его серьезно пошатнулось и он все менее стал лично участвовать в решении сложных общественно-политических проблем, коллективное руководство для него стало наиболее приемлемым, а может быть, даже удобным методом.

В самом деле, если в предварительном плане будущее решение Политбюро тщательно прорабатывается в отделах ЦК и ведомствах, если над его проектом многократно работает каждый член Политбюро и представляет свои замечания и поправки, которые концентрируются у Черненко, а затем вносится окончательный вариант документа; если еще к проекту будущего решения разрабатываются и прилагаются мероприятия по его реализации, то Генсеку остается «дать добро» на принятие такого документа.

Таким образом, весь сгусток проблем по принятию и реализации решений высшего органа ЦК — Политбюро сосредоточивался в руках Черненко, который умно и прозорливо вел эту подводную часть гигантского партийного айсберга. Последние три-четыре года при жизни Брежнева Черненко был, образно говоря, аккумулятором деятельности Политбюро, фактическим организатором его работы.

В этом, на мой взгляд, тоже заключается ответ на вопрос — почему именно Черненко был избран Генсеком после смерти Андропова?

Андропов постарался в первые месяцы своего руководства отдалить Черненко, лишить его заведования Общим отделом и других сфер партийного руководства под туманной формулировкой «о перемещении». Что подразумевалось под этим перемещением, известно лишь Кремлевской стене, где неподалеку друг от друга покоятся оба Генеральных секретаря. С подчиненными эта тема тогда не обсуждалась. Но мне от Константина Устиновича стало известно, что покинул он этот пост без особого удовольствия.

Деваться было некуда — второй человек в партии уже не мог совмещать свои обязанности с ведением делопроизводства. Но в последние месяцы жизни Андропова, в силу резкого ухудшения состояния его здоровья, реальная власть снова возвратилась к Черненко.

Члены Политбюро — «аксакалы» Громыко, Устинов, Гришин, Щербицкий, Кунаев, Тихонов отчетливо поняли эту суровую реальность и, несмотря на явно неудовлетворительное состояние здоровья Черненко, именно ему отдали в феврале 1984 года пост Генсека. Сам Черненко к этому явно не рвался и не боролся за этот пост.

— Что ты наделал, Костя? Зачем согласился? — спросила Анна Дмитриевна своего супруга сразу же, как он вернулся из Кремля.

— Так надо! — отчего-то потупив взор, безрадостно отвечает супруг. — Нет другого выхода...

— говорит он и тяжело опускается на стул в прихожей.

О чем он думает в этот момент? О том, что он — «последний из могикан»? Почти последний! Есть еще двое

из «шестерки»! Громыко да Устинов — все, что осталось от мощной касты, долго не подпускавшей к себе близко и по этой причине загодя не готовившей себе замены. На что они надеялись? На то, что вшестером смогут протянуть долго! На то, что время есть и есть возможность лучше приглядеться к молодняку! Выбрать из них самого достойного! С хорошими данными, верностью идеалам...

Нет другого выхода...

И выхода, похоже, в самом деле не было — не было готового молодого претендента! Нормального, надежного, стопроцентно преданного идее коммунизма. За год его предстояло подготовить. Из кого?

В Москве есть Гришин... Из Ленинграда — Романов... Со Ставрополя — Горбачев, очень активен в ЦК, но к нему надо еще приглядеться... Из Томска Лигачев прибыл... Интереснейшая персона! Есть и старики, и молодые: Алиев, Воротников, Соломенцев, Тихонов, Щербицкий, Демичев, Долгих, Пономарев, Чебриков, Шеварднадзе, Зимянин, Капитонов, Рыжков. Из них выбирать или расширить круг?..

Но кто в тот момент мог полагать, что двоим из «ветеранской троицы» не протянуть больше года. На похоронах Черненко был лишь Громыко. Устинов умер чуть раньше Черненко...

А в АППАРАТЕ после смерти Андропова свара назревала изрядная. Пока она еще не столь заметна — сильна роль «троих мамонтов»! — не выплеснулась в кознях, интригах и страстишках. Но она уже ощутима...

Похоже, создаются подпольные группировочки и коалиции. Рвущиеся к власти осторожно пробуют ногой почву для грядущего наступления... А главная драка, думается, впереди! Успеет ли наладить дело?..

Он был прав, чувствуя, что пробудет на этом посту совсем недолго. Здоровье не то... Слабые легкие, одышка, часто приходится болеть... не выезжал бы в свое время на эти морозные охоты, уносящие здоровье не по минутам, а по месяцам, может быть, годам, все было бы совсем иначе. Не прогрессировала бы с такой быстротой астма! Не отказываться было нельзя — дело не только в возможном неудовольствии шефа, не в боязни потерять кресло... А в чем? Может, в том, что нравилось быть в гуще событий?

Страшно было выпасть на обочину? Уйти на пенсию? А разве САМ БРЕЖНЕВ не мог нарушить традицию и уйти вовремя? Нет, не мог! Это нарушение законов АППАРАТА...

Они должны были быть вместе до самого конца, помогая и поддерживая друг друга. Зная друг о друге все: и слабые места, и сильные стороны...

Однажды Леонид Ильич завел разговор о том, что у него очень плохой сон.

После этого Черненко непременно делился с Брежневым сновидениями. Дело в том, что Брежневу давали разные таблетки и они ему помогали мало. Для усиления эффекта опытные «специалисты» посоветовали запивать таблетки и порошки «Зубровкой». Брежнев посоветовался с Чазовым. Тот ответил, что спиртное и в самом деле усиливает сновидения, но посоветовал не злоупотреблять. И даже эта композиция помогала плохо. Тогда, видя бесполезность всех этих патентованных «нозепамов» и «ноксиронов», лечащий врач начал давать Генсеку «пустышки» — внешне похожие, но совершенно безвредные таблетки. Что так не спит, что так — все едино...

Тот почувствовал неладное и начал облагать данью товарищей: «А ты что пьешь от бессонницы? А ты?»

Своими лекарствами с Брежневым делились многие из окружения — Черненко не исключение. Тоже давал, может, больше других.

Все эти злоупотребления сновидениями, прием больших доз лекарств не могли пройти незаметно для здоровья соратников — это должно было рано или поздно сыграть свою пагубную роль. Они, конечно же, влияли на память, способствовали развитию склеротических явлений.

Как-то раз, после того как Брежнев и Черненко долго в кабинете обсуждали план мероприятий, потребовалось основательное вмешательство помощников. Черненко утверждал, что они назначили с Генсеком одно время для совещания, а Брежнев называл совсем другое.

Кого подвела память, было совершенно непонятно. Пришлось обращаться за помощью к присутствовавшей при той беседе референту — Галине Дорошиной. Стенографически точные записи назвали правильное время — оно оказалось совсем иным, третьим, не соответствовавшим ни первому, ни второму варианту...

Их пристрастие к снотворному, как ни странно, всемерно потакала медицина. Не могу не рассказать об одном случае, произведшем на меня самое тягостное впечатление.

Был четверг — день, когда обязательно проходили заседания Политбюро. Я с утра решил заскочить на дачу, чтобы познакомить Константина Устиновича с поступившими за минувшие сутки документами. Как всегда, по привычке, начинаю подход от охранников. Захожу к ним в комнату и беседую с Володей Маркиным.

— Как Константин Устинович?

— Знаешь, что-то не пойму... — отвечает мне Володя.

— Сегодня Политбюро. Поедет или нет?

— Думаю, нет... Он себя очень неважно чувствует.

— С Чазовым только что встречался, — делюсь информацией я. — Говорит, все нормально...

— Иди сам, — говорит Володя.

С папкой под мышкой приближаюсь к кабинету. Черненко сидит за столом. Это он и одновременно — не он! Вид невменяемого человека! Самое интересное — он смотрит в мою сторону, но каким-то совершенно отсутствующим взглядом. Я начинаю привычный доклад... Реакция странная — вроде он все понимает, но ничего не говорит... Что делать? Выговариваюсь до конца. Реакция нулевая!

— Тут, Константин Устинович, вам две записочки отправлены. Надо бы подписать...

Черненко вполне осмысленно берет в руку фломастер и... совершенно не соразмеряя движения, размашисто чертит хаотично-ломаные линии. Видимо, это надо воспринимать как подписи...

Прощаюсь, выхожу из кабинета, не получив никаких указаний и ответа на вопрос: едет он на заседание или не едет? Похоже, не едет...

Чуть позже до меня доходит, что виной всему — лекарства. Те самые транквилизаторы, без которых он не мог уснуть, а потом не смог вовремя проснуться. Я ж говорил со спящим человеком! С сомнамбулой... Вот и Володя Маркин не мог взять в толк, что происходит с шефом...

Как это нередко бывает в жизни, ухудшающееся здоровье сужает круг общения, делает отношения с близкими людьми все более доверительными. Леонид Ильич постоянно нуждался в Черненко, чаще советовался с ним, подключая его к решению весьма важных вопросов, в том числе и деликатного, щепетильного характера. И нужно признать, что Константин Устинович все это прекрасно понимал, искренне сочувствовал Генсеку и никогда не бравировал этой доверительностью, а выполнив то или иное его поручение, прятал его на дне души. Как-то в квартиру Черненко позвонил Брежнев. Звонил, видимо, из машины, так как в этот день был на охоте и еще в Москву не возвращался.

— Слушай, Костя, у меня предстоит разговор с Мазуровым. Об отставке... Как лучше — пригласить к себе или?..

Намечалось некоторое обновление и омоложение состава Политбюро. Мазуров к тому времени был уже не первым, а лишь «простым» зампредом Совмина, но оставался в составе верховного партийного органа. К тому же часто болел.

Брежнева беспокоило, что Мазуров — человек немолодой, но авторитетный, вдруг откажется уходить. Это могло повлечь некоторые сложности.

— Ты побеседуй с Кириллом Трофимовичем с глазу на глаз. Он человек умный, прозорливый, тебя он должен понять. Чтоб об этом никто не знал. Вроде он сам пришел к этому выводу... Лучше, если прямо перед пленумом! А-а?..

Все прошло гладко. Мазуров на этом пленуме попросил освободить его от работы.

Подобный уход «по совету» в АППАРАТЕ весьма

поощрялся. Он подразумевал дальнейшую, весьма солидную работу. Например, чрезвычайным и полномочным послом за рубежом или в инспекционной группе Министерства обороны.

А в 1978 году, когда старики еще не были стариками, я однажды, и весьма неожиданно для себя, оказался «зажатым» одновременно меж трех Генеральных секретарей партии — реального Брежнева, будущего Черненко и совсем отдаленного Горбачева.

Накануне пленумов ЦК приходилось засиживаться в Общем отделе допоздна. Много нерешенных «пустячков». Звонок от шефа.

— Слушаю, Константин Устинович...

— Виктор, ты сможешь быстро найти Горбачева? Леонид Ильич ждет. Я должен идти с ним и представлять...

— Постараюсь...

Из сказанного мне понятно — Горбачева со Ставрополя, наверное, хотят утвердить секретарем ЦК взамен недавно умершего Кулакова. Видимо, решение пришло неожиданно, и Черненко получил приказ «представить» претендента «пред светлые очи».

Где его искать? Обычно секретари останавливались в гостинице, что на Арбате в Плотниковом переулке. Звоню туда:

— Горбачева Михаила Сергеевича можно попросить к телефону?

— В город вышел, — отвечает дежурный. — Куда пошел, не сказал...

— Пусть сразу звонит, как появится, — говорю я в трубку. — Черненко или мне...

Проходит 15 или 20 минут. Взрывается в очередной раз телефон шефа.

— Ты нашел Горбачева? — Голос Черненко сочится недовольством.

— В гостинице нет. Ищу...

— Плохо ищешь...

Снова звоню в гостиницу. Горбачев не появлялся. Обзваниваю несколько отделов ЦК — сельскохозяйственный, организационный, пропаганды...

— Нет.

— Не был...

— Не появлялся!

Звоню Черненко:

— Нет его нигде, Константин Установим...

В ответ слышу раздраженное ворчание:

— Зайди!

Захожу. Сидит туча тучей.

— Где твой Горбачев?

— К сожалению, Константин Устинович, не могу найти...

— Все проверил? У тебя больше нет каналов?.. Так! Если за 30 минут не найдешь, то... то у нас есть и другие кандидатуры на секретарство! Вот!

Бегом возвращаюсь в кабинет. Хватаю аппарат ВЧ. Звоню в Ставрополь — там вторым секретарем крайкома у Горбачева работает мой старый приятель по комсомолу:

— Привет, Виктор! Как дела? Давно не виделись... Слушай, есть просьба! Говорить некогда! Где найти твоего шефа в Москве? Дай все телефоны, какие можешь...

Тот смеется:

— Много не нужно. Дам один, но стопроцентный... — Диктует быстро, по памяти, я едва успеваю записать эти несчастные семь цифирок.

Кидаю на место трубку, хватаюсь за обычный городской, накручиваю номер, сообщенный знакомым:

— Алло!

— Здравствуйте, — отвечает мне женский голос.

— Можно попросить Михаила Сергеевича?

— Минуту... — Пауза продолжается несколько секунд, трубку берет мужчина.

Это не Горбачев. Голос принадлежит другому моему знакомому — Марату Васильевичу Грамову — хорошему приятелю Горбачева, он подзывает его.

— Михаил Сергеевич, срочно приезжайте к Черненко. Очень важное дело...

Снова звонок от Константина Устиновича.

— Нашел?

— Нашел. Сейчас будет. Из-за стола поднял...

— Из-за стола? — не понял Черненко. — Он что?.. Того этого? Везти-то его к Брежневу можно?

— Не знаю, — сказал я. — По голосу вроде ничего...

Так Горбачев, не без моих забот, стал секретарем ЦК. Кто знает, поищи я его чуть дольше, не догадайся позвонить на Ставрополье Виктору — и стал бы секретарем ЦК КПСС совсем другой человек...

А когда я перед уходом домой заглянул в приемную Черненко, секретарь — Зинаида Ивановна хитро посмотрела на меня и с укором сказала:

— Вы что ж, Виктор Васильевич, Горбачева такого веселенького нашли? Наверное, долго искали?

— В чем дело, Зинаида Ивановна?

Но она понимающе улыбнулась и ничего мне не ответила.

Глава 5

ТРИ ГРУЗОВИКА И ОДНА ПАПОЧКА «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНЫХ» СЕКРЕТОВ

Работа в аппарате Общего отдела не оставляет места для скуки... То одна проблема навалится на тебя, то обязательно другая...

В 1978 году умер Микоян Анастас Иванович. Бывший Председатель Президиума Верховного Совета СССР, член ЦК КПСС. Главная историческая реликвия страны!

Это про него, Микояна, москвичи придумали довольно меткую и образную шутку: «От Ильича до Ильича без инфаркта и паралича...». Первый Ильич — это Ленин, второй — Брежнев.

Биография Микояна и в самом деле столь богата всяческими событиями, что вдоволь хватило бы на десяток авантюрно-приключенческих романов.

Взять хотя бы тот факт, что Микоян один-единственный из оставшихся в живых 26 бакинских комиссаров...

Среди близких друзей Анастаса Ивановича, знакомых, товарищей по партии были все — и Ленин, и Сталин, и Бухарин, и Троцкий, и Орджоникидзе, и... и... и...

Особенно четко я это понял примерно на десятый день после смерти великого, без преувеличения, коммуниста-долгожителя.

Вызывает меня Черненко.

— Вот какое задание тебе, Виктор... — говорит он и задумчиво перебирает на столе какие-то документы. — Микоян умер...

— Знаю... — отчего-то растерялся я, а сам быстрехонько пытаюсь понять, какое это ко мне имеет отношение.

— Подбери надежных ребят из аппарата, —

продолжает Черненко, — которые язык за зубами держат и...

Я внутренне напрягся, жду дальнейших слов.

— Помещение вам выделено... Распоряжение я уже дал. В общем, его архивы начнут свозить сегодня. Вы все сортируете, составляете описи, так, чтоб ни одна бумажка не пропала! Понятно говорю?

— Понятно, Константин Устинович.

— Описи пойдут на самый верх. Вместе с обнаруженными документами, естественно... Там может оказаться всякое. Он с дореволюционных лет собирал. Понимаешь ответственность? Вот! Сначала обо всем мне будешь докладывать...

Архив Микояна свозился из нескольких мест — дачи, квартиры, еще откуда-то. Впечатление создавалось такое, что было этих бумажек, папок, вырезок из газет и прочего видимо-невидимо и никак не меньше трех здоровенных грузовиков.

В аппарате ЦК КПСС испокон веков было три главных архива — архив Политбюро, архив Секретариата и «самый, самый» — архив «Особая папка». Эти архивы были из разряда «не для простых смертных». Более того — вообще не для «смертных». Пользоваться помещенными туда материалами могли далеко не все работники ЦК. Но Черненко на правах заведующего Общим отделом имел в эти архивы неограниченный доступ и знал все их фонды преотлично.

Часто случалось так, что видные историки и писатели обращались с просьбами в ЦК: «Ознакомьте, пожалуйста, с тем или иным документом... Роман не напишу! Диссертация будет грешить против истины...»

Решения принимал Черненко! Только от него зависело — допустить или нет. И тут у него советчиков не было... Но все равно редко кто туда попадал, будь ты хоть четырежды лауреат всех премий разом. В этом смысле титул Черненко как «хранителя партии» попадал, как говорится, в самую точку.

В ЦК КПСС всегда существовало непреложное правило: после смерти любого секретаря ЦК или крупного государственного деятеля его архив в обязательном порядке изымался, анализировался и помещался после сортировки в

сверхсекретный сектор. Такие архивы оставались практически у всех — у кого больше, у кого меньше. Исключение составил лишь один человек — главный идеолог партии Михаил Андреевич Суслов, после которого не было обнаружено никаких архивов. Похоже, они ему попросту были не нужны...

Самым серьезным грифом в архивах Политбюро и Секретариата ЦК был непривычный всем «секретно» или «совершенно секретно», а иной — «особой важности особая папка». Здесь покоились сверхконфиденциальные материалы. Доступ к ним имел очень узкий круг лиц, в число которых под первыми номерами входили Брежнев и Черненко. Брежнев этими фондами не интересовался. Черненко знал об этих фондах все!

Архив почившего в бозе Микояна представлял «терра инкогнита» (неизведанную страну). Никому не было известно, какие откровения оттуда можно было выудить и как они, эти откровения, позволят им выплеснуться на свет божий, будут себя вести...

Учитывая огромный объем архива, его протяженную хронологию, в нем могли быть документы и свидетельства большой исторической важности. Микоян на протяжении многих десятилетий занимал важные государственные должности, был многократным членом Политбюро. Так что скорее всего архив у него явно не рядовой.

В самом деле, там было немало интересных и неожиданных находок. И чем больше вчитываешься в эти документы, тем заметнее вырисовывается одна их особенность. Видимо, Анастаса Ивановича загодя волновало свое место в исторической памяти страны и народа, поэтому во многих записках и воспоминаниях он чаще выглядит предпочтительнее своих соратников — мудрее, осмотрительнее и находчивее.

Привожу одну из диктовок Микояна, касающуюся некоторых страниц советско-польских отношений. Сделана она была 28 мая 1960 года и называлась «О поездке в Варшаву в октябре 1956 года». Текст приводится без стилистической правки.

«Наш посол в ПНР т. Пономаренко прислал из Варшавы тревожную шифровку.

После XX съезда нашей партии стало бурлить в рядах Польской рабочей партии. Берут в то время находился на XX съезде. Не успел Берут после съезда выехать из Москвы в Польшу, так как был болен, как в Варшаве несколько дней шло бурное собрание партийного актива с бесшабашной критикой в адрес руководства партии. Это было настолько неожиданным для Берута, настолько его ошеломило, что, видимо, этот факт в его кончине имел немаловажную роль.

Потом Никита Сергеевич ездил в Польшу, участвовал в работе Пленума, на котором вместо Берута был избран первым секретарем Охаб. Это был старый член партии, хороший товарищ; хотя особо ничем не блистал, но нам казалось, что он будет проводить линию партии, линию дружбы между Польшей и Советским Союзом. Лучшей кандидатуры в то время не было.

К сентябрю положение осложнилось. В последних телеграммах Пономаренко сообщал, что встречался с Гомулкой, который был к тому времени реабилитирован и привлекался к руководству, в хороших тонах говорил об отношении к нам Гомулки. Зато резко писал в адрес Охаба и остального руководства. Пономаренко много получал пространной информации от разных руководителей партии, какая острая борьба идет в партии, споры, но избегали касаться существа споров, не хотели раскрывать планов в изменении руководства партии. Это было истолковано Пономаренко в том духе, что Охаб хочет повернуть политику против Советского Союза, чтобы нынешнее руководство снять. Сообщал также, что Гомулка лучше к нам относится, чем Охаб и Циранкевич.

Охаб только сообщил, что завтра-послезавтра будет пленум ЦК, на котором будут решаться вопросы партийного руководства и партийной политики. В каком направлении эти вопросы будут решаться, ничего не сказал.

ЦК КПСС специально рассмотрел это сообщение Пономаренко. Мы были очень встревожены им, к чему дело идет. Особенно нас поразило не то, что внутри Польской рабочей партии пошел разброд, а то, что руководство во главе с Охабом повернулось к нам спиной. Если спиной к

нам, то лицом к Западу, другого выхода не может быть. Это было большой угрозой для нас.

Тогда мы решили, и т. Хрущев передал через т. Пономаренко Гомулке привет от нашего ЦК, что мы очень рады, что он продвигается к руководству партии, что мы еще при жизни Сталина сочувствовали ему, и, кроме того, поручил т. Пономаренко передать т. Охабу и Центральному Комитету польской рабочей партии, что мы хотим (делегация ЦК КПСС) приехать в Варшаву в связи с пленумом для беседы.

Через некоторое время т. Пономаренко сообщил от имени руководства, что ЦК Польской рабочей партии считает нецелесообразным приезд делегации ЦК КПСС накануне пленума, что они считают нужным сами решать свои внутренние вопросы, а после пленума они готовы принять делегацию и обсудить все интересующие нас вопросы.

Это вызвало у нас тревогу. Значит, они хотят поставить нас перед свершившимся фактом, значит, они хотят принять на пленуме решение, возможно, трудноисправимое и, может быть, и совсем неисправимое для судеб польской рабочей партии, а потом, имея такое решение, беседовать с нами, и тогда, конечно, будет мало возможности оказать влияние на них, убедить их в том, что они идут вразрез с принципами марксистско-ленинских партий.

Тов. Хрущев предложил такой план, и мы согласились, чтобы в ночь вылететь, а утром прибыть в Варшаву до открытия пленума. Он предложил в состав делегации себя, Булганина и меня. Я предложил добавить Молотова. Он с этим согласился, это было принято. Молотов со своей стороны добавил Кагановича. Возражать было нельзя, хотя считали это нецелесообразным. Я Молотова предложил, имея в виду, что он может внести элемент спокойствия в момент обсуждения вопросов, поможет помирить и повлиять своим авторитетом на польских товарищей больше, чем мы могли это сделать. Но потом я раскаялся в этом, потому что к Молотову там относились очень плохо, особенно Гомулка. К тому же Молотов занял линию крайнюю, направленную на ссору, на драку с польскими товарищами, а мы искали пути примирения с ними.

Мы были очень возбуждены, особенно Никита Сергеевич волновался. Он предложил, чтобы на пленуме от имени делегации Советского Союза выступил не он, как предполагалось ранее, а я. Он сказал, что не ручается за свое хладнокровие, что может выйти из себя, начнет горячиться и обострит обстановку, что было бы нежелательным. Микоян более спокойный, собой владеет и к тому же к нему хорошо относятся поляки, пусть он выступит от имени делегации. С этим согласились.

Ночью вылетели. В самолете обдумал, как мне выступить. Материалов никаких с собой не брали. В информационных материалах нашел одно сообщение американского корреспондента, где говорилось о том, что Охаб намеревается произвести организационную перестройку в партии и другое. Видимо, жена одного из членов Политбюро или же один из его приближенных все это рассказал американскому агенту, а тот передал все в прессу. Я решил это сделать стержнем своего выступления.

Мы с Хрущевым летели на одном самолете, а другие товарищи — на другом. Не помню, был с нами Булганин или летел на другом самолете. Во всяком случае, он никаких предложений не делал.

Когда самолет прибыл на аэродром, то мы увидели такую картину: с одной стороны стоят в ожидании самолета Циранкевич, Охаб, Гомулка, а метрах в 20 от них, с другой стороны, стоит маршал Рокоссовский.

Этот факт, что маршал Рокоссовский даже рядом не стоит с ними, один, в полном одиночестве, взорвал Никиту Сергеевича: посмотрите, до чего дошли, что делают, героя войны против фашизма, героя советского и польского народов они даже близко не подпускают!

Когда вышли из самолета, Хрущев сразу же перешел в наступление, не выдержал, забыл о плане поведения: что это вы делаете, разве это терпимым является, разве мы можем допустить это, даже маршал Рокоссовский не может с вами рядом стоять? Вы забыли, что впереди вас, в ГДР, наши войска стоят? Даже не хотите, чтобы мы приехали на пленум для беседы с вами, как это можно понять и как можно терпеть? Подняли антисоветскую кампанию, думаете, что мы будем это терпеть?

Это еще больше взорвало людей, особенно Циранкевич и Охав были разъярены, Гомулка еще больше также высказался в резком тоне, пошел в контрнаступление, что они хотят сами решать вопросы, кто должен руководить их вооруженными силами, что они не хотят, чтобы мы присутствовали на пленуме и оказывали давление, они хотят принять решение об изменении курса политики партии без нашего давления, что они не антисоветчики, но хотят вопросы сами решать.

Хрущев сказал, решайте вопросы сами, но мы хотим посмотреть, в какую сторону вы хотите решать, мы не можем оставаться в стороне. Наши войска стоят в Германии, они опираются на коммуникации в Польше, а вы можете повернуть в сторону Запада. Гомулка стал отвергать это обвинение, что у нас нет никаких оснований нападать на них, у них таких планов нет, они против Советской армии ничего не имеют и прочее. Словом, разгорячились на аэродроме еще.

Потом поехали во дворец, где нам была отведена резиденция. Когда вошли в комнату, Гомулка сказал, что скоро начинается пленум и они пойдут на него, а после окончания пленума со всеми поговорит.

Хрущев спросил, почему мы должны сидеть рядом в доме и не слышать, что говорят, с каких времен нельзя стало посещать пленумы, раньше приглашали на пленум как братскую партию, почему же сейчас не хотите, чтобы мы присутствовали на пленуме.

Гомулка стал категорически возражать, настаивать на своем, что пленум должен пройти без участия советских товарищей, они обсудят положение, примут свое решение и потом можно будет вести переговоры с нашей делегацией,

обсуждать вопросы.

Потом страсти немного улеглись, но резкость осталась та же, хотя тон стал более нормальным. Хрущев сказал: раз не хотите, чтобы мы присутствовали, не надо, мы не пойдем.

Польские товарищи ушли на пленум. Мы вышли пройти по саду старого польского дворца Бельведера (б. резиденция Пилсудского).

На нас произвело неприятное впечатление, что во время прогулки в разных местах сада попадались по 2 часовых из охраны, польские солдаты, гвардейского типа, молодые, сильные. Кто-то спросил, что это за охрана, зачем такая охрана, от кого охраняют? Мы ничего подобного не встречали нигде в других братских странах, да и у нас этого никогда не было. Обменивались мнениями в саду во время прогулки, потом пообедали. Затем пришли польские товарищи, все члены польского Политбюро. Сели мы все вместе. Присутствовали также Конев, в то время главнокомандующий войсками Варшавского пакта, и Рокоссовский.

Беседу начал вести Хрущев. Но опасаясь, что он снова столкнется с Гомулкой и нам не удастся побеседовать в плане делового разговора, а будет горячая перепалка, что только повредит делу, я обратился к Хрущеву: Никита Сергеевич, вспомните решение Президиума ЦК, я первый должен выступить от имени делегации, чтобы договориться с польской стороной. Хрущев молча согласился, согласились и другие.

Я сказал польским товарищам: наш ЦК поручил мне выступить от имени делегации с заявлением. Вы обижаетесь, почему мы приехали к вам без вашего согласия. Я хочу сперва ответить на это. Это не случайный вопрос. Имеем ли мы право на такой приезд? Думаю, что имеем, мы должны были приехать. Наши давние братские отношения между партиями, наши хорошие отношения еще при царе, после революции, во время войны против гитлеризма дают нам право на приезд в момент, когда в вашей партии такое тревожное положение. Братская нам партия находится в тревоге, мы не знаем, что у вас происходит. Нам дают право прибыть к вам без приглашения и наша международная

солидарность, наш долг перед всеми братскими партиями, чтобы обсудить, открыто высказаться, чтобы ликвидировать все отрицательные явления, которые могут принести вред нашим отношениям и всему коммунистическому движению, чтобы понять, что происходит у вас в партии, почему обострились отношения между нами.

Наконец, нам это право дает тот факт, что вы — наш ближний западный сосед, страна, через которую совершались все западные походы против России и Советского Союза. Мы не можем равнодушно смотреть, какие происходят у вас изменения, куда идет ваша страна. Ведь это все будет играть роль в судьбах нашей страны.

Наконец, нельзя забывать, что за вашими западными границами стоит огромная Советская армия на германской территории, охраняет мир не только для себя, но и для поляков. Наличие наших войск в Германии, а также на ваших западных землях — гарантия мира для вас и для нас. Вы знаете, что Польша — это главные коммуникации этих войск. Без дружественных связей с Польшей мы не можем поддерживать коммуникации огромной армии, находящейся в Германии. И это дает нам право прибыть к вам.

Вижу, поляки прислушиваются внимательно, реплик не подают. Я говорил убежденно, спокойно. Наши товарищи не добавляли, не поправляли.

Я уже обосновал наше право прибытия к вам без приглашения. Вы говорите, почему мы не прибыли после заседания ЦК? И на это отвечу. Мы боимся, что в Польше происходят такие события, которые поздно будет поправить, время не терпит промедления. Отсюда такая тревога, потому что опасаемся событий в Польше и прочее.

Во-первых, почему Охаб, в отличие от прошлой практики, вел себя с Пономаренко, нашим послом, так отчужденно, избегал что-либо сказать ему, что происходит в Польше. Раньше ЦК Польской партии всегда с готовностью информировал нас, что происходит, что предполагается делать. А Охаб таким туманом покрыл все это в беседах с Пономаренко, с таким холодом относился к нам, что мы не могли понять. Большую тревогу вызвали антисоветские

выступления и высказывания на партийных конференциях и собраниях. И все это происходит без того, чтобы ЦК и правительство Польши осудили эти выпады, выступили бы против них. Шла беспримерная антисоветская пропаганда, которая не могла нас не тревожить. Куда вы идете — у нас большая тревога.

Хотя бы вот такой факт. Сегодня мы читали сообщение американского агентства о том, что ЦК Польской партии разделился на две группы. Одна группа старых руководителей...

Говорят, что Рокоссовский будет снят, потому что он из Советского Союза, а поляки не хотят терпеть человека, который пользуется доверием Советского Союза. Вся перестановка в руководстве партии и правительства изложена американским агентством. И изложил это сообщение корреспондент. Верно это или неверно, не знаю, но по всему видно, что это более или менее соответствует действительности. Возникает вопрос, почему же советские товарищи ничего об этом не знают от ЦК польской партии. Американское руководство знает и все иностранцы. Значит, американцы раньше информируются о делах в партии, чем ваша братская партия в Советском Союзе?

Вот почему у нас тревога, вот почему мы не имеем права пройти мимо этих фактов, вот вам юридическое право нашего прибытия сюда и фактическая необходимость этого приезда. И дальше в этом духе говорил я еще минут 15—20.

Видно, на польских товарищей это подействовало, они стали оправдываться, Гомулка выступил, другие.

Хрущев выступал несколько раз попеременно.

В ответ на обвинение Гомулки, что его преследовали, что с санкции Сталина он арестован, Хрущев правильно сказал, что мы все считали его арест неправильным, что это было, конечно, без санкции Сталина, это было решение польского руководства, неправильное решение было. Мы несколько раз об этом говорили польским товарищам, когда они были в Москве, что Гомулку неправильно обвинили и арестовали. Никита Сергеевич добавил, что когда он в 1946 году был в Варшаве, то заезжал на квартиру к Гомулке,

который тогда болел, был с завязанной щекой, и по-братски с ним беседовал, а вернувшись в Москву, доложил Сталину, что Гомулка один из лучших деятелей польской партии, заслуживает доверия. Хрущев удивлялся, почему такое недоверие к Гомулке.

Гомулка и другие репликами и речами стали обвинять нас в том, что главная суть разногласий сводится к тому, что кроме политических ошибок, которые имело польское руководство раньше, оно было под влиянием Сталина, Советского Союза, неправильно были построены взаимоотношения между Польшей и Советским Союзом, что в Польше очень много советских советников в армии, в госбезопасности. Заявили, что в госбезопасности советники им не нужны да и в армии их очень много. Ответили: мы же советников вам не навязывали, они прибыли по просьбе польского правительства. Мы готовы всех советников отозвать, но до сих пор в организационном порядке не ставилось этого вопроса. Берут и правительство просили. Если вы изменили свое отношение к этому делу, скажите. Разве это причина для разногласий? Вы сами выдумываете их. Мы готовы хоть завтра отозвать всех советников. Согласны — мы отзовем завтра же, если хотите сделать по-другому, скажите как.

Мы считаем неправильным, что хотите маршала Рокоссовского снять с должности командующего Вооруженными силами Польши. Он хорошо сближает Вооруженные силы Польши и СССР, он герой войны против гитлеризма, пользуется большим авторитетом как в Советском Союзе, так и в Польше.

Потом выступили Гомулка и Циранкевич, что они не могут держать Рокоссовского во главе своих Вооруженных сил, что он не считается с решениями ЦК и Совета Министров Польши. Циранкевич рассказал, как во время заседания

Совмина Польской Республики в адрес Вооруженных сил Польши были высказаны замечания, на которые Рокоссовский бурно реагировал, даже ударил по столу кулаком, что этого они не позволят.

Рокоссовский сказал, что такой случай был: я тогда разгорячился, но потом сразу же извинился, поэтому зачем же сейчас поднимать этот вопрос.

Гомулка сказал, что они борются против антисоветских выступлений, но в народе польском издавна сохранилась неприязнь к русскому народу. Хрущев сказал, что это неправильно, он несколько раз был в Польше, встречался с рабочими и крестьянами, что ни разу не слышал такого среди них и не видел антисоветски настроенных и что они хотят дружить с нами. А вот верхушка, интеллигенция, реакционные элементы из руководящих работников пропагандируют антисоветские отношения.

Гомулка далее сказал, что экономические отношения также построены неправильно. Вы берете у нас уголь в большом количестве, из-за этого мы не можем его продавать на Запад за валюту. Берете по низким ценам этот уголь, оправдываете только расходы по перевозке, и не остается денег для оплаты себестоимости производства.

Тогда резко выступил Хрущев: если вы не хотите, мы уголь у вас брать не будем, обойдемся и без вашего угля, мы развиваем добычу угля в западных областях Украины, развиваем добычу нефти, газа. Попросите — не возьмем, продавайте его куда хотите, мы ни в чем от вас не нуждаемся, можете продавать весь уголь, который продавали до сих пор нам. В отношении цен я (Микоян) выступил и сказал, что по этому вопросу было специальное соглашение, предложенное польским правительством, когда между Берутом и Сталиным был разговор об образовании смешанных обществ для шахт Силезии, когда Берут сам предложил продавать 6—7 млн тонн угля ежегодно Советскому Союзу по довоенным ценам. Не помню точно, но или я, или Молотов вместе с Циранкевичем подписывали

это соглашение. И тогда разногласий по этому вопросу не было. Если вы считаете неправильным это соглашение, почему же до сих пор не сказали. Мы найдем справедливое решение. Разве это может служить раздором между нами, разве из-за этого мы должны поссориться?

Гомулка поднял другой вопрос — о военных перевозках, которые происходят по дешевым тарифам, убыточно, что надо тарифы поднять; что они не знают, что мы возим, никто и никогда об этом не спрашивал, через Варшаву и по всей территории, хотя воинские части должны ограничиться определенными районами, которые выделены для дислокации.

Хрущев тогда рассердился: что вы говорите насчет тарифов, о стоимости связи, перевозок? А вы забыли, что только на польской земле сложили свою голову около 500 тысяч советских воинов, погибших за свободу своего и вашего народа? Разве после этого можно такие речи произносить?

Гомулка добавил, что нет никакого утвержденного порядка и права пребывания советских войск на территории Польши, никаких соглашений нет между правительствами, распоряжаемся сами, как у себя дома.

Хрущев тогда сказал: если вы не хотите, то мы выведем свои войска с вашей территории, нам войска здесь не нужны.

Гомулка сказал, что они не против войск, но что они даже не знают, сколько войск находится на их территории, их никто об этом не информировал.

Хрущев сказал: это заявление непонятно. Кто вам отказывал в такой информации, разве Рокоссовский отказывал вам, разве Конев не знает?

Когда назвали численность наших войск в Польше, Гомулка был поражен, что так мало.

Я добавил, что если вы против вывода наших войск, то разработайте положение о их пребывании. Ведь эти вопросы никто не ставил перед нами, мы даже не знали, что они существуют у вас.

Во время этой беседы кто-то из польских товарищей передал Гомулке записку.

Гомулка, обращаясь к т. Хрущеву, говорит: мне

сообщили, что ваши части, находящиеся в западном районе Польши, движутся сейчас с танками на Варшаву. Попросил приостановить это движение и вернуть их на место своей дислокации. Он говорил это спокойно, выдержанно.

Мы переглянулись с Хрущевым. Это было в момент, когда беседа шла уже более или менее нормально и дело шло к тому, что мы можем сговориться. Мы дали друг другу знак, чтобы принять это предложение. Хрущев сказал: хорошо, и было дано указание Коневу приостановить движение наших войск, вернуть их в места дислокации.

Через час или более в ходе беседы Гомулке передали новую записку, что войска движение приостановили, но расположились недалеко в лесу лагерем, вместо того чтобы возвратиться в места дислокации.

Гомулка прочитал эту записку и просил приказать возвратиться войскам в места дислокации. Хрущев дал указание Коневу, чтобы выполнили это.

Выступили другие польские товарищи, члены Политбюро. Выступили Ендриховский, Завадский.

Завадский ничего плохого о Советском Союзе не говорил, он остановился на многих недостатках в работе наших советских работников и недостатках в практике взаимоотношений, не выдвигал обвинений против правительства и партии, сказал, что нужно устранить эти недостатки, в которых виновато само польское руководство, потому что вовремя не поставило эти вопросы.

Гомулка сказал, что мы — коммунисты, вы боитесь, что мы в сторону Запада пойдем. Мы коммунисты и в сторону Запада не пойдем. Он был откровенен. Эта откровенность произвела хорошее впечатление на нас.

Потом, когда мы обменивались с Хрущевым и другими товарищами мнениями, то пришли к выводу, что Гомулка — искренний человек, хотя и обозлен, немножко националист, но коммунист, который не продается капиталистам».

Были в микояновском архиве и другие находки — куда интереснее. Признаюсь, меня больше всего заинтересовали никому не известные письма Сталина. Их несколько. Все адресованы Анастасу.

Приведу одно из них полностью. Оно того стоит не только из-за своего уникального содержания, но и по другой — пока «таинственной» причине, о которой скажу позже...

«Здравствуй, Анастас!

1) Твою записку о валютной «реформе» и ответ Брюханова читал. Я думаю, что мы не можем и не должны проводить в данный момент никакой валютной реформы. Ты хорошо отмечаешь в записке отрицательные результаты нашей «системы». Но предлагаемое тобой средство («девальвация») выходит далеко за пределы поставленной задачи и влечет за собой (обязательно повлечет) целый ряд отрицательных финансово-экономических и политических результатов, которые (т. е. результаты) будут усугублены в условиях нынешних затруднений. Ради чего, собственно, нужна вся эта тряска? Из-за запроса американцев насчет леса?..»

Я с удивлением взирал на ровные карандашные строчки, начертанные рукой Сталина. Листки, похоже, вырывались из его «генсекского» блокнота. Ручкой Сталин не пользовался. Только карандашом — синим или простым. Но что безмерно поражало — это абсолютная грамотность. Тут не то, что в собрании сочинений, — не было никакой редакторской или корректорской правки, а запятые стояли на своих местах!

«...Кстати, у тебя в Америке сидят сплошь паникеры, не умеющие еще вдобавок скрывать свою панику перед врагами. Но запрос американцев пустяки: Америку можно обойти другими путями. Может быть, из-за того, что перепродают червонцы концессионерам? Но разве у нас нет средств локализовать эту штуку другими путями?..»

2) Я думаю, что кредитная блокада есть факт! Этого надо было ожидать в условиях хлебных затруднений. Немцы особенно вредят нам потому, что они хотели бы видеть нас совершенно изолированными, чтобы тем легче принудить нас пойти на монополию немцев в наших

сншениях с Западом (в том числе и с Америкой). Стало быть: а) нельзя доверять немцам (Крестинский¹ тем и плох, что слепо верит немцам), б) надо глядеть в оба и иметь выдержку, не пугаться трудностей, ибо паника перед трудностями не облегчает, а усугубляет трудности, в) лучше сжать импортный план и выкроить резервы, чем сдать немцам. Только при этих условиях мы сможем сохранить свободу действий на Западе... Атмосфера может несколько облегчиться теперь при двух условиях: а) если подпишем говеный пакт Келлога², который (т. е. пакт) имеет для нас то значение, что может в некоторой степени связать Польшу (а также Англию) в смысле нападения на СССР и тем несколько нейтрализовать нынешние отношения тревоги и неуверенности, б) если нам удастся вывезти хотя бы ячменя миллионов на 20—30 рублей.

3) Думаю, что с хлебом у нас будет трудно еще недели две-три. Потом будет лучше. Может быть, это к лучшему? Почему? Потому, что сбережется хлеб и в конце года у нас могут оказаться резервы. Главное выдержать эти 2—3 недели, сжаться и выдержать. Надо теперь же направить работников по хлебу на Волгу, в Казахстан, на Урал, в Сибирь. ЦЧО (Центрально-Черноземная область. — Прим. авт.), Украина, Севкавказ, которые от нас никуда не убегут, тоже, я думаю, раскачаются.

Словом, держись и не унывай — наша должна взять.

Твой И. Сталин

28/VIII. 28

Р. Б. Мне кажется почему-то, что, несмотря на серьезность болезни, Серго вылезет. Сообщи об его здоровье, как только получишь сведения.

И. Ст.»

¹ Н. Н. Крестинский — советский полпред в Германии с 1921 г., с 1930-го — зам наркома иностранных дел СССР.

² Келлог — государственный секретарь США, один из инициаторов пакта 1928 г. Келлога — Бриана, который пытались использовать для создания антисоветского блока, но СССР, разгадав этот замысел, счел целесообразным присоединиться к этому пакту 6 сентября 1928 г. Заметим, что письмо Сталина к Микояну датировано 28 августа 1928 г.

Михаилу Москва

Монро иже

OT CT

Литература

Моя ратная похвала
Иудею, с хитростию
поисет. Прирадиру, при
наго, что Фухарин Те
рлет Василию похвал.
То, фореараванное
поступление на хитр.
на "хитр" похвал похвал,
моя хитр на хитр.
Моя хитр на хитр
что я хитр на хитр
моя хитр на хитр
и похвал - что хитр.
хитр.

Тоже в Рубе -

Жму. Пили за твоё
здоровье.

Да, чуть не забыл.
Теперь самое глав-
ное (самое главное!)
вооружиться плюшкин-
ской скупостью и не
разбазаривать пригото-
вленный хлеб. Нужна
большая выдержка,
Держись!

Жму руку.

17/IX Твой Сталин

Анастас!

Твою записку получил. Видимо, с хлебом дела пойдут.
Приходится признать, что Бухарин теряет возможность
повести «форсированное наступление на кулака» путем
нового повышения цен на хлеб. Можешь ему сказать, что я
вполне понимаю его положение и почти-что соболезную.

Был в Абхазии. Пили за твоё здоровье.

Да, чуть не забыл. Теперь самое главное (самое
главное!) вооружиться плюшкинской скупостью и не
разбазаривать заготовленный хлеб. Нужна большая
выдержка. Держись!

Жму руку.

Твой Сталин.

17/IX (год не указан)

Вануас

Миссия миссия.

1) На реке Вануас миссия
не очень важна. Миссия 1-го
Толкун. Не знаю, как 2-го
миссия об этом. Не
откажет миссия класс, но не
миссия, не логично. Миссия 2-го
и 3-го, или миссия 2-го
1) и миссия 2-го миссия
и миссия 2-го миссия 2-го
миссия 2-го миссия, 2-го миссия
не миссия миссия миссия (миссия)
миссия миссия миссия миссия
миссия миссия миссия миссия
миссия миссия миссия миссия
миссия миссия миссия миссия
миссия миссия миссия миссия
миссия миссия миссия миссия
миссия миссия миссия миссия

Миссия миссия.

9/10

Гам

Р.1. Миссия миссия
Миссия миссия. Миссия
Миссия миссия

Г

1) Трехмесяч. запас прод.
фудов (100 ш. п.), как непри-
косновенный запас (исключи-
тельно от мобронды), на который
не потяне, как и Тингу Лавен!

2) Укрупнение зап. под. план
вот по штири предваритель-
фудов, а н.е. фудов зер-
нов

3) Укрупнение зап. под. план
не менее 180 ш. п. пред. хл.
ов, Сев. Кавказ — 50 ш. п.

Анастас!

Письмо получил.

1) На счет Ай-Ви-ли ничего не могу сказать. Лично я
против свидания. Не знаю как думает об этом Н.(?)Б. Но
отказать прямо сейчас, пожалуй, невыгодно. Лучшее всего
будет, если напишешь ему, что я нахожусь вне Москвы и
нужно прежде всего списаться со мной, чтобы можно
было сообщить ему (Айвили) мое согласие или несогласие.

2. Бельенкого следовало бы поставить на заготовках.
На каком именно посту — это ты сам должен решить.

Жму руку.

Сталин

9/VIII (Год не указан)

Р. 5. Форсируй всю экспорт хлеба. В этом теперь
центр.

Ст.

К письму приложен листок из другого блокнота с
расчетами по хлебу (без подписи, но написанный той же
рукой). Вот его содержание:

1) Трехмесяч. запас прод. хлебов (100 м. п.), как неприкосновенный запас (независимо от мобфон- да), накопить не позже, как к 1-ому января.

2. План заготовки за год составить по линии продовольств. хлебов, а не только зерновых.

3. Украине дать год. план не менее 180 м. п. прод. хлебов, Сев. Кавказу — 50 м. п.

Письмо И. В. Сталина А. И. Микояну от 26 сентября 1928
года

Анастас!

Письмо получил. Как бы хорошо ни пошли хлебозаготовки,, они не снимут с очереди основы наших трудностей, — они могут залечить (они залечат, я думаю, в этом году) раны, но они не вылечат болезни, пока не будут сдвинуты с мертвой точки техника земледелия, урожайность наших полей, организация сельского хозяйства на новой основе. Многие думали, что снятие чрезвычайных мер и поднятие цен на хлеб — есть основа устранения затруднений. Пустые надежды пустых либералов из большевиков! Что касается залечивания ран, то я думаю, что хлебного кризиса в этом году не будет, и мы сумеем кончить заготовительный год «так на так» с некоторым запасом. Этого для нас мало, очень мало. Но это все-таки лучше, чем заготовительный кризис.

Насчет Стомонякова Молотов ничего еще не писал. Если с Парижем не выходит дело, я не возражаю против его назначения твоим замом.

Об Угланове поговорим по приезде в Москву. Он оказался, к сожалению, безнадежным путаником и в политических, и в организационных вопросах. Жаль, очень жаль.

Жму руку.

Твой Сталин.

Записки Сталина к Микояну касались разных периодов жизни — сначала дружественные, товарищеские отношения со временем заметно охладевали. Сталин и Микоян отдалялись друг от друга. Но во всех этих письмах красной нитью проходит одна тема: хлеб, хлеб, хлеб...

«Анастас! Твою записку получил. Видимо, с хлебом дела пойдут».

Или еще:

«...Форсируй всю экспорт хлеба. В этом теперь центр. Сталин».

Но иногда проскальзывали мнения и суждения о коллегах по партии:

«...Об Угланове поговорим по приезде в Москву. Он оказался, к сожалению, безнадежным путаником и в политических, и в организационных вопросах. Жаль, очень жаль».

«...Насчет Стомонякова Молотов ничего не писал. Если с Парижем не выходит дело, я не возражаю против его назначения твоим замом...»

«...Насчет Розенгольца я уже написал Молотову и внес формальное предложение. Серго может дать взамен Розенгольца Клименко...»

«О Рябоволе написал Молотову...»

Иногда появляется нечто личное:

«...Был в Абхазии. Пили за твоё здоровье!..»

И в каждом финале обязательное:

«...Жму руку. Твой Сталин...»

Я и мои коллеги из отдела тотчас ксерокопировали эти письма, подвергали расшифровке и включали в описи. Описи вместе с отличными копиями ежедневно стекались на стол Черненко. Оригиналы до поры до времени ждали своей участи в сейфах. В конце разборки архива описей оказалось столько, что они были переплетены в три толстенных grossбуха, размером каждый с хороший энциклопедический том.

Один документ поразил меня очень сильно. Всего три с половиной странички машинописного текста. С грифом «секретно»!

К Хрущеву и Микояну обращался легендарнейший маршал Георгий Константинович Жуков. Каждое его слово

в письме от 27 февраля 1964 года сочится обидой и болью:

«...Про меня рассказываются и пишутся всякие небылицы. Какие только ярлыки не приклеивали мне начиная с конца 1957 года и по сей день:

— и что я новоявленный Наполеон, державший бонапартистский курс;

— у меня нарастали тенденции к неограниченной власти в армии и стране;

— мною воспрещена в армии какая бы то ни было партийная критика в поведении и в работе коммунистов-начальников всех степеней;

— и что я авантюрист, унтер-пришибеев, ревизионист и тому подобное...

Мне даже не дают возможности посещать собрания, посвященные юбилеям Советской Армии, а также парадов на Красной площади. На мои обращения по этому вопросу в ГЛАВПУР мне отвечают: “Вас нет в списках!”

Никита Сергеевич и Анастас Иванович! Поймите в какое положение я поставлен...»

Судя по отсутствию резолюций на письме, Никита Сергеевич и Анастас Иванович письмо «зажали». Не дали ему никакого хода... К чему это привело — все прекрасно знают! Должные почести у нас принято воздавать после смерти...

Каждый день к Черненко на стол ложились новая опись и новый комплект обнаруженных документов. Он их просматривал и тотчас отправлял дальше: к Андропову и Суслову. Оттуда они возвращались через несколько дней, с приколотыми резолюциями типа: «Продолжайте присылать на ознакомление...».

Насколько я мог судить по автографам Суслова и Андропова, ничто особенно их не заинтересовало. Они не заказали подборки на какую-то строго определенную тему. Брежнева микояновский архив не интересовал вовсе. У меня сложилось впечатление, что Черненко рассказывал ему кое о каких документах из этого архива в приватном порядке. Любопытство у Брежнева не проснулось...

А мы продолжали извлекать из папок микояновского архива все новые и новые материалы. Среди редких находок, несомненно, следует назвать посмертные

фотографии Ленина, сделанные в мавзолее.

Снимков было два. Оба очень четкие. Сделаны специалистами-медиками кремлевской лаборатории. Никто другой в то время их сделать просто не мог — это категорически запрещалось. Появление человека с камерой на пороге мавзолея строго каралось по всей тяжести закона...

А у Анастаса Ивановича фотографии покойного частенько бывали в руках. Он их, похоже, подолгу разглядывал.

Облик Ленина на этих снимках совсем не тот, что ныне, — кожа на лице еще не столь дряблая, лишена лакировочного глянца, морщины у глаз будто живые, а вот с левой рукой дела обстояли неважно... Кожа, судя по фотографии, начала трескаться и расползаться. Видимо, эти неприятности и привели реставраторов тогда в мавзолей с фотоаппаратом в руках, а Микоян, воспользовавшись моментом, забрал впоследствии эти снимки себе.

Историческая роль этих фотографий, видимо, довольно значительна хотя бы по той причине, что сделаны они через несколько лет после смерти Ленина, задолго до войны.

Эти фотографии тоже совершили, как и остальные документы, путешествие вверх и вниз — от нас к Черненко, от Черненко к Андропову и Суслову, потом назад...

— Ты вот что, Виктор, — сказал мне как-то Черненко, когда я забирал очередную порцию вернувшихся документов, а работа с архивом Микояна подходила к концу. — Сложи часть документов в особую папочку и принеси мне... Пусть пока у меня полежат...

— Какие, Константин Устинович?

— Письма Сталина, ленинские снимки в мавзолее и еще это, это и это, что карандашиком отмечено...

Я выполнил это поручение шефа в полном соответствии с полученным указанием. В нем не было нарушения никаких норм — Черненко имел право оставлять при себе любые документы.

Когда Черненко затребовал те самые документы по описи, чтобы поместить в свою личную папку, ксерокопии тех документов оказались как бы никому не нужны, они остались у меня.

杜曼林同志

我們的新老部隊尚多徒手急需武裝請
你們從旅順或其他任何地方運一萬步槍六
百挺輕機二百挺重機到遼陽交我們因時間
急迫只有請你幫助此致
布禮

11/1
林
印

12/11 1945年 晚廿一時

Тов. Туманян:

Многие наши новые и старые части
еще не имеют винтовок и очень нуждаются
в вооружении Поэтому убедительно прошу
Вас из Порт-Артура или из любого другого
места доставить десять тысяч винтовок,
600 легких пулеметов, двести тяжелых
пулеметов в Ляо-ян и передать нам
так как время напряженное мне пришлось
за помощью только к Вам.

С комприветом!

Пин-Цзен
Лин-Бяо

21 4X8 НОЯБРЯ

Иногда я достаю эти листки, вглядываюсь, например, в каллиграфически красивые китайские иероглифы, в оттиски чудных «с дракончиками» печатей, читаю перевод:

«Товарищ Туманян! Многие наши новые и старые части еще не имеют винтовок и очень нуждаются в вооружении. Поэтому убедительно прошу Вас из Порт-Артура или из любого другого места доставить десять тысяч винтовок, 600 легких пулеметов, двести тяжелых пулеметов в Ляо-Ян и передать нам. Так как время напряженное, мне пришлось за помощью обращаться только к вам.

С комприветом, Пын-Джен и Линь-Бяо.

13/XI 1945 21 час».

Но были в архиве Микояна и смешные находки. Всех нас — «архивариусов» — очень развеселила карикатура, вырезанная Микояном из какого-то американского журнала и аккуратно подшитая в папочку.

На рисунке изображена трибуна мавзолея, на которой стоят множество людей в абсолютно одинаковых пальто и шапках. Один из иностранцев, стоящий среди гостей на Красной площади, спрашивает у своего приятеля: «Скажи, Фрэнк, а что это за люди, которые стоят рядом с Микояном?»

Похоже, что карикатура Микояну очень нравилась. Она льстила его самолюбию тем, что из всех взбравшихся на трибуну мавзолея вождей, по мнению американцев, никто не обладал такой известностью, как он — Анастас Микоян!

Рисунок этот также, кажется, перекочевал в личный архив Черненко.

Показывать смешную картинку Андропову, а тем паче Суслову Константин Устинович не стал.

Думается, из моральных соображений...

ТАЙНАЯ ЛЮБОВЬ СЕКРЕТАРЯ ЦК

Едва я стал помощником Черненко, как стал свидетелем его тайной страсти.

Как-то раз вызывает он меня в свой кабинет... Ходить на «ковер» я не боялся, но всегда старался как бы угадать тему предстоящего разговора, чтобы быть наготове, не показать в нужный момент своей неосведомленности. В этот раз вышла промашка. Не угадал!

— Ты, Виктор, как... — несколько издалека начал Константин Устинович, — к футболу относишься? Болееешь?..

— Нормально отношусь...

— Тогда у тебя нагрузка прибавится. — В голосе шефа появились шуточные интонации. — Будешь моим помощником по «Спартаку»! Без прибавки жалования, естественно...

Так началась моя восьмилетняя эпопея с известнейшим футбольным клубом страны. К счастью, мои симпатии и пристрастия шефа совпали. Случись иначе — болел я, к примеру, за «Динамо», пришлось бы туго...

1976 год был для «Спартака» тяжелым. Он с позором провалился в первенстве высшей лиги страны. Его тренер — Галимзян Хусаинов — хороший игрок, но, как оказалось, никудышный воспитатель, довел команду не только до последних мест в своей лиге, но «уронил» в низшую лигу. Дальше падать было почти некуда...

Но дело было не только в тренере. «Спартак» был в кризисе еще и потому, что не имел приличной материальной базы, мощных шефов (теперь бы сказали — спонсоров), не складывались отношения между руководством «Спартака» и руководством Спорткомитета страны.

Были, конечно, хитроумные попытки оставить «Спартак» в высшей лиге путем увеличения числа команд, которым дозволено числиться в высшей лиге, при этом «проигравшийся» в пух и прах «Спартак» как бы автоматически оставался среди мастеров. Но эти хитрости вызывали лишь смех у настоящих болельщиков.

А они — любители футбола — начали волноваться не на шутку, памятуя, что каких-то двадцать лет назад игроки их любимой команды были героями Мельбурнских олимпийских игр.

Нужно было кому-то срочно решать целый комплекс проблем: от вопроса с тренером до финансового, материально-технического и т. д. ... Получалось так, что кроме ЦК партии решать этот вопрос было некому! Не потому, что вопрос спорта — партийный вопрос в «государственном масштабе», проблема престижа вообще и на международной арене в частности... И не потому, что провозглашали порой с гордостью государственные мужи, что на Западе профессиональный спорт извращен наживой, а у нас основан на любви к физкультуре и соревновательности, значит, настоящий — любительский!

Просто в Кремле оказались влиятельные болельщики! И проявили завидную инициативу.

Черненко, будучи секретарем ЦК, тяжело переживал неудачи любимой команды. Незаметно, исподволь он влез в дела «Спартака». В первую очередь обратился к ветеранам команды — непрекаемым авторитетам. Ими, конечно, были братья Старостины.

Первое заседание «тайного общества» по спасению «Спартака» состоялось на квартире Андрея Петровича. В числе приехавших к нему домой был и я — «спартаковский помощник без прибавки к жалованью». Встречаться раньше с ним не приходилось, поэтому я волновался — все ж кумир юности!

Андрей Петрович был простужен и вышел «в залу» весь закутанный в шарфы, свитера и шерстяные носки. На стенах — множество фотографий, медалей, кубков, вымпелов... Все меня поражало и восхищало.

Несмотря на простуду, говорил Старостин четко и неторопливо. Отчего-то поражала торжественность в его

голосе, хотя суть обсуждаемой нами темы была чрезвычайно минорной, далекой от праздника.

— Я буду говорить без обиняков... — сразу же сказал решительно Андрей Петрович. — Прошу моих гостей... — (следует взгляд в мою сторону) не обижаться! Футбол — дело серьезное...

— Раз серьезное, — передаю я ему слова Черненко, — то надо решать главное: кого вы можете предложить на должность нового тренера?

— Бескова! Константина Ивановича Бескова! И никого иного... Только он может быть старшим тренером. А начальником команды — Николая!

— Старостина? — догадался я. — Николая Петровича?

— Да, брата, — кивнул Андрей Петрович.

— Но Бесков завязтый «динамовец»! — возразил я, хорошо знавший футбольную поднаготню. — Действующий офицер МВД, активист Центрального совета общества... Захочет ли?

— Да, он однолюб... — вздохнул Старостин. — Прикипел к «Динамо»... Но, думаю, должен будет согласиться! Хотя бы потому, что любит футбол вообще, а не по отдельным командам. Разговор с ним я беру на себя! С Николаем тоже побеседую — тут легче. Но остальное на вас, передайте это Константину Устиновичу! Помощь будет нужна солидная... Не копеечная!

Разговор закончился, мы поднялись.

— Ладно, решим. Вы сначала с Бесковым и братом поговорите...

Я остался доволен этим разговором. Похоже, дело сдвинется с места. Как хорошо, что Старостин понял меня правильно и мне не пришлось передавать ему горькие слова Черненко: «Нужно поднимать “Спартак”! Нехорошо это... Стыдно!»

Разговор с Бесковым был, как оказалось, и в самом деле не очень легким.

В это время он был подполковником внутренних войск и переходить в гражданский клуб с низкими заработками ему вовсе не улыбалось. Кроме этого, увольнение из органов неминуемо

т. Черненко К.У.

КОМИТЕТ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ

при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

МОСКВА, Г-49, Скатертный пер., дом 4

Телефоны: 290-26-50, 290-24-15

№ 351с

21 января 1980 г.

Секретно

Экз. № 1

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

О выплате денежных премий футболистам и тренерам сборных команд-призеров УП летней Спартакиады народов СССР

В июле-августе 1979 года в программе УП летней Спартакиады народов СССР проведен футбольный турнир с участием сборных команд союзных республик, гг. Москвы и Ленинграда, укомплектованных лучшими футболистами высшей и первой лиг. Эти соревнования явились очередным этапом подготовки игроков-кандидатов в сборную команду СССР к XXII летним Олимпийским играм 1980 года в Москве, полностью моделировали предстоящий олимпийский турнир по футболу, проходили в острой бескомпромиссной борьбе, способствовали выявлению новых кандидатов в сборные команды страны. Первое место в турнире заняла сборная команда Москвы, второе - Грузинской ССР, третье - Украинской ССР.

Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР просит разрешения на выплату денежных премий футболистам и тренерам сборных команд-призеров УП летней Спартакиады народов СССР за счет средств Спорткомитета: за первое место - в размере до 500 руб., за второе - до 300 руб., за третье - до 200 руб.

С Министерством финансов СССР (т. Деменцев В.В.) - согласовано.

Председатель Комитета

С.П.Павлов

ПЛ-1392с

11.

вело к потере солидной прибавки к пенсии. Вот такие, в общих чертах, проблемы...

Чтобы решить все вопросы разом, требовалось высокое партийное вмешательство. Болельщик — Константин Черненко — таким уровнем обладал: приказом министра внутренних дел — Николая Анисимовича Щелокова — подполковника Бескова откомандировывают в гражданское общество «Спартак» с оставлением в кадрах Вооруженных сил... При этом МВД СССР решает вопрос с присущей этой организации «хитринкой»: в звании Бескова оставляют, выводят, как говорится, за кадры, а платить зарплату обязывают команду «Спартак».

Люди, следившие за перипетиями со «Спартаком», наверное, помнят, что Константин Иванович Бесков застрял там надолго.

Благодаря хлопотам высокопоставленного болельщика Черненко, он, будучи на службе в гражданской организации, стал полковником, а затем, когда настал необходимый момент, ему была надлежащим образом оформлена неплохая военная пенсия...

Делалось все это, как теперь принято говорить, в порядке исключения! В данном случае повезло «Спартаку»!

Я не взял бы на себя сегодня смелость порицать те или иные пристрастия членов ЦК — увлечение футболом, как мне кажется, одно из самых безобидных, конечно, как-то влияло на реальную расстановку сил в спорте, но не приводило, насколько мне известно, к тяжелым последствиям... Игра она и есть игра! Люди, облеченные властью, тоже играли...

Партийные организации и в центре, и на местах уделяли серьезное внимание спорту не по прихоти или личным пристрастиям и симпатиям, а исходя из своих программных установок. Признаем по справедливости, что в те годы массовый спорт достиг высокого уровня своего развития, а наши успехи на международной арене были общепризнаны.

В данном случае я рассказываю о роли личного фактора в истории известной команды, об одной строке из биографии Черненко.

В случае с помощником Черненко по «Спартак» футбольные пристрастия, к счастью, совпадали. Но у самого Черненко они вовсе не совпадали с Брежневым. Леонид Ильич, как известно, отдавал предпочтение ЦСКА. И частенько приглашал Константина Устиновича в Лужники на хоккей. Если матч проходил между этими командами и выигрыш доставался ЦСКА, Черненко замыкался в себе и мрачнел. Брежнев, наоборот, радостно подначивал приятеля.

Говорить с Константином Устиновичем на любую тему (даже служебную) на следующее утро было поистине нелегкой задачей...

Бесков энергично принялся за подъем команды. Первым делом они вместе со Старостиным положили на стол Черненко специальный, тщательно расчерченный лист миллиметровки. На нем были указаны все игроки команды с указанием года рождения, членства в ВЛКСМ (весьма незначительное), членства в КПСС (все беспартийные) и потребности в жилье (весьма высокие!).

По просьбе Черненко (и не только Черненко — первый секретарь МГК В. Гришин тоже болел за «Спартак») Моссовет сделал все, чтобы быстро удовлетворить потребности игроков в жилье. Были отпущены значительные средства, и база в Тарасовке на глазах преобразилась. Она заискрилась новым оборудованием, свежей краской жилых помещений, приличным сервисом в обслуживании.

В качестве шефа (спонсора) «Спартак» был определен не кто иной, как могучий и мощный всепогодный-крылатый «АЭРОФЛОТ»! Решение об этом принималось на уровне Черненко и министра гражданской авиации Бориса Бугаева!

Теперь у «Спартак» не было никаких проблем с перелетами по стране и всему миру.

Всю организационную работу в команде взял на себя, как и обещал Андрей Петрович, Николай Старостин.

Мне он показался человеком интеллигентным, симпатичным, не лишенным некоторого педантизма в суждениях, твердости в отстаивании собственных взглядов, тактичным.

Черненко время от времени приглашал к себе на «тайную вечерю» всю троицу — братьев Старостиных и Бескова. Разговор «вполголоса», длящийся часами, беседами назвать было трудно. Наверное, так общались между собой «заговорщики из тайного союза».

Вожди футбола чувствовали равнодушное отношение партийного «вождя» к «Спартаку» и умело играли на этой струнке.

На «тайных вечерах» Черненко оттаивал, глаза его искрились, лицо смягчалось. Он был счастлив, что сидел рядом со своими кумирами, мог напоить их чаем, угостить печеньем...

Братья-футболисты охотно рассказывали ему о житейском бытии команды, сообщали новости, делились воспоминаниями, припоминали смешные случаи и истории, смягчали сердце кремлевского собеседника, но никогда и ничего у него не просили напрямую.

Все просьбы звучали потом — через «помощника по «Спартак»» без жалованья.

И просьбы эти были не сказать что очень скромными. Но они все равно выполнялись... Тут Черненко взяли за живое! Это дало свои результаты.

В сезон 1977 года «Спартак» пришел полностью обновленным. Ключевые места в команде заняли молодые парни из глубинки. Они обживались в Москве, обживались в новых квартирах, обживались и на стадионе...

Сперва придирчивые и ироничные московские болельщики едко кривили губы: «Докатился “Спартак” — из лесов костромских набирает игровых!»

Но вскоре имена игроков начали произносить с чуть большим уважением (о них вздохнул заговорили газеты): Юрий Гаврилов, Георгий Ярцев, Сергей Шавло, Вагиз Хидиятуллин...

А вратарь, двадцатилетний астраханец из «Волгара», Ринат Дасаев, вытянутый в Москву с помощью все того же Черненко, со временем станет не только кумиром всех отечественных болельщиков, но и капитаном сборной СССР.

Вот так тайная любовь Черненко к «Спартак»

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР
Москва, Кремль

Согласиться, в виде исключения.

Н. Тихонов

Н. Тихонов

23 января 1980 г.

Ш-1392с

В. Г. Тихонов
В. Г. Тихонов

вернула команду в 1977 году в высшую лигу, а в 1979-м — в чемпионы.

В благодарность Черненко была вручена специальная «спартаковская» ваза — высокий бокал с золотым ободком. Ниже ободка — эмблема команды и медаль победителя чемпионата. Их обрамляют миниатюрные портреты игроков, тренеров и микроскопические автографы тех и других. Получил точно такую же уникальную, выпущенную всего в нескольких экземплярах вазу и «помощник по “Спартак”» без жалования». Она и сейчас стоит у меня в комнате и напоминает о тех днях мытарств и борьбы за «Спартак»...

Конечно, Черненко не ограничивался общим руководством, а влезал и во всякие мелочи команды. Да к нему, чего греха таить, и сами приставали, когда встречались с малейшими проблемами: цеховский уровень покровителя позволял все решать сразу, легко, почти без сопротивления...

К примеру, надо вызволить хорошего футболиста из ЦСКА или «Динамо». А какой тренер отдаст хорошего футболиста? Ясно, никакой.

Сценарии операций походили на лихо закрученные детективные романы. Вагиз Хидиятуллин из «Спартака» в связи с призывом в армию «уводится» в ЦСКА... Со стороны «Спартака» сразу же предпринимаются попытки отозвать его из армейского строя. Сам Хидиятуллин бурно, насколько это позволительно, протестует! Его, согласно уставам воинской службы, загоняют за строптивость в Закарпатье...

Черненко набирает номер министра обороны Устинова:

— Дмитрий Федорович, твои ребята в ЦСКА того-этого... Надо бы отдать Хидиятуллина «Спартак». Проси, что хочешь, но верни... — И футболист вскоре возвращался в родные пенаты.

Или Александр Бубнов из «Динамо»! Не сложились у него отношения с динамовскими тренерами, хочет перейти в «Спартак», а на плечах погоны внутренних войск, его и не отпускают. Он — парень с гонором, фордыбачит, естественно, пропускает тренировки.

Его в наказание выводят из основного состава. Он подолгу сидит на лавке запасных, но не сдается.

Бесков торопится к Черненко:

— Выручайте, Константин Устинович, нужен мне Бубнов позарез... Это ж такой игрок, такой игрок! А у них мокнет с тоски, что осиновый пенёк под дождем...

Черненко поднимает трубку связи с министром Щелоковым:

— Николай Анисимович, слушай, что твои динамовцы хорошего парня гноят? О ком, о ком, о Саше Бубнове. Знаешь что, отдай его ко мне в «Спартак», а? Очень Бесков, понимаешь, за него хлопочет... Ладно, ладно, потом сочтемся... Спасибо! — и, поворачиваясь к Константину Ивановичу, говорит: — Завтра будет у тебя. Доволен?

Вот такие тайные страсти случались у вождей и их подчиненных...

И в заключение этой главы. После того как «Спартак» стал чемпионом страны, сравнительно быстро оправившись от столь глубокого падения в первую лигу, дела в клубе пошли в гору. В этом, конечно, была и немалая заслуга «высокого» болельщика, тренерского состава и нового корпуса игроков. Выросли акции и Константина Бескова — в конце 1979 года он возглавил сборную СССР по футболу и начал ее подготовку к чемпионату мира 1982 года. «Спартак» для него отошел на второй план, а с теперешними делами команды к «помощнику по “Спартаку” без дополнительного жалования» продолжал обращаться неутомимый Николай Петрович Старостин. Бескову же так и не удалось привести сборную СССР к триумфу, хотя она заняла третье место в своей подгруппе и вышла в финал. Но больше одной игры в финале ей сыграть не пришлось — вылетела. Основу сборной тогда составляли динамовцы Киева и Тбилиси. По предложению Бескова к руководству сборной накануне чемпионата мира были привлечены старшие тренеры киевского и тбилисского «Динамо» В. В. Лобановский и Н. П. Ахалкаци. «Теперь

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

ИД НКВД т.Черненко К.У.

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

г.р. Москва
15.12.1976г. № 1/7555

на № _____

О прикомандировании подполковника БЕЖКОВА К.И. к Московскому городскому совету общества "Спартак"

В Министерство внутренних дел СССР обратился Московский городской Комитет КПСС (тов.Гришин В.В.) с просьбой направить для работы в Московскую футбольную команду "Спартак" в качестве старшего тренера военнослужащего внутренних войск МВД СССР подполковника БЕЖКОВА Константина Ивановича и оставить его на действительной военной службе.

В соответствии со статьей 36 Положения о прохождении военной службы офицерским составом Вооруженных Сил СССР, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 18 ноября 1971 года, Министерство внутренних дел СССР просит в порядке исключения разрешить прикомандировать подполковника БЕЖКОВА К.И. сроком на один год к Московскому городскому совету добровольного спортивного ордена Ленина общества "Спартак" и сохранить за ним права, льготы и преимущества, которыми пользуются в соответствии с действующим законодательством лица офицерского состава внутренних войск, с выплатой всех видов положенного довольствия за счет указанного общества.

Министр

Н.А.Щелоков
Н.А.Щелоков

ПП-184

стало совершенно очевидно, — писал Бесков в своем покаянном письме Константину Устиновичу, — что эта мера была ошибочной и даже пагубной. Названные выше коллеги не прониклись так ожидаемой мною общей заинтересованностью и остались по-прежнему в плену у своих клубных интересов и намерений, в конечном счете сыграли отрицательную роль в подготовке и выступлении сборной СССР». Я доложил о письме Бескова К. У. Черненко 13 августа 1982 года. Почитал его внимательно Константин Устинович, подвигал бровями недовольно и сказал: «Так и не проникся Бесков спартаковским духом, а родное «Динамо» его не пощадило». И все. Больше о Бескове он со мной не заговаривал.

Привожу здесь полностью текст письма К. И. Бескова к К. У. Черненко от 13 августа 1982 года.

ЦК КПСС товарищу Черненко К.У.

Глубокоуважаемый Константин Устинович!

Помня наши с Вами собеседования по вопросам советского футбола, с которым Вы хорошо знакомы, проявляли большую заинтересованность и во многом помогали дальнейшему развитию любимой народом игры, я счел своим долгом проинформировать Вас об основных причинах неудачного выступления сборной команды на последнем чемпионате мира в Испании.

Не претендуя на полный анализ выступления сборной СССР на недавно закончившемся чемпионате мира по футболу, не предлагая здесь радикальных рецептов на будущее, хотя они мне видятся вполне отчетливо, мне хочется, как говорится, по горячим следам изложить некоторые личные соображения, способные в какой-то мере объяснить не совсем успешное выступление возглавляемой мною команды.

Для ясности мне кажется необходимым совершить небольшой экскурс в недалекое прошлое нашей сборной.

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР
Москва, Кремль

согласиться.

К.Мазуров

5 января 1980

ПП-184

04

Сборную СССР по футболу я принял за неделю до решающего матча со сборной Греции на поле соперника в предварительных играх чемпионата Европы осенью 1979 г., когда положение команды было фактически безнадежным из-за необратимых потерь в предыдущих играх. В тот момент сборной СССР как серьезного игрового коллектива практически не было, о чем свидетельствуют результаты игр в подгруппе, где команда заняла последнее четвертое место, пропустив вперед не слишком сильные сборные Греции, Венгрии и Финляндии.

Совершенно очевидно, что рассчитывать на лавры я тогда не мог, и только одно, ни с чем не сравнимое желание,

имеющее смысл всей моей жизни — создать высококлассную, перспективную команду, — повлияло на мое согласие незамедлительно возглавить сборную, не ожидая абсолютно очевидных итогов ее бесславного выступления в чемпионате Европы.

Таким образом, с начала 1980 г. создавалась совершенно новая сборная.

Предварительная оценка той или иной сборной делается, как это принято повсеместно, по ее выступлениям в товарищеских и официальных матчах в периоды между чемпионатами, ибо других способов не дано.

С начала 1980 г. и до чемпионата мира в Испании 1982 г. наша сборная провела 50 международных товарищеских встреч и в 40 из них победила (8 ничьих и только 2 поражения), в том числе такие сборные, как сборные Бразилии, Швеции, Венгрии на их полях, а сборные Франции, Дании, Югославии на своем поле. Общеизвестны результаты успешных игр сборной СССР в отборочных матчах чемпионата мира, позволившие нашей команде занять первое место в своей группе и выйти в финал после двенадцатилетнего неучастия в нем нашей команды.

Самым существенным в перечисленных играх был не столько победный результат, сколько в каком игровом стиле он был достигнут. Команда тогда играла в атакующий и гармоничный футбол, концепции которого я всегда проповедовал и которые восторжествовали на минувшем чемпионате мира, но, к сожалению, не в исполнении нашей сборной.

Игра сборной СССР в тот период по результатам и качеству ставила ее два года подряд (1980 и 1981 гг.) на второе место в европейской футбольной классификации, хотя прежде, на протяжении многих лет наша футбольная сборная вообще всерьез не воспринималась на международной арене.

Из имеющегося в моем распоряжении выбора футболистов я вынужден был привлечь в сборную, исходя из игр внутрисоюзного чемпионата и некоторых международных клубных встреч, в основном игроков киевского и тбилисского «Динамо». Однако по своему опыту и опыту коллег известно, что игровая и

психологическая подготовка кандидатов в сборную велась в клубах не слишком основательно. Чтобы устранить эти существенные и опасные для сборной факторы, дабы лично всесторонне заинтересовать в делах сборной СССР руководителей основных поставщиков команды, по моему предложению осенью 1981 г. к руководству сборной были привлечены старшие тренеры киевского и тбилисского «Динамо» тт. Лобановский В.В. и Ахалкаци Н.П.

Теперь стало совершенно очевидным, что эта мера была ошибочной и даже пагубной. Названные выше коллеги не прониклись так ожидаемой мною общей заинтересованностью и, оставаясь по-прежнему в плену у своих клубных интересов и намерений, в конечном счете сыграли отрицательную роль в подготовке и выступлении сборной СССР.

Более того, Лобановский и Ахалкаци ничего не предприняли, чтобы помочь мне в устранении возникшего с их приходом в сборную антагонизма между игроками их клубов, вылившегося в откровенную драку между собой в раздевалке киевского стадиона после кубкового матча, по существу, за два месяца до начала мирового первенства. Наряду с психологической неподготовленностью игроки названных клубов в предшествующий чемпионату мира период резко снизили спортивную форму, показателем чего могут служить их плохие выступления в европейских кубковых играх и играх внутреннего чемпионата.

Амбициозность Лобановского и Ахалкаци полностью зачеркнула мои надежды на взаимопонимание и нашу общую заинтересованность в надлежащей игре, а их местнические настроения передалась игрокам возглавляемых ими клубов, привлеченным в сборную страны.

Реально оценив ситуацию, я ставил перед руководством Спорткомитета СССР (тт. Павловым С.П. и Сычом В.Л.) неоднократно (в апреле с.г.) мотивированно вопрос о целесообразности снова вернуться к тренерскому единоначалию в сборной, но эти мои предложения были, увы, отклонены. Отклонены, как я вскоре понял, по сугубо личным соображениям. Так, уже в ходе чемпионата мира в Испании руководитель нашей делегации т. Сыч В.Л. по

многим существенным вопросам, касающимся дел и игр сборной, обращался через мою голову непосредственно к Лобановскому, причем все это делалось откровенно и в присутствии игроков команды, поэтому можно себе легко представить, насколько мои указания и мнения стали для игроков необязательными, а мой голос и установки на игры, схожие с теми, которые ранее приносили нам успех, подменялись советами Лобановского (благо, в команде большинство его игроков), акцентирующего на пресловутом оборонительном, разрушительном футболе, не снискавшем успеха киевскому «Динамо» в международных встречах на протяжении последних семи лет (мои же методы подготовки и тактику он называл «футболом 19 века»).

Не приведя здесь и малой доли фактов недостойных и мелких интриг в мой адрес, исходящих (и сейчас) от лиц, непосредственно причастных к судьбе нашей сборной по футболу и желающих извлечь личную выгоду из наших неудач, я хочу со свойственными мне оптимизмом и честностью коммуниста, не отвергая свою ответственность и причастность к успехам и неудачам отечественного футбола, сделать утверждение, что у нашего самого массового и любимого народом вида спорта, благодаря созданным в нашей стране материально-техническим условиям, благодаря той заботе и вниманию, какие уделяются партией и правительством для развития футбола, у нас есть все основания и возможности сделать наш футбол достойным престижа нашего великого социалистического государства.

С глубоким уважением,

К. Бесков

13.8.82.

Глава 7

СМЕРТЬ БРЕЖНЕВА

Фотографии в газетах и журналах, если они каким-то чудом сохранились в архивах библиотек, способны открыть забавную тайну... Сразу, в день выхода газет, это не мог заметить, пожалуй, никто. И следующий номер давал немного... А вот если газеты положить рядышком да месяцев этак за десять—пятнадцать, все хитрости сразу становятся видными...

Возьмем газету «Известия» (хотя в «Правде», «Труде», «Сельской жизни» — то же самое):

29 апреля 1976 года. На трибуне мавзолея стоят видные партийцы и хоронят маршала Гречко. Черненко на самом краю трибуны!

1 мая — Первомайская демонстрация. Те же люди. Черненко последний в ряду!

8 мая — Кремлевский парадный зал. Брежневу вручают маршальскую звезду. Черненко перемещается к середине ряда, за ним оказываются секретари ЦК: Зимянин, Катушев, Капитонов. Это верный знак подъема вверх!

29 мая — другой кремлевский зал, подписание договора между СССР и США. Черненко между Сусловым и Кириленко! От Брежнева близко, но еще не совсем рядом.

12 июня — Москва — Кремль. Подписание декларации Индия — СССР. Черненко обходит еще одного, стоящего в «очереди», — Демичева.

28 июня — Белорусский вокзал. Проводы партийно-правительственной делегации в Берлин. Позади Черненко оказывается еще больше народу — Кириленко, Пельше, Кулаков...

6 октября — аэропорт «Внуково». Встреча Брежнева из

Алма-Аты. Черненко обогнал всех претендентов и стоит рядом с Генеральным секретарем! Брежнев, улыбаясь, смотрит на него. Видимо, доволен...

Отныне, где бы ни появлялся Брежнев — на охоте, в зарубежной поездке, стадионе, театре и так далее, Черненко неотступно при нем.

Фотографии как четкий фиксатор жизни и деятельности АППАРАТА расскажут немало любопытного и о последующих поколениях коммунистических лидеров:

Сентябрь 1981 года — Брежнев вручает вторую «Золотую Звезду» Черненко. Первый щелчок затвора фотоаппарата фиксирует начало церемонии: Леонид Ильич читает указ, секретарь ЦК М. С. Горбачев стоит позади Суслова, примерно в середине ряда — пятый от Генсека.

Второй щелчок фотоаппарата — звезда на груди героя, а Горбачев обходит Суслова, еще нескольких человек и становится третьим (!) от Брежнева. Конечно, это стремление оказаться как можно ближе к лидеру может показаться случайным. Но между двумя «щелчками аппарата» прошло всего несколько минут! Все присутствующие на этой церемонии стоят на месте, не «пританцовывают», словно «приросли» к полу, а Михаилу Сергеевичу отчего-то не стоитя — он смотрит в объектив фотоаппарата и тщательно выбирает место для «истории».

Ноябрь 1983 года — званый прием в Кремле в честь годовщины Октябрьской революции. Генерального секретаря Ю. В. Андропова за столом нет. Он с августа месяца лежит в «Кремлевке», где врачи отчаянно сражаются за его жизнь. «Тронную» речь читает премьер Н. А. Тихонов. Старики — Черненко и Громыко стоят слева от него. Гришин и Горбачев — справа. Но дело не в том, с какой стороны кто стоит, дело в том, что Михаил Сергеевич совершил еще один шаг к лидерству — сейчас путь к главному месту, где микрофон и место председателя, преграждает один лишь Гришин (!).

Сентябрь 1984 года — вручение Черненко третьей «Золотой Звезды». Гришин, похоже, проиграл! Между Генсеком и Горбачевым никого нет! Они стоят рядышком!

Ни у кого из присутствующих на этой многолюдной церемонии на пиджаках и мундирах нет ни одной звездочки. Лишь депутатские флажки на лацканах. Геройские звезды только у двух — маршала Устинова и Черненко.

И жить обоим осталось меньше пяти месяцев!

Но я изрядно забежал вперед, опередив естественное течение времени. Брежнев еще жив и почти здоров. В том смысле, что ни на что не жалуется, с аппетитом ест, следит за собственным весом, любит смотреть мультяшки по телевизору... Работает он понемногу — два или три часа в день. Половина даже этого срока уходит на отдых. Но средства массовой информации неустанно поддерживают у народа веру в трудоспособность Генсека. Все время публикуются его фотографии, не исчезают со страниц беседы с корреспондентами, приветствия трудовым коллективам по всяческим приличествующим датам...

Вторым человеком в партии фактически является «Костя» — как величает Брежнев Черненко. «Костя» вынужден в этот период даже составлять распорядок дня своего шефа, планировать график его работы и отдыха. Каково состояние Генсека, таков и график.

Но жизнь в стране в значительной части из-за достигнутой стабильности и предсказуемости вовсе не стояла на месте, а шла своим поступательным ходом. Впоследствии Горбачев, придя к власти, назовет эти годы «застойными» и под этим расхожим названием включит их в анналы истории. Однако после крутого обвала экономики и культуры в стране, начало которому положило правление Горбачева, трудно оперировать этим термином всерьез. Демократические пропагандисты выдвинули версию, будто тогда экономика жила на «нефтедолларовой игле». Эта версия не соответствует действительности. В 1980 году экспорт в страны, не входившие в экономическое сообщество соцлагеря, составил 34,9 млрд долларов, а импорт — 32 млрд долларов. Потом цены на нефтяном мировом рынке стали падать, и в 1986 году экспорт в связи с этим снизился до 30 млрд долларов, а импорт упал до отметки 29,4 млрд. В этот же период валовой национальный продукт СССР (1986 год) составил 799 млрд рублей, произведенный национальный доход — 587,4 млрд рублей,

доходы государственного бюджета выразились в сумме 419,5 млрд рублей. Можно ли на этом фоне считать экспорт в 30 млрд рублей (заметим, что курс доллара тогда практически был равен рублю) чем-то весьма существенным, чтобы сравнивать его с иглой, держащей на себе всю экономику? Смешно, конечно!

Спокойно-размеренная жизнь в стране, естественно, отличала и стиль тогдашней аппаратной работы.

Ничто не может нарушить ее стабильность. Все выверено, все регламентировано и никаких ЧП. Разве что только мелкие «чепушечки» случаются на уровне культуры, литературы, искусства...

В одном из известнейших московских театров поставлена новая пьеса про революцию, а комиссия ее не принимает. Говорит, что образ Ленина в ней какой-то не такой — ернический, что ли...

Режиссер бегом в ЦК — к Брежневу!

Драматург за ним следом — к Брежневу!

Хотят хором выпалить: «Леонид Ильич, хорошая же пьеса! Сами посмотрите! Не пожалеете...»

Но работа аппарата выстроена так, что к Брежневу с такими пустяками не прорвешься. Для приема подобных посетителей есть отдел культуры, наконец, «начальник штаба», он же заведующий Общим отделом — Константин Черненко.

Он режиссеру и драматургу назначает встречу. Не сразу, конечно, а через несколько дней — надо про пьесу кое-что разузнать, посоветоваться с людьми опытными... Как иначе?

Когда наступает время для встречи, те приходят, рассказывают о спектакле, приглашают в театр, естественно...

Черненко не отказывается, но и не пойдет сам. Тут дело в «политике» — приди он в театр лично, там сразу многие скажут (больше того — в газетах напишут): на спектакле присутствовал член Политбюро, секретарь ЦК КПСС и т. д....

Это, считай, уже почти что одобрение спектаклю, путевка в жизнь...

— Ты, Виктор, как к театру относишься? — хитро спрашивает Черненко меня и, не дожидаясь ответа, говорит: — Вот и отлично! Свяжись с Ефремовым... Известный драматург Шатров пьесу написал, а Ефремов поставил, — сходи, посмотри, доложи...

Не успеваю я вернуться в свой кабинет, уже звонит телефон. На проводе сам Шатров.

— Виктор Васильевич, ждем вас непременно... Билетик в партере приготовлен. Четвертый ряд устроит?..

Что-то очень быстро позвонил! Я ж минут пять до кабинета шел, не больше. Ясное дело — не без хитрости Черненко все произошло: еще при «театралах» решил послать, а меня только сейчас в известность поставил.

Прихожу на спектакль. Шатров радуется, рядом со своей родственницей сажает, чтоб приглядывала, что ли? Сажу, смотрю на сцену.

Ленина — Александр Калягин играет! Да как играет! Закачаешься... Сильно, мощно, с напором! Особенно мне понравилась сцена встречи вождя революции с Арманом Хаммером.

После спектакля меня берут под локоток и ведут в режиссерскую. Столик небольшой накрыт — немного спиртного, закуска из буфета. Кроме драматурга Шатрова и режиссера театра никого нет. Вполне доверительный разговор намечается.

— Ну как? — спрашивает Ефремов, разливая по рюмкам коньяк.

— Мне понравилось... — честно говорю я. — Александр Калягин хорош... Мне нравится этот артист...

Ефремов довольно кивает.

— Конечно, Ленин у вас не канонический получается, — продолжаю я. — Но ничего оскорбительного нет. Не знаю, что там товарищи от культуры страшное увидели?! Похоже, перестраховываются ...

Тут и Калягин в комнату заглянул. Веселый человек! Без грима на Ленина вовсе не похож. Даже удивительно, как он быстро преобразился.

Выпили еще по рюмке. Поговорили вчетвером, все обсудили.

На следующий день прихожу к шефу, докладываю:

— Понравился мне спектакль, Константин Устинович. Особенно сцена с Хаммером. Там Ленин с молодым капиталистом очень здорово разговаривает. Да вы сами сходите как-нибудь, посмотрите...

— Как-нибудь схожу... — неопределенно отвечает Черненко и на этом считает тему исчерпанной, больше к ней не возвращается.

Сам на спектакль он не пошел, но, видимо, кому надо сказал, что надо сделал, на кого надо надавил — спектакль был выпущен и пошел дальше, дальше и дальше...

О нем в то время много писали в газетах. Он стал заметным явлением в жизни столицы.

А сам Черненко «привел» на него Брежнева гораздо позже, кажется, в начале восьмидесятых. Тогда сразу все газеты захлебнулись в восторге: «Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР и так далее...» В общем — почтили своим присутствием.

— Ну как спектакль? — спросил я на следующий день Константина Устиновича. — Не ошибся я тогда?

— Хороший спектакль. Не ошибся.

— И Леониду Ильичу понравился? — поинтересовался я.

Черненко нахмурился и довольно неприветливо буркнул:

— Мне кажется, он не понял, куда его привели... Перепутал что-то...

Умер Брежнев неожиданно — уснул и не проснулся. Охранники его сорок минут пытались реанимировать, но неудачно. Странно, но на даче не было медицинского поста, не дежурила медицинская сестра. Это у престарелого Генсека? Невероятно, но факт. Это при всем при том, что после 1975 года, когда Леонида Ильича после обширнейшего инфаркта чудом вытянули с того света, он мог в принципе умереть в любой момент.

Многие, надеюсь, помнят — не только москвичи: мчится кавалькада машин — Брежнев, охрана, помощники, сотрудники, а сзади обязательно «реанимационная» катит.

А вот на даче в ту злополучную ночь никого из медиков не оказалось. А ведь, как мне потом рассказывали, симптомы были — поужинал Леонид Ильич и на боль в горле пожаловался: «Тяжело глотать...» Его спросили: «Может, врача позвать?» Он в ответ: «Нет, не надо!» Телевизор смотреть не стал, а поднялся из-за стола и пошел спать.

Утром охранники обнаружили его еще теплого. Умер!

Я о смерти Брежнева узнал утром от охранников. Но всей стране об этом еще долго не сообщалось. Догадаться, конечно, можно было по передачам радио и телевидения. Музыку по всем каналам передавали торжественно-печальную, из репертуара классики. Вечером 10 ноября министр внутренних дел Н. А. Щелоков, поздравляя работников милиции с профессиональным праздником, имени Брежнева ни разу не упомянул. Случай беспрецедентный. А концерт эстрадных звезд, который всегда ждали по случаю праздника, вовсе не состоялся. Опустился гнетущий занавес неопределенности, хотя, конечно, многие подозревали о произошедшем.

Позвонил на всякий случай в приемную. Поинтересовался — не нужен ли?

— Константин Устинович тобой не интересовался, — информирует дежурный.

Сажу в кабинете. Один-одинешенек. Час проходит, другой — меня никто не вызывает. В коридорах непривычная пустота. Словно все вымерли. Подозрительно это до невозможности. Делать нечего, сажу, завариваю чай, пью... Знаю, что началось Политбюро. Что там происходит — тайна за семью печатями! Правда, довольно скоро выяснилось, кто назначен председателем «похоронной комиссии», а он, по традиции, всегда будущий Генсек! Встретил в чуть ожившем коридоре коллег — они и рассказали.

А по радио из-за рубежа свои версии спешат изложить.

«...Борьба за власть началась не в это хмурое ноябрьское утро 10 ноября, а гораздо раньше — еще при Брежневе. И рвался к ней, конечно же, Андропов. По “закону” он стать Генеральным не может. Слишком далек от Брежнева. Перед ним длинная очередь секретарей ЦК, а под первым номером — Черненко.

Но за Андроповым стоит не очередь из претендентов, за ним стоит прекрасно вооруженный Комитет государственной безопасности, который имеет досье на каждого претендента и в нужный момент может припомнить все прегрешения перед Богом, Царем и Отечеством!..

На Черненко, похоже, в КГБ ничего нет — его нельзя опорочить! Он один из немногих членов ЦК не вовлечен ни в какую коррупцию, не берет взятки, не прелюбодействует...» — вот такие сообщения понеслись тогда в эфир из-за рубежа, отдавая дань «странным» качествам Черненко не одну минуту времени. Западные комментаторы продолжали свои рассуждения: — Для Андропова эта черненковская «чистота» — неважное качество. Его трудно опорочить. А ведь с Брежневым, проживи он чуть дольше, эта операция прошла бы успешно: в самом начале 1982 года вокруг имени Брежнева закрутился целый ряд интригующих событий и фактов.

Для затравки из КГБ начали интенсивно распространяться слухи о том, что Генсек резко и бесповоротно «впал в маразм», потом была произведена «утечка информации» о незаконных валютных операциях детей Генсека, при этом говорилось, что они чуть ли не бегут за границу. Неожиданно разоблачается друг Брежнева — секретарь Краснодарского крайкома партии Медунов. Начали умирать, словно мухи, другие сторонники Генсека: во время пустячной операции в «Кремлевке» гибнет первый секретарь Якутского обкома партии Чиряев, за ним тотчас следует непонятная смерть первого секретаря из Татарии, первого секретаря из Таджикистана, Председателя Совмина Грузии...

Утром 10 ноября должно начаться заседание Политбюро. Всюду тишина. Никто не слоняется без дела. Коридоры опустели. Телефоны молчат...

Зарубежные голоса продолжают нагонять страхи:

«...Еще не успело остыть тело покойного, как на отдаленных улочках Москвы загремели траками танки гвардейской Кантемировской дивизии, из кузовов крытых брезентом грузовиков посыпались на заснеженный московский асфальт солдаты дивизии Госбезопасности имени Дзержинского.

Их присутствие как бы служит катализатором для работы Политбюро в правильном направлении на этот час; как нам сообщают из Москвы, Политбюро расколото как минимум на два лагеря. Тихонов и Кунаев голосуют за Черненко. Устинов, Громыко и Романов — за Андропова. Кузнецов и Рашидов никак не могут занять определенной точки зрения. Кириленко и Пельше постарались отсутствовать по уважительной причине. Щербицкий, Демичев, Пономарев и Горбачев, сперва бывшие на стороне Черненко, быстро сориентировались и встали на сторону солдат и танков, то есть Андропова...»

Интересно, как быстро на Западе умеют соорудить правдоподобную информацию, да еще со множеством подробностей. Солдаты, танки, дивизии... Ничего этого, конечно, не было. Хотя кого угодно в Москве спросите — не видели в эти дни танков, они гораздо позже в Москве появились — в августе 91-го... Но кое-что в этих сообщениях было очень похоже на истину.

Например, расклад сил. Противостояние Андропов — Черненко! Было это, было... Но голосование на внеочередном пленуме тем не менее прошло единогласно. Это тоже было! Андропов, совсем недавно вырвавшийся из аппарата КГБ на простор идеологического фронта (это произошло всего лишь около года назад, после смерти Суслова), не был настолько сведущ во всех тонкостях аппаратных игр. Тут ему еще трудно было ориентироваться. А Черненко — зубр! Почти двадцать лет в самом сердце партийной бюрократии! Конечно, вокруг Андропова много новых, свежих сил, молодых кадров, но им тоже неплохо хоть немного «повариться» в этом высшем партийном котле, набраться опыта.

В общем, Андропову на первое время нужен человек, который будет работать! Который знает АППАРАТ!

Который может управлять Центральным Комитетом!

Черненко после внезапной кончины Брежнева не стал первым человеком в партии, но с места второго человека в партии его сместить, вытеснить пока просто не могли. Он был нужен как опытнейший АППАРАТЧИК...

ССЫЛКА БЕЗ АРЕСТА

Начал Андропов «во здравие»! Каждую неделю встречи, совещания, беседы на высоком уровне. Как говорится, «все флаги в гости к нам»!

В период со дня смерти Брежнева и до сентября 1983 года не проходит ни одной недели, когда бы Андропов не встречался с кем-нибудь лично. Все время на людях, все время за столом переговоров.

Мало кто из «непосвященных» в то время знал, что Андропов был тяжело и неизлечимо болен. Выглядел он плохо, но на встречах с зарубежными делегациями неизменно улыбался, держал себя в руках. Его графики работы свидетельствуют о кипучей энергии — не успевала отъехать одна делегация, как наезжала другая. Все должны были заметить — к рулю государства и партии пришел новый человек, энергичный, сильный, у которого большие планы по обустройству государства.

Андропов с самого начала своего правления решил энергично встряхнуть страну, добиться роста в разных сферах хозяйства, задумал ряд реформ. Надо было активизировать ЦК, расшевелить правительство, привести в действие новые силы.

Для всего этого Андропову нужно было «задвинуть в угол» достаточно сильного, но, как он полагал, консервативного аппаратчика и бюрократа Черненко!

В чем была сила Черненко, почему его опасался новый Генсек? Константин Устинович к этому моменту сконцентрировал в своих руках руководство

промышленностью, идеологией, контроль за партийными кадрами и обладал такими связями внутри самого аппарата ЦК, которые нарабатываются годами. Не следует забывать, что знал Черненко всяких тайн и секретов ничуть не меньше самого бывшего председателя КГБ СССР и даже гораздо больше. Такова была его многолетняя обязанность — заведовать Общим отделом и читать шифрограммы и депеши председателя Андропова. Тут уместно напомнить, что Андропов никогда не обращался к Брежневу напрямую: официальный путь — через Общий отдел, неофициальный — через подчиненную ему охрану Брежнева (телохранителей).

Чтобы лишить Черненко, «второго человека в партии», своей опоры, надо было взять курс на омоложение и обновление кадров, в чем была и объективная потребность. Андропов это прекрасно понимал и действовал решительно и последовательно.

Из кандидатов в члены Политбюро переводится Гейдар Алиев (бывший руководитель КГБ Азербайджана и, значит, проверенный, свой человек), секретарем ЦК становится Николай Рыжков, вторым человеком в партии (по степени доверия со стороны Андропова) — молодой Горбачев...

За все пятнадцать месяцев, что Андропов был у власти, Черненко появляется на людях всего несколько раз: встреча и проводы в аэропорту мозамбикской делегации (в самих переговорах Черненко не участвует); находится в президиуме торжественного собрания, посвященного 165-летию со дня рождения Карла Маркса, но отсутствует на вечере, где собрались все деятели партии и государства в честь дня рождения Ленина; поднимается на трибуну в день похорон Пельше; выступает с докладом на июньском пленуме...

На этом можно поставить точку. Но было еще одно событие, которое очень характерно для взаимоотношений Черненко и Андропова. Одному из рук второго нужно получить то, что никто другой формально ему дать не в силах. «Президентский» пост! Тогда он назывался несколько иначе...

17 июня открывается сессия Верховного Совета СССР. На ней Черненко выступает с очень короткой

рекомендацией: «Предлагаю избрать товарища Андропова Юрия Владимировича Председателем Президиума Верховного Совета СССР...»

И он дает Андропову то, что ему крайне не хватает — руководство государством. В этот момент Андропов выглядит физически немощным и выступает буквально через силу. Но факт остается фактом — он обладает всей полнотой власти в государстве...

После этого Черненко настолько прочно задвигается Андроповым на задворки, что даже не приглашается на проводимую с огромной помпой, весьма торжественно встречу с ветеранами партии.

На ней присутствуют Романов, Зимянин, Капитонов, Рыжков. Председательствует Андропов! Встречу открывает самый молодой член Политбюро — Горбачев! Именно он представляет ветеранам Генсека, который стремится на этой встрече заручиться у ветеранов поддержкой и подчеркнуть, что он преемник во власти и в партии.

Черненко на встречу не приглашают. За столом президиума — одна молодежь!

После этого Черненко надолго исчезает из поля зрения. Куда? Он отправляется в отпуск, где откушает так неудачно копченой ставриды от Федорчука.

Даже тогда, когда в сентябре месяце Андропов, переехав в люксовый отсек «кремлевской больницы», прочно улегшись на больничную койку, день и ночь привязанный шлангами к аппарату «искусственная почка», навсегда исчезает с экранов телевизоров и страниц газет, на них поочередно появляются другие — молодые и старые: Тихонов, Устинов, Громыко, Алиев, Горбачев, Рыжков... — и ни одного раза не будет упомянут Черненко.

Это будет ссылка без ареста! Или с арестом? Имея в виду долгое лежание на больничной койке, по соседству с умирающим Генсеком, медленное выздоровление одного при столь же медленном угасании другого...

Сказать, что Черненко был категорически против Андропова и не видел необходимости изменений в жизни страны и партии, в стиле и характере руководства и управления — значит погрешить против истины. Черненко прежде всего был человеком долга, партийного высокого долга, и он никогда не выдвигал свои личные амбиции или интересы на передний план, они для него мало значили. Но его откровенно настораживали некоторые тенденции в стиле руководства Юрия Владимировича, когда методы КГБ вдруг стали просачиваться в партийную работу. Это особенно стало заметно, когда сколачивались громкие дела против прежних сторонников Брежнева, его близких, чего мы уже касались выше. Больше всего волновало и беспокоило, что многие новые кадры, придя в ЦК КПСС, больше осваивали его привилегии и возможности связей, не вылезали из заграникомандировок, легко наводили личные контакты с различными деятелями и лидерами зарубежных стран, примеряя на себя бремя высокой ответственности.

А жизнь доказывала, что АППАРАТ не может перестраиваться слишком быстро, он живет по своим, понятным немногим, законам. Если в него слишком быстро внедряются молодые силы, то начинается закономерное отторжение. Ветераны Политбюро, понаблюдав за «юной порослью», вдруг забыли о конкуренции. Начался естественный процесс — противостояние!

Тихонов, Кунаев, Щербицкий и Гришин (шестым был Черненко) начали, пока еще тихо и тайно, противиться «омоложению» Политбюро. И Андропову, стоявшему одной ногой на пороге «Кремлевки», ничего не удалось сделать! Он не смог по своему усмотрению перетряхнуть кадры. Ни один из новых сторонников Андропова не был введен на пленуме в состав Политбюро ЦК КПСС.

Андропов, долго варившийся в котле КГБ, плохо представлял себе психологию партийного АППАРАТА, его капризный и мстительный характер, обидчивый нрав. Ни Гришин, ни Щербицкий не простили Андропову допущенной в их адрес бестактности: он их, как и Черненко, не пригласил на встречу с ветеранами — мероприятие по партийным меркам не рядовое, показывающее «старикам» и всей стране, из кого дальше будет формироваться аппарат

управления партией и государством. То есть Андропов забыл, очень быстро забыл о их роли, забыл о том, что получил власть благодаря их поддержке.

Стоило Андропову лечь в больницу, как перед Щербицким и Гришиным встал один-единственный вопрос: «Кого поддерживать дальше? Андропова? Горбачева? Черненко?..»

С Андроповым все понятно: такие болезни быстро не проходят, сколько бы ни пришлось ему прожить, а руководить государством ему будет тяжело. Это, пожалуй, будет вариант примерно брежневский: есть почетный лидер, а правят бал совсем иные. Кто они? Горбачев и Черненко — самые вероятные кандидаты в «управляющие хозяйством».

Черненко понятнее, он человек из их мира.

Горбачев — человек пришлый, сравнительно недавно появившийся в Москве... Хотя, конечно, первые наблюдения неплохие: он всегда оказывается в числе тех, кто чутко и быстро реагирует на малейшие колебания генеральной линии; вроде достаточно искренен; полностью подчиняется вышестоящим директивам, покладистый...

И все ж Черненко куда верней — он легко просчитываем, легко прогнозируем, легко узнаваем! Он бы не стал устраивать «революционных» кадровых перетрясок — еще 83-й год не кончился, а уже по стране заменено 20 процентов первых секретарей обкомов и крайкомов, 22 процента членов Совмина и почти все завотделами ЦК...

Примерно таким был расклад сил, когда прошли пятнадцать месяцев короткого правления Андропова и вместо провозглашения «здравиц» настал период пения «заупокойных» месс...

Глава 9

СМЕРТЬ АНДРОПОВА. ПРЕВРАЩЕНИЕ ВРАГОВ В ДРУЗЕЙ...

Андропов умер, как и жил, в тайне! Он скончался в четверг 9 февраля 1984 года в люковом отсеке кремлевской больницы. В последние месяцы его жизни доступ к нему был весьма ограничен. Но незадолго до смерти к нему по служебным делам приезжал один из членов ЦК. Потом он так рассказывал об этом визите:

— Машина, которая меня везла к Андропову, свернула на Рублевское шоссе. Въехав через главные ворота, мы свернули налево, к двум одинаковым двухэтажным домикам. Поднялись на второй этаж, разделись. Мне указали, как пройти в палату Юрия Владимировича.

Палата выглядела скромно: кровать, рядом с ней несколько медицинских приборов, от них тянутся шланги, на специальных кронштейнах установлены капельницы. У стены — маленький столик, за которым сидит какой-то человек.

В первый момент я не понял, что это Андропов. Я был потрясен его видом и даже подумал: может быть, это вовсе не он, а кто-то другой, кто проводит меня дальше?

Но нет, это был Андропов, черты которого до неузнаваемости изменила болезнь: острая почечная недостаточность.

Негромким, но знакомым голосом он пригласил:

— Проходи, садись...

Принесли чаю, и мы неторопливо беседовали минут пятнадцать...

Юрий Владимирович был одет по-домашнему — в

обычную рубашку и полосатые пижамные брюки. Я вглядывался в его лицо и по-прежнему не узнавал его. Внешне это был совсем другой человек. Я понимал: его силы на исходе...

Встреча, о которой идет речь, произошла в декабре, а в четверг 9 февраля он умер...

В тот же вечер по обкомам и крайкомам полетели из ЦК шифровки. Одна из них долетела до сибирского Томска, где в тот момент находился в командировке Егор Кузьмич Лигачев — секретарь ЦК КПСС и друг будущего Генсека М. С. Горбачева.

Лигачев, в силу целого ряда причин, о которых речь ниже, был проинформирован быстрее, нежели прилетела шифровка.

«...Меня застал, — написал он в своих воспоминаниях, — ночной звонок Горбачева:

— Егор! Случилась беда: умер Андропов! Срочно вылетай! Завтра же утром будь в Москве. Ты нужен здесь...

Официальная шифровка о смерти Андропова поступила в обком только утром».

Мне кажется, что это признание Лигачева весьма показательно — оно как нельзя лучше повествует о той закулисной борьбе, которая неминуемо должна была развернуться на предстоящем пленуме. Горбачев спешно собирал преданные силы! В этой ситуации даже один лишний голос мог играть решающую роль...

Но дальше Лигачев как-то странно объясняет причину столь решительной поспешности и ночного звонка от Михаила Сергеевича:

«В то же утро в кабинете Зимянина мы писали некролог. Было нас человек пять-шесть, среди них, помню, Замятин, Вольский, помощник Андропова, кто-то еще. Когда написали о Юрии Владимировиче «выдающийся партийный и государственный деятель», кто-то из присутствующих засомневался:

— Не слишком ли?.. Генсеком-то он проработал совсем немного...

Но я возразил:

— Дело не во времени, не в сроках, а в результатах!..»

Красиво сказал Лигачев, ничего не скажешь. Только,

пожалуй, не слишком искренне, с излишним пафосом. Хорошо, сделаем скидку на еще не до конца изжитый партийный стиль в литературе и в журналистике, склонный к преувеличениям и излишней изысканности. Ведь точно так говорили о Брежневе, потом об Андропове, а вскоре и о Черненко: «выдающийся партийный и государственный деятель»...

Лично я бы сказал иначе: и Андропов, и Черненко, будучи на постах генеральных секретарей, сделали очень и очень мало! Так мало, что ни о какой «исторической роли и гигантском вкладе» речь идти не может. Им для этого попросту не было отпущено времени. Что это за сроки — 15 месяцев, 13 месяцев?..

Итак, пятница, 10 февраля 1984 года. Никакого сообщения о смерти Андропова в утренних газетах нет. «Известия» и «Правда» помещают на первых полосах пространные отчеты о деятельности правительства, материалы подготовки к выборам, зарубежную информацию...

Но вся страна о смерти Андропова знает уже в четверг. Это ничего не меняет в жизни горожан или сельских жителей, они заняты своими повседневными заботами и делами.

Откуда же эти поразительные знания? В первую очередь, как всегда, из зарубежных голосов, с трудом прорывающихся сквозь установленные по приказу самого Андропова мощные «глушилки». Вот она, жестокая ирония судьбы: «андроповские глушилки» мешали оповестить советский народ о смерти самого Андропова!

Кажется, первой отреагировала «Свобода», за ней «Голос Америки», а потом информацию подхватил весь мир.

Милиция в Москве была в ночь на 10-е переведена на особый режим патрулирования, были отменены краткосрочные отпуска, выдано табельное оружие. Официальное сообщение о смерти Ю. В. Андропова появилось в прессе 11 февраля.

В Колонном зале Дома союзов начались приготовления к похоронам. Москвичи к очередным похоронам любопытства не проявили, шутя бросив в первый раз в

толпу реплику о трех «пэ»: «Пятилетка Пышных Похорон», и досадовали на обилие симфонических оркестров, звучавших с экранов телевизоров и радиодинамиков, вместо эстрадных концертов и спортивных трансляций.

А в ЦК КПСС готовились к пленуму! И вот тут уместно, думается, вспомнить откровение Егора Кузьмича Лигачева о срочном вызове из томской командировки. Он явно о чем-то недоговаривает в этих воспоминаниях. Наверное, о разговоре, состоявшемся по прибытии: между ним и Горбачевым о раскладе сил перед пленумом, о том, что не Черненко должен прийти к власти, а совсем иной человек, более молодой и крепкий... Иначе и быть не могло!

Горбачеву не было смысла столь спешно срывать приятеля из Сибири, а Лигачеву — особого смысла столь торопливо лететь в Москву и мчаться на Старую площадь, чтобы рано утром, придя в кабинет Зимянина, участвовать лишь в написании некролога и обсуждать результаты жизнедеятельности почившего Генсека.

Припомним — «было нас пять или шесть человек...». Поименно: Зимянин, Замятин, Вольский, Лигачев, помощник Андропова — без указания фамилии... Пять! А кто шестой? Ладно, оставим пока вопрос открытым. С помощником все ясно — именно их обязанность сочинять посмертные речи о своих шефах. Сам писал, знаю! Кстати, получил это указание от Егора Кузьмича и Михаила Сергеевича... А что здесь делают остальные — во главе с шестым — очевидно, Михаилом Сергеевичем? Очевидно, совещаются...

При этом ситуация, рассказанная Егором Кузьмичом: «Ночью нужен, а утром не потребовался», как нельзя лучше говорит о том, что нужный расклад сил еще не созрел.

И пленум прошел вполне гладко! С подачи премьера Н. А. Тихонова Генеральным секретарем ЦК КПСС единогласно был избран Черненко.

Не очень гладко прошло первое организационное заседание Политбюро.

Черненко, понимая, что Горбачев, выдвинутый предшественником на высокие партийные роли, весьма ревностно относится к своей карьере, предложил Михаилу Сергеевичу весьма высокий пост:

— Пусть Михаил Сергеевич ведет заседания Секретариата! Он человек молодой, энергичный, физически крепкий...

В этом предложении Черненко было больше трезвого расчета, нежели хитроумной подоплеки: сделать из Горбачева союзника, а не противника...

Однако не все члены Политбюро оказались столь благорасположенными к Горбачеву. Возразил тот же Тихонов, который совсем недавно (при Андропове) был накоротке с Горбачевым:

— Ну, Горбачев превратит заседания Секретариата в коллегию Минсельхоза... Будет вытаскивать лишь аграрные вопросы...

Тотчас посыпались аналогичные отводы. Резко отшел подобные возражения министр обороны — маршал Устинов. Он в категорической форме поддержал предложение Черненко, причем сделал это столь решительно, что возражать ему было чрезвычайно трудно:

— Лучшей кандидатуры не найти. Прав Константин Устинович. Горбачев молод и энергичен!..

Но великий дипломат Громыко, совсем недавно безоглядно поддерживавший молодого андроповского выдвиженца Горбачева, высказался осторожно:

— Давайте подумаем, не будем сейчас торопиться, а позднее к этому вопросу вернемся...

Тут я позволю себе маленькое отступление, чтобы лучше описать характер Громыко.

Андрей Андреевич Громыко — личность в истории Советского государства легендарная. «Дипломатическая школа Громыко», как в свое время дипломатия Молотова, была своеобразным явлением в мировой дипломатии. Человек образованный, эрудированный, доктор экономических наук, он вошел в историю как «министр-нет» (в отличие от Козырева), был твердым, жестким, но и достаточно гибким дипломатом еще сталинской кадровой школы. Черненко, как и другие члены Политбюро, относился к нему с почтением и уважением, но какой-то доверительности и близости между ними никогда не было. Кстати, они оба были удостоены Ленинской премии за совместную работу — подготовку многотомной истории

советской дипломатии.

Всегда молчаливо-замкнутый, застегнутый, как говорится, на все пуговицы, в официальной обстановке весьма корректный, он в обычной рабочей обстановке был иным — высокомерным, проявлял пренебрежение к чужому мнению и был зачастую слишком упрямым и несговорчивым. Члены Политбюро знали об этих его чертах хорошо, но умели находить им противодействие. Как-то я присутствовал при разговоре Брежнева с Черненко по «громкой связи», Леонид Ильич, говоря о предстоящем голосовании «вкруговую» по какому-то срочному и важному документу, наставлял Константина Устиновича:

— Чтобы **Андруша** не упирался и не ставил «против», ты начни голосование с него. Найди подход, уговори, чтобы он не упрямился...

«**Андрушей**» за глаза величали Громыко все члены «шестерки» в Политбюро. Его белорусское произношение некоторых русских слов так никогда до конца и не выветрилось. Я вспоминаю, что, выступая на пленуме накануне похорон Черненко, когда он предлагал на пост Генсека Горбачева, он характеризовал его как «**блестяшчаго**» организатора, который «**блестяшча**» вел заседания Секретариата... Сегодня я эти слова и слова самого Черненко об **Андруше** вспоминаю с улыбкой... А на том заседании Политбюро, несмотря на дипломатический ход Громыко, пришлось седому как лунь Черненко, производившему впечатление флегматика, проявить недюжинную твердость и крепость характера:

— Я все-таки настаиваю на том, чтобы вы поддержали мое предложение: доверить ведение секретариатов товарищу Горбачеву...

Да, произошло именно так. Из песни слов не выкинешь. И хотя между Черненко и Горбачевым, по свидетельству многих очевидцев, не всегда лояльных как к первому, так и ко второму, никогда не было дружбы или близости, так никто не замечал и никакой неприкрытой или замаскированной вражды. Честно говоря, ее и быть не могло в условиях аппарата — принцип подчинения меньшинства большинству предполагал борьбу и сопротивление до известного предела. Дальше наступало

подчинение!

Естественно, что Горбачев не хотел после 15-месячного андроповского резкого скачка вверх снова оказаться внизу иерархической лестницы, на каком-нибудь аграрно-сельскохозяйственном участке работы. Ему уже понравилось представлять СССР в зарубежных поездках, запросто беседовать с лидерами великих государств, например Великобритании, Канады или Франции... А теперь? Что теперь? Вниз? Об этом даже думать не хотелось...

Черненко, похоже, читал его мысли и прекрасно понимал тревоги Горбачева. Тут не требовался хитроумный расчет. И он решил не поступать с ним так, как совсем недавно с ним самим поступил Андропов. Он доверил ему и настоял на этом — что гораздо труднее! — второй по значимости пост в партии. Отныне и до самой смерти Черненко Горбачев станет его правой рукой. Тем самым предопределялась будущая судьба Горбачева — ему открывалась зеленая трасса вверх до будущего президентского кресла всего СССР!

Многие потом с удивлением припоминали, что Горбачев при Черненко продолжал успешно делать карьеру и ему никто не чинил препятствий. Припоминали и удивлялись, как это за столь короткий промежуток времени превратить противника, молодого и энергичного конкурента в сподвижника, помощника, коллегу...

Этому искусству Черненко учился всю жизнь в школе... Нет, не в школе, а в **институте, университете, академии АППАРАТНОЙ РАБОТЫ!**

Горбачев же таким искусством не владел и постичь его не стремился.

Глава 10

КОРАБЛЬ ДЛЯ КНУДА, ПОРТФЕЛЬ ДЛЯ ПАРФЕНОНА, ДЕТЕКТИВ С ФИДЕЛЕМ И УСТРИЦА ПО ПРИКАЗУ ПАРТИИ...

Как известно, на похороны съезжаются гости — все больше иностранные. При этом жмут ручку «новому кремлевскому хозяину» и, наострив глазки, пытаются в нем разглядеть нечто такое, что поможет контактам на международном уровне.

Черненко принимал соблезнования... Вице- президент США — Джордж Буш, Премьер-министр Великобритании — Маргарет Тэтчер, Пертиньи — из Италии, Индира Ганди и многие, многие другие были в эти дни в Москве. Иронии в глазах людей столь высокого ранга не бывает, не предусматривается дипломатическим этикетом, но Черненко эту иронию как бы чувствовал нутром. Он переживал, что уже не молод, понимал, что не очень здоров, допускал, что есть кандидаты в генеральные секретари куда энергичнее его...

Смотреть на него в эти дни было нелегко — Черненко перед каждым выходом к иностранному гостю мобилизовал внутренние запасы бодрости, приосанивался, изо всех сил старался показать себя всемогущим лидером.

За очень короткий промежуток времени ему пришлось «приосаниться» более 100 раз! Ровно столько, сколько было бесед и встреч с иностранными лидерами...

Мне же пришлось «приосаниться» чуть позже. Черненко требовал подробнейшие отчеты и анализы зарубежной прессы: кто что про него сказал? Кто что про него написал? Кто что из журналистской братии успел подметить?

К счастью, в начале 1984 года еще никто не усомнился в

том, что у Черненко хватает сил для генсекства. Более того, во многих газетах писалось, что нужно считаться не только с тем или иным лидером СССР, а с самим государством, которое занимает огромную часть земного шара и при этом неплохо вооружено...

Джордж Буш, например, обнаружил у Черненко потенциал сильного лидера и чувство юмора. Интересно, что ему сказал Черненко такого смешного? Не знаю...

Маргарет Тэтчер увидела в новом Генсеке и руководителе СССР отсутствие враждебности к Западу и умение логично излагать трудную советскую позицию... Ох уж этот английский этикет — «отсутствие враждебности»... Что он ее, за локоть укусить должен был или гранату из ящика стола извлечь? Но ничего не попишешь — первая леди Великобритании заметила «миролюбивость»!

Канцлер ФРГ Гельмут Коль охарактеризовал Черненко как человека вполне открытого, отказавшегося от пропагандистского коммунистического подтекста при беседе с ним. Это точно, вступать в КПСС Черненко Коля не агитировал.

Канадский и французский лидеры — Трюдо и Миттеран — в своих высказываниях были очень близки: при этом руководителе возможен дальнейший диалог о разоружении и что в воздухе веет демилитаризацией! Тут, как говорится, комментарии излишни...

Для Черненко эти первые отклики зарубежных лидеров имели огромное значение: он, во-первых, почувствовал некую уверенность в себе — мол, принят, не отторгнут, и, во-вторых, узнал, что от него ждут на Западе...

Дипломатом Черненко был неискушенным. А где, спрашивается, ему было набраться опыта? В Общем отделе ЦК? Там он, конечно, собирал, обобщал и анализировал различную международную информацию, наиболее важные документы откладывал для доклада Леониду Ильичу. Но это трудно назвать дипломатией.

Впервые Черненко по-настоящему приобщился к международной деятельности в 65 лет! До этого он ездил за рубеж в составе делегаций, но на уровне рядового ее члена. Были у него и поездки, которые оставили след в памяти. Например, на сессию ООН и на совещание по безопасности

в Хельсинки. Но какая это дипломатия? Пройдите сюда, встаньте здесь, теперь можете сесть и улыбнуться в объектив... Такой дипломатией оказались и крымские встречи лидеров стран соцлагеря, и советско-американская встреча в Вене в 1979 году, когда подписывали договор ОСВ-2.

В 1982 году Черненко доверили даже возглавлять комиссию по иностранным делам в Верховном Совете СССР, но там было полно специалистов и дипломатов, которые и решали все вопросы, оставляя Черненко почетную должность — «заседателя у микрофона».

В общем, повторяю, опыт ведения международных встреч и переговоров у Черненко был невелик. И очень удивительно и, наверное, даже хорошо, что Буш и Тэтчер, Коль и Миттеран, Трюдо и Ганди разглядели в нем то, что должно было еще только со временем «потенциально» развиваться...

Впервые Черненко возглавил партийную делегацию в 1976 году. Поехали тогда в Данию.

Компартия Дании в то время была на подъеме. Численность ее была небольшая, но она горячо отстаивала интересы рабочих вкупе с более сильными профсоюзами. Из-за ее боевитости в борьбе с «толстосумами» — хозяевами предприятий партия пользовалась поддержкой у молодежи.

Председателем КП Дании был Кнуд Есперсен — человек немолодой, но чрезвычайно энергичный, веселый, подвижный как ртуть, жизнелюб и оптимист, в прошлом он был участником Сопротивления.

Свой бойцовский дух он вносил и в датский парламент, депутатом которого был не один год. Вся Дания его называла не иначе как «Красный Кнуд»! Вот к нему в гости и приехал Черненко «со товарищи», а среди «товарищи» был и ваш покорный слуга.

Хочу вам рассказать, что представлял из себя «Красный Кнуд» на партийной трибуне, — это было зрелище, какое не часто увидишь: у микрофона седоватый, спортивного

«покроя» человек с огромными, будто искрящимися, озорными глазами... Непокорные волосы то взлетают вверх, то прилипают к разгоряченному лбу.

На трибуне ему тесно — он отбегает в сторону и вешает пиджак на спинку стула. Все равно жарко! Закатывает рукава рубахи... Энергично жестикулирует. Кажется, еще мгновение — и он останется в майке. Но этого не происходит, он всецело отдается непонятной для меня без помощи переводчика речи, энергично размахивает кулаком, отчаянно жестикулирует...

Все это разительно отличалось от наших чопорно-торжественных съездов, где все было строго регламентировано и многократно выверено, взвешено, отмерено до долготы пауз между словами.

Представлялось, что Кнуд молод и здоров как бык. А в разговоре с датчанами оказалось, что все совсем не так — он смертельно и неизлечимо болен, знает об этом и не собирается с этим считаться...

Через год с небольшим лидер датских коммунистов умер. Мне его жаль. Он был, по-моему, человеком искренним и верил в то, о чем говорил в тот день с трибуны. А говорил он тогда о том, что рабочие должны жить достойно, они должны пользоваться благами собственного труда, иметь все права цивилизованного общества — отдых, труд, свободу...

Вечером в Советском посольстве был устроен прием по случаю дня рождения Черненко. Пришел и приглашенный Кнуд Есперсен. Посол СССР Н. Егорычев самолично внес в комнату огромный торт с 65-ю зажженными свечами. Юбилар, не обладавший мощными легкими, хоть и не с первого раза, но загасил их...

Посидели, выпили, закусили, а потом вдруг оказалось, что «Красный Кнуд» знает много русских песен и прекрасно их поет по-русски. Мне потом рассказали, что Кнуд учился в Москве в существовавшей когда-то международной ленинской школе...

С именем Есперсена связана одна прелюбопытнейшая история, которую с позиции сегодняшнего дня можно трактовать по-разному — умелая бизнес-операция? Помощь одной компартии другой компартии? Или профсоюз

профсоюзу друг, товарищ и брат? Не знаю! Но проживи Кнуд Есперсен чуть дольше, он стал бы обладателем собственного огромного теплохода! А наши новоявленные бизнесмены — «новые русские» — заподозрили бы его в получении огромного дилерского процента от сделки. Кнуд же действовал в интересах датских рабочих! При этом совершенно бескорыстно! Хотите верьте — хотите нет.

Вот как это произошло: в один прекрасный день советскую делегацию привезли на крупную, но «не без капиталистических трудностей» судоверфь. На «Бормайстере ог Вайне» Черненко рассказали о том, что падает капиталистическое производство, душит капиталистический кризис и проявляется тот самый капиталистически-звериный оскал, который многих рабочих делает безработными.

Профсоюзный комитет верфи совместно с рабочими-коммунистами желает узнать у представителя Коммунистической партии великого СССР господина Константина Черненко, не будет ли в СССР какого-нибудь судостроительного заказчика, чтобы не сворачивать производство и не делать несчастными многие тысячи рабочих?..

Черненко близко к сердцу принял датскую боль. По приезду он лично переговорил с Леонидом Ильичом, вынес сей вопрос на Политбюро, «Бормайстер» получил заказ, рабочие — работу, и вскоре со стапелей в Дании сошли два сухогруза: «Известия» (это в честь одной московской газеты) и «Кнуд Есперсен» (в честь лидера датских коммунистов, к тому времени уже умершего).

Я часто вспоминаю эту историю. Особенно в последнее время, когда Россия тоже стала державой капиталистической. Такой капиталистической, что безработица сдает многие отрасли производства, особенно бывшие военные. Обратиться, что ли, за помощью к датской компартии, если она существует — пусть чего-нибудь у нас закажут... Микроскоп какой, электронный, что ли... Или лодку подводную, можно даже не ядерную — она дешевле получится! Не хотят... То-то и оно! И дело тут вовсе не в лодке — комбайн или трактор тоже не захотят, хоть делай мы их лучше всех в мире. Просто на такую

помощь — «братскую пролетарскую» — сегодня никто в мире больше не способен! Ведь выгода от сделки исчислялась не в рублях, долларах или франках с кронами, а совсем в других единицах измерения — с нашей стороны, советской, хотя бы... В солидарности пролетарской, во взаимопомощи. Может, датчане и не об этом думали, но Кнуд Есперсен наверняка об этом.

Другая поездка у Черненко в Грецию случилась. Тоже на съезд партии. Там часто случались и неофициальные беседы — к русским в Греции хорошо относились: помнили те жертвы, которые пришлось положить на алтарь свободы в борьбе с фашизмом. Греков в той войне тоже много погибло. Партизанили всюду... Так что встречали хорошо.

В Элладе не только в залах заседали, но и с историей знакомились — храм Афины Паллады посетили, на Парфенон полюбовались. Тогда Черненко в лицо еще не знал никто, кроме ближайших сподвижников. Это и хорошо было. Бродили по местам достопримечательным без излишней суеты и толпы сопровождающих. Черненко темные очки надел, но это от солнца, а не от скрытности. Пиджаки в гостиницах все оставили, а рукава у рубашек закатали.

Смотрю я сейчас на те фотографии, где мы у Парфенона разгуливаем, и сам удивляюсь — ходим, как простые туристы, а не какие-нибудь строгие официальные лица. Группа — пять человек. Одеты обычно. Невдалеке немцы прогуливаются, так по одежке или внешнему виду ничем особым от нас не отличаются. Лишь портфели в наших руках выдают некую странность... Почему мы их тогда в гостинице не оставили? Что у нас там за секреты такие были? Не помню. Ничего, кажется, не было. Просто по привычке взяли. Ну как настоящему бюрократу-аппаратчику в Греции без портфеля гулять? Никак нельзя!..

А вот поездка на Кубу в 1980 году случилась запоминающейся — детективной, можно сказать, поездка получилась... Время тогда было не только олимпийским. В Афганистане война всюду развернута была. Нас за эту войну весь мир, как мог, поливал хорошенько... Кроме Кубы, естественно! Та на нашей стороне была. У нее один враг на все времена — Америка. И если для Америки что-нибудь

плохо, то для Кубы это самое «плохо» обязательно со знаком плюс...

И эта безоглядная поддержка СССР довела Кубу до того, что блокада острова стала еще более прочной, чем раньше. Ну очень прочная блокада — фелюга рыбацкая сквозь кордоны не проскочит.

Американские конгрессмены так и сказали: «С этого острова революция по всему миру экспортируется. Значит, режим охраны надо удвоить или утроить даже... Чтобы к ним импорта товаров не было, а к нам, стало быть, экспорта революции...»

Делегаты второго съезда Компартии Кубы были взвинчены до предела, настроены не только воинственно, но и весьма решительно — они были готовы тотчас уйти со съезда и с винтовками в руках идти защищать революцию. Что в этой ситуации делать приглашенным гостям, было не очень понятно. А ситуация между тем была весьма накрученной — на съезде стихийно возникло движение по созданию территориальных формирований отрядов по защите революции. По радио и просто так из уст в уста передавалась информация о готовившемся покушении на Фиделя Кастро.

Служба национальной безопасности тщательно скрывала его местопребывание. Каждую ночь он менял ночлег. А сколько у Кастро было предусмотрено на этот случай резиденций, не знал никто. Мы специально осведомлялись, но ответа не получили, так как это очень секретные данные были.

Но партийная делегация СССР непременно должна была встретиться с Фиделем. Это понимали обе стороны.

Встречу нам назначили, однако переносили ее с одного часа на другой.

Мы долго ждали сигнала, поглядывая то на хронометры, то на быстро темнеющее незнакомое небо, усыпанное острыми яркими шипами звездочек. Наконец поехали. Фары нескольких джипов освещали сперва асфальт вполне

приличной трассы, потом асфальт с выбоинами, потом грунтовку, потом какую-то такую узкую тропку, что ветви кустарников хлестали по лобовым стеклам...

Остановились неожиданно. Еще не вышли из машины, как увидели, что перед нами железный забор, а вокруг машины много солдат с автоматами.

Сопровождающие долго говорили с охраной. Показывали какие-то документы. Указывали на часы. Смотрели в сторону «русских товарищей».

Нас пропустили. Машины очень медленно покатали вперед. Снова начались какие-то кусты по обочинам. Поворот, еще поворот... Наконец мы остановились у приземистого бунгало с плотно зашторенными окнами. Свет сквозь них проникал столь слабо, что трудно было нащарить ногами ступени крыльца. А фонари, даже если бы они у нашей делегации и были, зажечь, видимо, не удалось бы...

Кастро вышел навстречу. Он был в привычном зеленоватом френче с майорскими погонами, а на широченном кожаном поясе — сразу две кобуры с пистолетами.

С Черненко Фидель обнялся, так как был давним знакомым. Секретарю ЦК В. И. Долгих и послу СССР в Республике Куба В. И. Воротникову просто пожал руки.

— Фидель приглашает пройти в комнату... — проволок переводчик.

Кастро снял свой пояс с амуницией и передал порученцу.

— Это акт высокого доверия к вам со стороны Фиделя, — пояснил шепотом один из кубинцев, хорошо владеющий русским.

Все расселись за небольшим круглым столом. Освещение все равно оставалось скудным. Будто под потолком горела хилая двадцатисвечовка.

— Рауль! — представил нам Фидель своего брата, присутствовавшего при переговорах, и дальше не стал представлять его по должности, но мы и так прекрасно знали его посты: министр обороны, министр внутренних дел, министр безопасности... Как бы теперь сказали — силовой министр!

С давних комсомольских лет, когда мы хором распевали: «Куба — любовь моя!», «И говорит вдохновенно Фидель — мужество знает цель!», мне он представлялся человеком небывалым, мощным, монументальным, что ли...

И вот он передо мной — выдающийся революционер XX века! Я сижу с ним за одним столом... Мечта сбылась!

На той встрече Фидель Кастро поразил меня суровой замкнутостью, сдержанностью и какой-то невероятной категоричностью. Тон резкий, не принимающий возражений.

Видно было, что он находится на пределе человеческих возможностей. «Устал, совсем устал», — решил я про себя.

В ходе беседы практически говорил один Фидель, изредка прерываемый переводчиком. Суть одна: «США — оплот зла! СССР — единственный друг!»

Разговор о финансовой и экономической помощи Кубе в устах Кастро не нес характера просьбы — это было настоящее требование, высказанное в категорической форме.

Черненко не собирался возражать. Политика СССР в отношении к Кубе всегда развивалась так, что любые просьбы-требования удовлетворялись... Пообещали, что все будет в точности выполнено и в этот раз.

В Гавану мы вернулись лишь утром. Обратная дорога была столь же запутанной и таинственной, напоенной ароматом незнакомых растений, наполненной ночным посвистом чужих птиц и пылью, пылью, пылью... Утром как ни в чем не бывало мы вернулись на съезд. Страсти там накалялись еще больше! Каждый выступавший требовал тотчас отправляться в бой с оружием в руках и защищать революцию до последней капли крови. При этом выступавшие глядели в нашу сторону: «Мы обращаемся к СССР — надо тотчас и немедленно вооружить народное ополчение!»

На эти требования нужно было давать ясный, а не уклончивый ответ. Сказать «нет» — значит стать врагом революции! Сказать «да» — значит получить второй Карибский кризис!..

Когда Черненко придумал слова, которые произнес в тот день с трибуны кубинского съезда, до сих пор не пойму — за спиной полная мытарств бессонная ночь, тряска, качка и ни минуты нормального отдыха.

— Дорогие кубинские друзья! — сказал Черненко. — Экспортом революции ни мы, ни вы не занимаемся... Революции рождаются и побеждают в каждой стране по-своему. Но и экспорт контрреволюции недопустим. Это империализм должен знать!..

В зале раздались оглушительные аплодисменты. Острота вопроса несколько начала спадать, страсти стихать.

Потом Черненко мне признавался, что сам он не очень был доволен этим тезисом — «произношу фразу, а в голове автоматически возникает мысль о вводе наших войск в Прагу в 1968 году».

В те годы Черненко еще только набирал необходимый опыт международной деятельности. В будущем он послужит ему добрым подспорьем, тем более что его короткое правление страной придется на сложный и бурный период международной жизни.

Последней зарубежной поездкой Константина Устиновича будет Франция — на съезд ее компартии в феврале 1982 года.

Франция произвела на Черненко незабываемое впечатление. И хоть с их коммунистическим лидером Жоржем Марше отношения у Константина Устиновича не сложились (между нашими партиями были принципиальные разногласия о путях строительства социализма в СССР и во Франции), с его замом Гастоном Плиссонье, ветераном КП Франции, все обстояло самым лучшим образом.

Конечно, предельно ограниченное время той поездки не позволило Черненко поближе и подробнее познакомиться с великой французской культурой, ее знаменитыми музеями. Как русский человек, он традиционно был расположен к ее ценностям, знал и любил классическую и современную французскую литературу, ее кинематограф. Удалось ему

вырвать несколько часов на посещение Лувра, Дворца инвалидов. Побывал на могиле Наполеона, посетил улицу Мари Роз и ее главную достопримечательность — музей-квартиру В. И. Ленина, возложил цветы у Стены коммунаров на кладбище Пер-Лашез. Наш посол в Париже С. В. Червоненко показал Константину Устиновичу ночной Монмартр.

Удалось познакомиться и с французской кухней, которую Черненко оценил как превосходную. Человек он был в общем не очень предрасположенный к кулинарным изыскам, любил и капустку квашеную, и пельмени сибирские, но и устрицам французским отдал однажды должное... Гастон Плиссонье пригласил русских товарищей в пригородный ресторанчик, которым, как следовало из объяснений, владел «коммунист со съезда».

Ресторан славился в округе рыбной кухней. Он так и назывался — «Рыбный аукцион».

Рыбацкая уха сменялась непривычными трепангами, морскими ежами, акульими плавниками, щупальцами осьминога и... устрицами!

Застолье оказалось по-французски непринужденным. Много говорили, шутили, смеялись. Лишь один человек — Павел Федирко, могучий, будто сибирская круча над бурливой рекой, секретарь Красноярского крайкома партии — выглядел мрачным.

Черненко заметил это и спросил:

— Что с тобой, Павел? Ничего не ешь. Мяса, небось, хочешь, как дома в Сибири? А ты устриц попробуй! Деликатес все ж...

— Я, конечно, могу... — отвечал Федирко, — и вот с этой тарелочки «непонятное» попробовать, и вот это, что в раковинке лежит — устрицей, бокальчик «чего покрепче» сверху придавить, но...

— Что «но»? — уставился на него Черненко.

— Только в порядке партийного поручения, Константин Устинович!

— Даю! — тотчас отреагировал Черненко.

При этих словах Федирко, словно бросаясь грудью под танк, решительно опрокидывает в себя чуть не фужер коньяка, закусывает самой маленькой устрицей и выносит

вердикт:

— А маслята — все одно лучше!

Во время той же самой поездки на XXIV съезд компартии Франции получился конфуз и еще с одним делегатом, вернее, делегаткой — дважды героиней соцтруда ткачихой Валентиной Голубевой. Жила она не при посольстве, как основная часть делегации, а в пятизвездочном парижском «люксе» с обилием непонятных кнопочек на стене.

Проснувшись утром, еще толком не одевшись, она из любопытства легонько дотронулась до одной из них. Не прошло и трех минут, как в дверь позвонили решительно и требовательно.

Голубева в испуге распахнула дверь. На пороге стоял огромный негр, с улыбкой произносил: «Мадам...», а дальше следовало нечто по-французски непонятное, но сопровождаемое жестом руки в сторону постели.

— Что?! Нет, нет, мосье... — закричала Голубева, подозревая, что она нажала на какую-то самую что ни на есть потаенную «развеселенькую» французскую кнопочку.

Негр стер с лица улыбку, недоуменно пожал плечами и удалился.

Внизу в фойе Голубеву поджидал переводчик. Она рассказала о произошедшем случае, «забыв» поведать о кнопочке. Тот возмущился и ринулся к метрдотелю — что это, мол, за гнусности?..

Возвращался назад к Голубевой после разговора с метрдотелем переводчик несколько смущенным.

— Что? — спросила Голубева. — Что он хотел?

— Вы, Валя, нажали кнопку, которая называется «уборка постели»... — сказал переводчик и, борясь со смущением, постарался спешно выйти на улицу.

Можно, конечно, закончить рассказ о международном опыте Черненко на этой, не связанной непосредственно с ним, а только с членами его делегации веселой ноте. Но, наверное, будет не совсем верно с моей стороны, упомянув ранее о разногласиях между Черненко и Жоржем Марше, не рассказать, из-за чего они произошли.

Но вначале придется сделать одно отступление.

Сегодня, оглядывая еще и еще раз прошедшее время, следует заметить, что отношения между братскими компартиями, занимая центральное место в международной деятельности КПСС, никогда не были однолинейными и простыми. Между отдельными организациями были периоды разногласий и охлаждений, постоянно проходили острые дискуссии по одной принципиальной теме — о моделях социализма, о путях различных стран к социализму. КПСС, занимая ведущее место среди других партий, с трудом избавлялась от желания всем диктовать свои условия, навязывать свои теоретические постулаты. В XX веке так быстро и решительно изменялась картина мира, происходили такие крупные социально-политические катаклизмы, шла такая крутая ломка устоявшихся стереотипов, что общественные науки оказались лишь в хвосте этих явлений и, в сущности говоря, не смогли вооружить КПСС и международное коммунистическое движение сколь-нибудь серьезными теоретическими исследованиями, аналитикой и научно-выверенными практическими выводами. Наша наука занималась в основном толкованием тех или иных положений съездов КПСС, высказываний Генерального. Между научными институтами шло соревнование, кто кого опередит в этом отношении, кто придумает термин похлеще — развитой социализм, зрелый социализм, а ничего за этим не стояло, пустое сотрясение воздуха и прямая возможность дискредитации марксизма.

Черненко принадлежал к тому поколению партийцев, для которых любое теоретическое положение должно быть выношено, выстрадано. Марше вместе с французской компартией «перестроился» раньше всех! В зале съезда висел лозунг: «Построим социализм всех цветов Франции!». Черненко болезненно переживал такие высказывания Жоржа Марше, как: «Социализм по-французски должен сохранить все, что завоевано в области Свободы! Французский социализм — это социализм прав человека... Социализм не может быть предметом импорта. Социализм цветов Франции — это не социализм, приготовленный где-то и перекрашенный в цвета Франции». Он так и не принял

французскую модель социализма. Но человек он был терпеливый и терпимый, его можно было убедить, и он не боялся включать в свои выступления формулировки нестандартного характера, хотя они и давались ему чисто душевно очень и очень непросто. В ту парижскую поездку он в своей речи на митинге рабочей солидарности в Вильджуифе сделал такое заявление: «Мы глубоко убеждены, что социализм — разумеется, в тех формах, которые соответствуют условиям и традициям каждого народа, — будет завоевывать все новые и новые рубежи. Будущее принадлежит тому обществу, которое служит человеку труда». Помню, что эта фраза была внесена в текст Вадимом Загладиным буквально в самый последний момент, и Черненко с ней согласился.

Поездка во Францию, как уже говорилось, была последней зарубежной поездкой Черненко. В 1983 году болезнь помешала ему выехать в ГДР для участия в работе международной конференции, посвященной 100-летию со дня смерти К. Маркса, где он должен был выступить с докладом, и его зачитал секретарь ЦК М. В. Зимянин. В ранге Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР он не побывал ни в одной зарубежной стране. И тем не менее предыдущий, пусть не очень богатый опыт внешнеполитической деятельности побуждал глубже вникать в суть вопросов, вырабатывать свое собственное отношение к ним. Буквально с первых дней и даже часов вступления на пост Генерального секретаря резко изменился весь ритм жизни К. У. Черненко. Он почувствовал, как необыкновенно повысилась ответственность за каждое сказанное или написанное им слово, он ощутил, как нужен и важен был ему опыт в сфере внешней политики по мере того, как он все больше, все профессиональнее втягивался в международную проблематику. И как этого опыта ему катастрофически не хватило.

К. У. Черненко выпала весьма сложная международная атмосфера, которую необходимо было постепенно нормализовать, терпеливо искать и находить пути конструктивного и реального возрождения процесса разрядки напряженности. Ведь несмотря на весьма противоречивую обстановку в мире в конце семидесятых годов, были все же достаточно веские основания надеяться, что путь к углублению политической разрядки, к перелому в сфере разрядки военной в какой-то мере был расчищен. Об этом свидетельствовала известная советско-американская встреча в Вене на высшем уровне. Она проходила в столице Австрии с 15 по 18 июня 1979 года. В состав советской делегации входил и Черненко. Главный итог этой встречи — подписание с Соединенными Штатами Америки Договора об ограничении стратегических и наступательных вооружений (Договор ОСВ-2). Путь к этому договору занял почти семь лет. В результате длительных и непростых поисков взаимоприемлемых, компромиссных решений был выработан договор, построенный на принципе равенства и одинаковой безопасности. Договор ОСВ-2 содержал, как тогда говорили, «взвешенный баланс интересов двух государств». У мировой общественности появились реальные надежды.

Но уже в самом начале 80-х годов положение в мировом сообществе изменилось.

Еще при президенте Картере были приняты решения о пятилетней программе разработки новых систем оружия в США и беспрецедентно долгосрочный (рассчитанный на 15 лет) план наращивания и модернизации вооружений Атлантического блока. И вот широкие, многообещающие возможности, которые открыли итоги советско-американской встречи в верхах, были по существу перечеркнуты отказом конгресса США ратифицировать договор ОСВ-2. А затем последовало решение брюссельской сессии Совета НАТО — всего через полгода после Вены! — о размещении в Западной Европе нового американского ядерного оружия средней дальности. И это тоже произошло при президенте Дж. Картере, подписавшем венские документы.

Какова же была причина столь внезапного отказа Соединенных Штатов от взаимовыгодного договора? Предельно ясно, что этой причиной стал ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан.

По вопросу о вводе наших войск в Афганистан я не претендую на какие-то сенсационные открытия, но определенную точку зрения на сей счет имею. Она, эта точка зрения, складывалась из той многосторонней информации, которую приходилось по долгу службы анализировать еще задолго до ввода войск. Убежден в том, что апрельская (1978 год) революция в Афганистане никоим образом нами не подталкивалась и непосредственного участия в ее подготовке и развитии наша сторона не принимала. Мы имели самые общие представления о движениях «парчамистов» и «халькистов», о путаных политических платформах Тараки, а затем и Амина. Более детально мы стали вникать в обстановку, когда в Афганистане активизировались мятежные силы, получавшие поддержку извне, а правительство этой страны не однажды настойчиво просило нас о помощи. Мы несколько раз уходили от ответа на эти просьбы, но в конце концов не устояли. Я солидарен с авторами публикаций, в которых называются конкретно лица, принявшие решение о вводе войск в Афганистан, — Брежнев, Андропов, Громыко, Устинов. Но, на мой взгляд, здесь важен не просто перечень ответственных лиц, а их расстановка в начальный период. То есть — от кого пошла идея и кто подталкивал события. Рассудим логически: прежде чем решить вопрос о вводе пусть и ограниченного контингента войск, необходимо иметь исчерпывающую, многостороннюю и полную информацию о политическом положении в стране, о расстановке сил, о подлинном состоянии «революционного духа масс» и т. д. Кто мог дать наиболее достоверную информацию по этим направлениям? Конечно, в первую очередь, ведомство Ю. В. Андропова. И такая информация готовилась систематически. Она существенно дополнялась информацией ведомства Б. Н. Пономарева (в то время секретаря ЦК, заведующего международным отделом) о расстановке классовых сил, о готовности трудящихся масс идти за революцией и т. д. Само собой разумеется,

соответствующую информацию готовил и Генштаб. Автору приходилось анализировать материалы, вносимые на заседания Политбюро по результатам закрытых поездок в Афганистан руководителей очень высокого уровня КГБ СССР, Генштаба, ЦК КПСС для выяснения обстановки на месте. Все это вместе взятое и подготовило оценку ситуации в целом, признанную благоприятной для оказания «интернациональной помощи».

Оценка эта была, как показало дальнейшее развитие событий, далекой от действительности. Но военные и, к сожалению, «сталинский нарком» Д. Ф. Устинов взяли ее на вооружение. Министр обороны уверял, что кампания эта завершится в течение нескольких недель. Так роковое решение Политбюро в декабре 1979 года было принято. Черненко без каких-либо колебаний это решение поддержал, хотя, говоря объективно, какого-то влияния на его возможное изменение в то время реально оказать не мог...

С первых же шагов пребывания Черненко на посту Генерального секретаря ЦК КПСС проявилась его приверженность разрядке напряженности. Спустя всего две недели после избрания на этот пост, выступая перед избирателями, он затронул тему об огромной ответственности государственных руководителей в ядерный век перед нынешним и грядущими поколениями. И не просто затронул, но выдвинул конкретные предложения, которые на следующий же день за рубежом назвали «доктриной Черненко».

Генеральный секретарь ЦК КПСС обратился ко всем ядерным державам, приглашая их договориться о соблюдении в отношениях между собой и с другими странами определенных норм поведения, диктуемых условиями и логикой ядерного века. Вот эти шесть пунктов Черненко:

— Рассматривать предотвращение ядерной войны как главную цель своей внешней политики. Не допускать ситуаций, чреватых ядерным конфликтом. А в случае возникновения такой опасности проводить срочные консультации, чтобы не дать вспыхнуть ядерному пожару.

— Отказаться от пропаганды ядерной войны в любом ее варианте, глобальном либо ограниченном.

— Взять обязательство не применять первыми ядерного оружия.

— Ни при каких обстоятельствах не применять ядерного оружия против неядерных стран, на территории которых такого оружия нет. Уважать статут уже созданной и поощрять образования новых безъядерных зон в различных районах мира.

— Не допускать распространения ядерного оружия в любой форме; не передавать кому бы то ни было этого оружия или контроля над ним; не размещать его на территории стран, где его нет; не переносить гонку ядерных вооружений в новые сферы, включая космос.

— Шаг за шагом, на основе принципа одинаковой безопасности добиться сокращения ядерных вооружений вплоть до полной их ликвидации во всех разновидностях.

Это, конечно, нельзя назвать его личной программой. Это была программа, подготовленная соответствующими ведомствами и одобренная Политбюро. Но все бремя ответственности ложилось на Генерального секретаря. Нести это бремя ему пришлось, увы, весьма недолго.

Статистика в международной политике не говорит о многом, но она, безусловно, помогает понять, насколько широк круг проблем, насколько велик объем этой работы наших лидеров того времени. Вот некоторые сведения из моих записей о рабочем календаре Генсека. До конца 1984 года Черненко встречался с приезжавшими в Москву руководителями практически всех братских социалистических стран, а также компартий Греции, Португалии и Японии, с лидерами Эфиопии и Никарагуа, с главами государств или правительств Финляндии, Испании, Франции, Австрии, Сирии, ЮАР, Мальты, с Генеральным секретарем ООН, министром иностранных дел Великобритании, с общественными и политическими деятелями ряда стран; он дал несколько интервью советской и зарубежной печати, ответил на письма и послания известных на Западе противников гонки вооружений. И это — помимо повседневных, «обычных» занятий вопросами внешней политики, которые отнимают немалую часть

рабочего дня Генерального секретаря.

Конечно, многие заявления Черненко и его соратников того времени звучали явно декларативно. Но ведь значение тех или иных заявлений, деклараций нередко оценивается не само по себе, а с точки зрения того момента, когда они провозглашаются. Вспомним начало 1984 года. Обстановка внушала тогда обоснованную тревогу: гонка вооружений вступала в новую фазу. Вашингтон, а под его нажимом и многие американские партнеры по НАТО явно стремились не просто заморозить процессы разрядки, но и перечеркнуть их, взяв курс на жесткую конфронтацию с Советским Союзом. Вот почему мировая общественность с большим вниманием встретила публичное заявление нового Генерального секретаря, в котором он подчеркнул, что рассматривает восстановление атмосферы международного доверия как острую необходимость и хотел бы способствовать тому, чтобы привести в движение процесс разрядки.

В этом смысле большое значение имели переговоры Черненко с президентом Франции Миттераном в 1984 году. Их итоги показали, что существуют реальные возможности для расширения и углубления не только советско-французских экономических связей, научно-технических и культурных обменов, но внешнеполитического сотрудничества наших стран. Черненко в ходе переговоров откровенно сказал Франсуа Миттерану: «Советский Союз в том, что касается Франции, руководствуется не конъюнктурными соображениями, а тем, что сближает французский и советский народы». И Миттеран в свою очередь согласился с такой его позицией.

На протяжении всего 1984 года делались попытки восстановить деловые отношения, навести мосты со странами Запада, взяв за основу проблемы обуздания гонки вооружений. Весьма характерны в этом смысле были беседы К. У. Черненко с Г.-Й. Фогелем (СДПГ) и Н. Кинноком (лейбористская партия Великобритании). И в том

и в других случаях он старался убедить своих собеседников: как советско-западногерманские, так и советско-английские отношения нельзя рассматривать в отрыве от политики ФРГ и Великобритании в вопросах разоружения.

Постепенно эта линия на восстановление отношения взаимопонимания с ведущими странами Запада стала приносить свои плоды. До радикального перелома в развитии мировых событий было еще, конечно, далеко, но результаты визитов в Москву государственных деятелей Запада, их бесед с Черненко обнадеживали, показывали всем, кто хотел это видеть: такой перелом возможен, и Советский Союз делает все ради того, чтобы он стал реальностью.

Будем реально смотреть на вещи: Черненко как Генеральный секретарь ЦК, как глава государства не внес решительного поворота в ход внешней политики нашей страны. Просто не смог за такой короткий срок. Но его кредо было четким и ясным: он был одним из горячих приверженцев советской концепции мира, которую всегда отличал — и отличает сегодня — открытый характер. Она никогда не была ни жесткой, ни бескомпромиссной. Добиваясь радикального оздоровления международной атмосферы, выдвигая конкретные предложения, Черненко настойчиво доказывал, что Советский Союз не ставит ультиматумов, он вовсе не хочет сказать: или так — или никак. Напротив, мы заявляем о своей искренней готовности обсудить любые проекты и инициативы, внести в свои собственные предложения любые поправки и изменения при одном только совершенно оправданном и естественном условии, если наши партнеры также исходят из понимания необходимости упрочения всеобщего мира и безопасности, из решимости делом способствовать достижению этой цели.

ПРОЗАИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ ЩЕЛОКОВА,
ВНЕЗАПНЫЙ ВИЗИТ ЧУРБАНОВА...

Все началось при Андропове. Сначала возникло громкое дело о директоре «Елисеевского» магазина Соколове, потом проштрафилась фирма «Океан», потом пошло-поехало...

Но не только работники торговли оказались на прицеле у бдительного и зоркого КГБ СССР. В поле зрения попали и крупные партийные функционеры: первый секретарь Краснодарского крайкома Сергей Федорович Медунов и министр внутренних дел Николай Анисимович Щелоков.

Между собой эти два человека связаны не были. Знакомы, несомненно! Все же в одной аппаратной «связке» долгие годы проработали, но «общих» криминальных дел как будто не имели. Во всяком случае, мне об этом ничего не известно.

Букет содеянного ими был похож: там и там огромные финансовые средства, там и там коррупция, там и там неприкрытые хищения, нарушение правил о валютных операциях...

Поэтому, видимо, не случайно, что их персональные дела рассматривались на одном и том же заседании Пленума в июне 1983 года и по обоим кандидатурам принято решение: «Вывести из состава ЦК за допущенные ошибки в работе...»

Это был лишь первый шаг. Ведь нельзя же, в самом деле, было судить членов ЦК КПСС. Сперва их надо было снимать со всех постов, разжаловать и лишь потом судить...

Медуновско-щелоковская эпопея была известна еще со времен Брежнева. Об этих партийно-правительственных

«излишествах» своевременно докладывали Леониду Ильичу, но...

Еще раз позволю себе прибегнуть к свидетельству Владимира Медведева:

«...Сейчас говорят, что именно Андропов повел решительную борьбу с преступностью, коррупцией. Да, он — когда стал Генеральным секретарем. Но где же он был раньше? Вся информация находилась у него в руках. Неужели бороться с преступниками нужно лишь на посту главы государства? Кстати, вся информация о Щелокове, Чурбанове, Галине Брежневой также шла к нему, но он не решался довести ее до Брежнева.

Некоторые робкие попытки, впрочем, были.

В один прекрасный день я находился в кабинете Леонида Ильича, когда ему позвонил Андропов. Связь переключили с телефонной трубки на микрофон, все было слышно. Я поднялся, чтобы выйти из кабинета, но Леонид Ильич взмахом руки попросил остаться. Юрий Владимирович докладывал о Медунове. Говорил о том, что следственные органы располагают неопровержимыми сведениями, что партийный лидер Кубани злоупотребляет властью, в крае процветает коррупция.

Как обычно, Брежнев ждал конкретного предложения от собеседника.

— Что же делать?

— Возбуждать уголовное дело. Медунова арестовать и под суд, — предложил Андропов.

Брежнев, всегда соглашавшийся с Андроповым, на этот раз долго не отвечал, потом, тяжело вздохнув, сказал:

— Этого нельзя делать, Юра. Он — руководитель такой большой партийной организации, люди ему верили, шли за ним, а теперь мы его — под суд? У них и дела в крае пошли успешно... Мы одним недобросовестным человеком опоганим хороший край... Переведи его куда-нибудь на первый случай, а там посмотрим, что с ним делать...

— Куда его перевести, Леонид Ильич?

— Да куда-нибудь... Заместителем министра, что ли.

На этом разговор окончился. Брежнев был очень огорчен: Медунов — его ставленник — подвел. В том, что Андропов говорил правду, Брежнев не сомневался...

После этого Медунов, как видим, не выпал из обоймы руководителей и вполне успешно просуществовал до июньского пленума 1983 года. Много времени потребовалось Андропову, чтобы, уже находясь в должности Генерального секретаря и главы государства, самостоятельно принять решение — «вывести из состава ЦК». Но на этом дело изрядно застопорилось... Провинившихся увольняли, лишали регалий, проводили в отношении их следственные действия, но все как-то развивалось ни шатко ни валко.

Видимо, и Юрий Владимирович проповедовал лозунг, провозглашенный в свое время главным идеологом страны — Михаилом Андреевичем Сусловым: «Стабильность кадров — залог успеха!». А может, у него, сломленного тяжелым недугом, просто руки не доходили...

Сергей Федорович Медунов в судебном смысле не слишком сильно пострадал.

А вот с министром внутренних дел СССР Николаем Анисимовичем Щелоковым как раз перед этим самым пленумом пришлось разбираться Черненко. И сложность этой разборки, в частности, заключалась в том, что родной брат Константина Устиновича — Александр Устинович — ходил у Щелокова в подчинении, в то время он заведовал Управлением учебных заведений МВД СССР.

Естественно, сложившееся положение вещей — с проворовавшимся «начальником всей милиции» — создавало для Черненко немислимые морально-этические трудности... И если Брежнев не мог (или не хотел) наказывать Щелокова лишь по той причине, что когда-то давным-давно они вместе работали в Молдавии, то Черненко (тоже работавший со Щелоковым в Молдавии) дополнительно был отягощен родственной связью с системой МВД.

Но отношение Брежнева и Черненко к Щелокову, кажется, было куда сложнее... Однажды, когда вся страна с упоением вчитывалась в главы эпохальных произведений Брежнева «Малая Земля», «Возрождение», «Целина»,

«Молдавская весна», я задал неосторожный вопрос Константину Устиновичу:

— Не понимаю... Брежнев описывает молдавские годы, а про Щелокова ни слова. Отчего так случилось?

Черненко, тоже работавший в те годы в Молдавии вместе с Брежневым и Щелоковым и не только читавший указанные произведения Брежнева, но и принимавший самое активное участие в их публикации, внимательно посмотрел на меня и ушел от прямого ответа:

— Есть кое-какие обстоятельства...

На этом разговор и кончился. Прошло довольно много времени. Не месяцы — годы! И вот в один прекрасный день, незадолго до того самого июньского пленума, он неожиданно вызвал меня к себе:

— Ты, Виктор, интересуешься, вопросы задаешь... Вот, почитай! — он положил предо мной добрую дюжину скрепленных машинописных листов.

— Я могу взять их себе? — наивно осведомился я, полагая, что в кабинете ознакомлюсь с документом более обстоятельно.

— Здесь читай! — сказал Черненко, а сам, чтобы не мешать, вышел в комнату отдыха.

Это было заключение военной прокуратуры СССР, направленное в адрес ЦК КПСС.

В документе скрупулезно перечислялись все преступления министра внутренних дел: и то, что он «захапал» в личное пользование несколько служебных «мерседесов», и то, что не брезговал забирать к себе домой и на дачу, а также раздавать ближним родственникам арестованные милицией вещественные доказательства и конфискованные произведения искусства и антиквариата... Но и это далеко не все, о чем говорилось в этом документе. Помню, меня поразили два факта — это организация подпольного магазинчика «для своих», в котором реализовывались те арестованные вещи, которые не глянулись самому шефу «над всей милицией»; и то, что члены семьи Щелоковых были замечены в обмене в банках огромных сумм в потертых, захватанных, довольно ветхих рублях...

Я понял это так, что Щелоков и его семья не гнушались деньгами, которые следователи ОБХСС вытряхивали из чулок и закопанных в землю бидонов своих «криминогенных подопечных». Деньги, изъятые в «теневой экономике» у созревших раньше перестройки «цеховиков» и «рыночных воротил», менялись на новые, более крупные купюры, обращались в личный доход и без того не бедного министра. Как в пословице: «Вор у воров дубинку украл»...

Кем же был Щелоков накануне пленума? Генералом армии, но уже не на министерском посту, а в инспекторской группе Министерства обороны СССР. Эта инспекторская группа в шутку называлась «райской». Попад туда кто раньше, кто позже пенсии, генералы не обременялись никакими служебными обязанностями, а прикреплялись к различным благам — пайкам, денежному довольствию, специальному медицинскому обслуживанию... Из этого «рая» генералы обычно попадали в рай поднебесный.

Попал в этот «отстойник» и Щелоков. И жил безбедно до самого пленума. А тут следствие ан-дроповское продолжается, вопросы всякие неудобные задает, обыски грозит проводить...

Щелоков решается обратиться в ЦК!

А к кому?

Естественно, ко второму человеку в партии, знакомому с молдавских молодых времен, — Черненко.

Разговор в кабинете с глазу на глаз продолжался у них несколько часов. О чем они там говорили, я не знаю. Но выход Щелокова из кабинета Константина Устиновича вижу так отчетливо, как будто это было вчера. Столкнулись мы с ним в приемной нос к носу лишь потому, что Черненко решил показать мне его «живьем» и вызвал в кабинет тогда, когда тот еще не ушел.

Щелоков появился в дверях черненковского кабинета в привычном мундире. Он был весь увешан наградами. Медали и ордена тонко потренькивали при каждом его, как мне показалось, несколько неуверенном шаге. Лицо Щелокова, покрытое багровыми пятнами, все равно оставалось общего землисто-серого цвета.

Бывший министр, кажется, не замечал ничего и никого вокруг: он шел к двери по будто бы начерченной прямой

линии. Руки его дрожали...

— Вот, полюбуйся! — гневно воскликнул Черненко, как только я подошел к столу. — Он принес справку, что оплатил через банк два «мерседеса»... Этим он хочет сказать, что не надо рассматривать его вопрос на пленуме...

Черненко говорил с одышкой — его душила не столько астма, сколько гнев.

И этот гнев его можно было понять. Он многие годы знал Н. А. Щелокова не понаслышке. Видел его в работе и в Молдавии, и в МВД — энергичного, инициативного, умного и опытного организатора, умелого руководителя. Его большой личный вклад в укрепление МВД, повышение авторитета работников милиции несомненен и был высоко оценен. И вот такой позорный итог...

— Как он мог?.. — несколько раз повторил Черненко один и тот же вопрос, горько качая головой.

Похоже, Черненко решил поделиться со мной своей болью и досадой.

— Ладно, Виктор, иди... — ворчливо произнес Черненко и принялся за бумаги. — Работай...

Я пожал плечами и пошел к себе.

Через некоторое, весьма короткое время поступила информация о том, что в ожидании обыска, находясь в собственной шикарной квартире, Щелоков, облаченный в полный генеральский мундир, при орденах и медалях, в белой рубашке и брюках с широченными лампасами, — застрелился из имевшегося у него в наличии коллекционного дорогостоящего ружья «зауэр». На Черненко это известие не произвело никакого впечатления. Похоже, он давно мысленно вычеркнул этого человека из списка реально живущих на земле. После всего, что он успел натворить, безудержно пользуясь властью, Щелоков для него уже не существовал.

Однажды мне невольно пришлось напомнить Черненко (он тогда уже был Генеральным секретарем) об этой истории и вернуть его к воспоминаниям о давно почившем Щелокове. Связано это было с его первым замом...

С Юрием Михайловичем Чурбановым я познакомился тогда, когда он еще в самом отдаленном проекте не видел себя в качестве мужа Галины Брежневой и зятя Генсека. Это был красивый и статный комсомольский функционер: веселый, жизнерадостный, он любил выпить и посидеть в шумной компании. Тогда он приехал в Липецк в командировку по линии ЦК ВЛКСМ.

Потом мы с ним не виделись много лет. Даже по телефону не говорили ни разу. Хотя, похоже, он знал, где я работаю и на какой должности. Я его тоже не упускал из виду, но никакой служебной надобности в нем у меня не было, а стать друзьями за время его короткой командировки в Липецк мы не успели.

Представьте себе, каково было мое изумление, когда Чурбанов позвонил ко мне в кабинет и, как будто мы виделись лишь вчера, сказал:

— Привет, Виктор. Это Чурбанов...

— Здравствуй, Юра...

— Мы не могли бы встретиться?

— Приезжай. Какие разговоры...

— Я не хочу появляться на том этаже, где сидят генеральные...

— Я на шестом, а не на пятом нахожусь. Приезжай! Тут спокойно поговорим...

— Нет, давай лучше на нейтральной территории...

Тогда я предложил для встречи сквер перед Старой площадью. То место, где расположен — позади Политехнического музея — памятник героям Плевны. Чурбанов встретил меня сидя на лавочке. Первым протянул руку: «Привет!»

— Привет!

Одет он был в штатское. К тому времени Чурбанов уже не был первым замом. В. В. Фе-дорчук его резко понизил в должности, переведя в аппарат министерства.

— Федорчук жмет до предела... — не сказал, а выдохнул Чурбанов. — Копают, все копают... Сил никаких нет!

Я тактично молчал, а он все говорил и говорил — мы прошлись вдоль сквера, вниз и вверх. От памятника-часовни до входа в метро «Площадь Ногина» и обратно, потом еще раз.

— Ты скажи Константину Устиновичу, — попросил меня Чурбанов, — что ни в чем я не виноват... Этому Федорчуку все нейдет! Без году неделя на министерстве, а поди ж ты...

Доводов у Юрия Михайловича не было никаких, а просить надо было, опираясь на то, что Чурбанов для покойного Брежнева человек далеко не чужой — женат на его дочери. А Черненко и Брежнев были верными друзьями-товарищами. Ради доброй памяти о товарище...

«Должен, должен заступиться», — очевидно, полагал Юрий Михайлович.

Я в тот же день был в кабинете у шефа и обстоятельно, во всех подробностях рассказал Черненко об этой встрече. Константин Устинович не перебивал меня, выслушал от начала до конца. При этом взгляд его, совершенно серьезный, без малейшего следа улыбки был направлен прямо на меня. Мне трудно было понять, как он относится к моей «инициативе».

Когда я закончил рассказ, Черненко открыл лежащую на столе папку с документами и без упоминания о том, что услышанном сказал:

— Так, начинаем, Виктор, работать... Тут у нас вот на сегодня какие проблемы... — и ни одного слова о Чурбанове, как будто и не было этого долгого рассказа с моей стороны. А может, как всегда, он знал куда больше моего и не стал ставить меня в неудобное положение.

Чем эта история кончилась для Чурбанова, наверное, все помнят — долгие годы за тюремной решеткой.

Глава 12

СУЕТА ВОКРУГ ГЕНСЕКА!

4 декабря 1984 года.

Парикмахер Люба в который раз старалась уложить непослушную прядь черненковских волос, а Константину Устиновичу все казалось, что он выглядит не слишком представительно. В конце концов сошлись на том, что пора выходить к гостю...

Где-то в приемной его ждал человек, встречи с которым Черненко одновременно ждал и боялся. Он боялся его не потому, что тот был крупнейшим «воротилой» американского бизнеса и «угрожал гримасами капитализма» стране революции... Нет, нет, вовсе нет!

Он боялся его потому, что он в молодости походил на... актера Евгения Киндинова! Или наоборот — Киндинов походил на него в молодости... Так было в том самом Шатрове ко-мхатовском спектакле, где Александр Калягин — по роли Ленин — встречался с Киндиновым — Армандом Хаммером! Именно на этот спектакль когда-то Черненко отправлял меня в «идеологическую разведку».

Вот этого самого Хаммера, который в своей весьма отдаленной юности встречался с Лениным, Черненко и боялся. Боялся потому, что к нему впервые в жизни протянулась живая незримая ниточка от вождя мирового пролетариата, труды которого он многократно штудировал, прекрасно знал и, чего греха таить, боготворил.

«Господи, — весьма вероятно, думал в эти минуты Черненко, — сейчас я пожму ту самую руку, которую когда-то жал сам Владимир Ильич!»

Черненко в последний раз посмотрел на себя в зеркало, вздохнул и решительно взялся за ручку двери, ведущей из комнаты отдыха в собственный кабинет.

Доктор Арманд Хаммер, которому не было смысла лукавить перед американским читателем, так вспоминал впоследствии эту встречу:

«...Она была назначена на полдень. Я старался сосредоточиться в ожидании предстоящего разговора. Судьба предоставила мне возможность, которую я не должен был упустить. В течение десяти месяцев со дня смерти Андропова и после короткой встречи Черненко с вице-президентом Джорджем Бушем в день похорон ни один американец, кроме нескольких журналистов, не встречался с новым Генеральным секретарем. Да и их разговоры в основном состояли в зачитывании заранее подготовленных ответов на предварительно полученные вопросы. Сам Черненко не встречался с американцами со времен внушительной победы президента Рейгана на ноябрьских выборах.

В это время отношения между Америкой и СССР были хуже, чем когда-либо в течение шестидесяти пяти лет, с тех пор как я впервые приехал в Советскую Россию. Обе стороны называли друг друга «империей зла». Было необходимо снова начать диалог, без промедления провести встречу на высшем уровне в надежде, что при личном общении Черненко и Рейган проявят теплоту, которая поможет растопить лед в отношениях между нашими странами.

Начиная с Ленина и кончая Брежневым, мои встречи с главами Советского государства всегда проходили в кабинете Генерального секретаря в Кремле. Поэтому я рассматривал как оказанную мне честь тот факт, что Черненко решил встретиться со мной не в кремлевском кабинете, предназначенном для официальных приемов, а на своем рабочем месте.

Когда двери открылись, я с интересом окинул взглядом огромную комнату, в которой меня ожидал новый руководитель СССР. Один из самых влиятельных людей на Земле. Естественно, мне хотелось знать, правду ли говорят, что он больной человек. Он легко поднялся из-за стола,

стоявшего в другом конце комнаты, и пошел мне навстречу, улыбаясь и протягивая руку для теплого, уверенного и сильного рукопожатия. Его слегка порозовевшее от волнения лицо и уверенные манеры не имели ничего общего с бледной, немощной фигурой, которую нам показывали по телевизору...

Он похвалил мои усилия, «направленные на развитие сотрудничества», а затем сказал:

— Сегодня важнее всего найти практические пути предотвращения атомной катастрофы во всем мире. Я подчеркиваю — практические пути! В мире достаточно общих заверений о доброй воле... Чтобы действительно добиться разоружения, надо засучив рукава браться за дело и подготовить конкретные предложения.

Это прямо касалось меня: я привез с собой конкретные предложения.

Когда Черненко закончил читать свое заявление, он снял очки и отложил в сторону бумагу. Настала моя очередь:

— Господин Генеральный секретарь! В этом году в интервью в «Вашингтон пост» вы сказали, что СССР несколько раз призывал Вашингтон последовать его примеру и обещать, что не применит первым ядерное оружие. Если Вашингтон согласится дать вам такое обещание... готовы ли вы... также обещать не применять первыми ядерное оружие?

— Как вы знаете, — сказал Черненко после весьма продолжительной паузы, — мы сделали это предложение более двух лет назад... Я повторил его для «Вашингтон пост» и телекомпании «Эн-би-си». Однако каждый раз, как мы даем подобное обещание, мы получаем отрицательный ответ от американского президента...

Я прервал переводчика и заговорил по-русски:

— Господин Черненко! Естественно, Америка будет придерживаться такой позиции, ведь вы обладаете куда большими запасами обычных вооружений...

— Предположим, что было бы наоборот... — прервал он меня. — Предположим, США сказали бы нам: «Мы готовы!», а я бы ответил: «Нас это не устраивает», — представляете, какой шум бы поднялся во всем мире: «Вот, СССР первым хочет применить ядерное оружие...»

Теперь переводчик стал нам не нужен. Мы прекрасно понимали друг друга. Разговор перетек в непринужденное русло. Я почувствовал большую уверенность и заговорил свободнее. Я старался убедить Черненко как можно скорее встретиться с Рейганом и не допускать больше в отношениях между нашими странами никаких проволочек из-за пререканий по поводу количества вооружений.

Черненко слушал меня с большим вниманием, не прерывая и не возражая.

— Мне было бы интересно узнать реакцию президента Рейгана, — сказал он в конце беседы, и я воспринял это как знак того, что при правильной подготовке можно решить и эту очень сложную международную проблему...»

Описывая в своей книге эту встречу, произошедшую всего за несколько месяцев до смерти Генерального секретаря ЦК КПСС, Арманд Хаммер по-человечески тепло отзывался о Черненко. Но писал-то он эту книгу, отнюдь не движимый желанием угодить кому-нибудь или подсластить горькую пилюлю... Хаммер — американец! Они, как правило, не кривят душой перед читателями. Репутация дороже!

И еще: эта книга вышла много позже смерти Черненко, когда в России уже наступило время сноса памятников и бюстов, срыва со стен мемориальных досок...

Значит, сумел миллионер или миллиардер — точно не помню размеров его фантастических состояний — разглядеть в лидере СССР нечто такое, что проскочило мимо доморощенных политиков и журналистов.

Помню, как несколько дней Черненко находился под впечатлением от этой встречи. Он был до некоторой степени очарован Хаммером. Завидовал его бодрости и энергии — в куда более преклонные, нежели у него самого, годы.

Черненко никак не мог взять в толк: «Надо же, **с самим Лениным** виделся...»

Многие, наверное, помнят ходивший в начале 80-х годов анекдот об Арманде Хаммере:

Рано утром подходит к милиционеру на Красной площади незнакомый пожилой мужчина и просит пустить его в мавзолей. Милиционер отвечает: «Никак нельзя! Он открывается лишь в 10 часов...»

— Вы понимаете, — говорит мужчина, — я сегодня улетаю домой и очень хочу повидаться с Лениным.

— Никак нельзя, — возражает милиционер. — Категорически запрещено!

Тогда мужчина ему и говорит:

— Я Арманд Хаммер.

— Ну и что? — спрашивает милиционер. — Я, конечно, о вас слышал, но пропустить все одно никак не могу...

— Тогда вот! — говорит Хаммер, открывает бумажник и достает склеенный на сгибах ветхий листок бумаги.

Разворачивает его милиционер и читает:

«Мандат. Выдан товарищу Арманду Хаммеру в том, что он является другом первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян. Прошу пропустить его ко мне в любое время дня и ночи. Владимир Ульянов-Ленин».

Стушевался милиционер, начал за кнопки рации дергать, со своим руководством созваниваться. В общем, получил он команду:

— Невзирая на время, Хаммера к Ленину пропустить! Сам Владимир Ильич об этом распорядился. Никто отменять не вправе...

Самое интересное, что этот анекдот, или притча, на самом деле чрезвычайно достоверный и жизненный — зная отношение Черненко (а он лидер государства и Генеральный секретарь) к Хаммеру, я бы ничуть не удивился, если бы «американский товарищ и друг» в самом деле получил «добро» на посещение мавзолея в любое время дня и ночи.

К счастью, насколько я помню, Хаммер подобного прецедента на самом деле не создавал.

Иногда я вспоминаю, какие посетители рвались на прием к Генеральному секретарю. Сколько их было! По каким вопросам...

У Черненко была одна слабость — он не мог отказывать в просьбах, в том числе и личных. Он искренне считал, что если уж дошли до него, то это крайний шаг. Этот его «пунктик» знали и использовали многие. К нему прорывались через секретариат и помощников, через знакомых и знакомых их знакомых... Шли министры, первые секретари крайкомов и обкомов, председатели совминов республик, другой чиновный люд, и у всех была по сути дела одна просьба: протолкнуть вопрос, выбить резолюцию, сдвинуть с мертвой точки...

Шли художники — получить внеочередное «заслуженное или народное» звание.

Шли космонавты — «гражданские» хотели быть приравнены по льготам к «военным».

В кабинете и приемной Черненко всегда сидели посетители — ветераны, дети именитых людей (например, сын Валерия Чкалова Игорь), сами именитые люди (летчики Александр Беляков и Георгий Байдуков), все приходили решать свои вопросы, всем Черненко был нужен...

Самый именитый всех времен и народов писатель — Сергей Владимирович Михалков буквально зачастил в гости к Черненко. Вроде бы по делам Союза писателей, а на самом деле при каждой встрече обязательно проталкивал какой-нибудь свой личный вопросик. У Михалкова сложился свой «бюрократический» почерк: приходил он в ЦК КПСС с пухлым портфелем и начинал обходить секретарей, референтов и помощников. Вручал для их чад и домочадцев свои книги с именными дарственными автографами. Имея надежные «тылы» в общении с простыми сотрудниками ЦК, он с необычайной легкостью мог проникать в любые самые высокопоставленные кабинеты. Естественно, что все вопросы он решал чрезвычайно успешно...

Странно, но потом Сергей Владимирович очень быстро постарался отмежеваться от своего благодетеля. А Черненко помог ему многим...

Или другие посетители из мира искусства — кинорежиссер А. Наумов и его супруга — актриса Наталья Белохвостикова. У них в квартире взорвался цветной телевизор. Дочка, присутствовавшая при этом, к счастью,

физически не пострадала, но нервное потрясение было сильным.

Настолько сильным, что девочка после выздоровления боялась подходить к двери собственной квартиры.

Надо было менять жилье! Но как? Это же Москва — не Париж, не Лондон, не Нью-Йорк! Это там можно купить новую квартиру или снять на время какую другую...

Черненко позвонил в Моссовет Промыслову:

— Здравствуй, Владимир Федорович... Тут, понимаешь, какая история... У наших замечательных киношников — режиссера Наумова и актрисы Белохвостиковой дома несчастье произошло... Надо бы им помочь с новой квартирой!

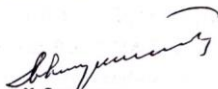
Вопрос, конечно, был решен положительно.

Или вот такой случай.

Известный советский скульптор Лев Кербель (автор крупных монументальных работ, в том числе памятника Карлу Марксу в центре Москвы, будущий автор скульптурных портретов К. У. Черненко на родине Героя и на могиле у Кремлевской стены) как-то пожаловался Константину Устиновичу на состояние здоровья и попросил помочь с прикреплением к Первой поликлинике («Кремлевке»). Черненко в разговоре со мной высказал удивление — почему народный художник СССР, академик не обслуживается этой поликлиникой, и поручил мне восстановить истину. Как выяснилось, и этого даже не знал Черненко, что люди такого высокого ранга и звания, как Кербель, не обслуживались спец- поликлиникой. Для этого надо было непременно входить в номенклатуру. Если бы Кербель, положим, был президентом или вице-президентом Академии художеств — тогда пожалуйста. А вот «простой» академик и народный художник — нет. Инструктор ЦК, референт Совмина входят в эту номенклатуру, а Кербель — нет. Пришлось Черненко писать записку М. С. Смиртюкову — управляющему делами Совмина, председателю «комиссии по контингентам». И только после того, как комиссия рассмотрела просьбу Черненко, Смиртюков прислал ему ответ о том, что действительный член Академии художеств СССР, скульптор Л. Е. Кербель был прикреплен

М. Прибыткову
 К. Черненко
 П. В. Смиртюкову
 К. У. Черненко
 К. У. Черненко

В связи с Вашей запиской докладываю, что Комиссия по кон-
 тингентам приняла 26 июля с.г. решение о прикреплении к Первой
 поликлинике действительного члена Академии художеств СССР,
 народного художника СССР, скульптора т. Кербеля Л.Е.

 М. Смиртюков

"29" июля 1962 г.

УД-178

к Первой поликлинике. На ответе Смиртюкова Черненко
 написал мне примечательную резолюцию: «Прибыткову
 В. В. Сообщите Кербелю. Пусть он подумает, что все
 решилось само собой. К. Черненко».

Среди просителей был и внук И. В. Сталина Евгений
 Джугашвили. Сын Якова Джугашвили Евгений Яковлевич
 — в то время полковник-инженер, кандидат исторических
 наук, доцент — преподавал в Академии бронетанковых
 войск. Он просил К. У. Черненко дать ему возможность
 преподавать в Академии Генерального штаба, которую в

свое время закончил. Эта просьба, направленная Черненко маршалу Н. В. Огаркову — начальнику Генштаба, вскоре была удовлетворена.

Привожу текст этого заявления:

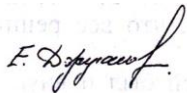
Глубокоуважаемый Константин Устинович!

К Вам обращается внук И. В. Сталина Джугашвили Евгений Яковлевич. Мой отец Яков Иосифович погиб в плену во время Великой Отечественной войны. Несколько лет тому назад был посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени.

В 1975 году после моего обращения к товарищу Л. И. Брежневу я был зачислен на учебу в Академию Генерального Штаба. Этим вопросом занимался Министр обороны товарищ Д. Ф. Устинов. Успешно окончив военно-историческое отделение Академии Генерального Штаба, я был направлен в Академию бронетанковых войск им. Р. Я. Малиновского. Военно-исторической и педагогической деятельностью занимаюсь с 1973 года.

Глубокоуважаемый Константин Устинович, с огромным волнением я осмелился побеспокоить Вас, чтобы попросить дать мне возможность продолжить свою военно-научную и педагогическую деятельность на более высоком оперативно-стратегическом уровне, что возможно сделать в Академии Генерального Штаба на кафедре «Истории военного искусства».

С глубоким уважением к Вам, старший преподаватель кафедры истории военного искусства академии БТВ кандидат исторических наук, доцент полковник-инженер

Е. Джугашвили

«1» сентября 1982 года

Но вернемся к Черненко. Казалось бы — Генсек на посту, работает, принимает посетителей, значит, все в

норме! Не тут-то было, ведь в то самое время вокруг «трона» идет немислимая кутерьма, борьба за власть.

Не нужно быть особым провидцем, чтобы понять: Черненко медленно, но верно угасает. Если Хаммер его видит энергичным и порозовевшим, то это скорее усилия врачей, а не какие-то скрытые резервы организма. Если Генсек принимает «доктора-капиталиста» в кабинете, а не в Кремле, значит, туда ему добраться во сто крат тяжелее...

Снова обращаюсь к свидетельствам Владимира Медведева. В это самое время он после смерти Брежнева получил новый, несоответственно малый пост — охранника супруги одного из секретарей ЦК. Этим секретарем был Горбачев!

Во время поездки в Болгарию (сентябрь 1984 года) «у нее была своя связь с Михаилом Сергеевичем, тем не менее она спрашивала меня каждое утро:

— Какая информация из Москвы?

Она старалась выяснить новости по моим каналам, как будто чего-то ждала. Чего? Можно было лишь догадываться: тогдашний Генеральный секретарь ЦК КПСС Черненко был неизлечимо болен...

— Все в порядке, все нормально. Ничего чрезвычайного, — отвечал я...

Последнее солнечное утро застало нас в Варне, отсюда мы должны были лететь в Софию: прибывал Горбачев. Снова, как всегда:

— Какая информация из Москвы?

Мои догадки подтвердились. В самолете в этот последний совместный наш с нею перелет Раиса Максимовна интересовалась подробностями моей службы у Брежнева, расспрашивала, как была организована охрана, кто подбирал обслугу, каков был состав обслуживающего персонала — повара, официанты, уборщицы, парковые рабочие... кто еще? Расспрашивала о структуре и взаимоотношениях охраны и обслуги.

— Возможно, к этому разговору мы еще со временем вернемся, — сказала она и подвела итог поездки: — Все у нас прошло вроде нормально, все хорошо.

Тайное стало явным. Черненко был еще жив, и жить ему оставалось полгода, а Раиса Максимовна уже готовилась

стать «первой леди» страны».

Да, готовилась! Готовилась столь интенсивно, что хочешь не хочешь, а подозрения усиливаются. В одну цепочку выстраиваются: копченая ставрида, рекомендация высокогорного курорта «а-ля Чазов и Горбачев», нетерпеливые ожидания чего-то «а-ля Раиса Максимовна» и непонятная, необъяснимая, скоропалительная, быстротечная смерть маршала Устинова!

Устинов, если бы смерть Черненко произошла раньше, вне всякого сомнения, твердо и прочно стал бы новым Генсеком! Но Устинов умер в кремлевско-чазовском «люксе» не только раньше Константина Устиновича, но и странно скоростижно.

Привезли его в ЦКБ в очень тяжелом состоянии. Черненко, как только представилась такая возможность — а он в это самое время был также частым гостем больницы, — навестил друга. Устинов лежал на кровати и спокойным взглядом смотрел на Генсека. Самое удивительное, что «лежачий» больной утешал «стоячего»:

— Держись, Костя! Твоя болезнь обязательно отступит. Нам не пристало сдаваться...

— Ты-то как сам?

— Долго здесь лежать не собираюсь. Через несколько дней оклемаюсь и на службу! Работы неуправляемо...

Дмитрий Федорович Устинов — маршал, член Политбюро — был для Черненко личностью высочайшего авторитета. Он гордился дружбой с ним, доверительностью отношений. Блестящий организатор, Устинов в свои неполные 33 года в 1941 году стал наркомом вооружений. Именно на его долю выпала беспрецедентная по своему масштабу акция по переводу советской военной промышленности с запада на восток. Эвакуированные заводы в кратчайшие сроки наладили свое производство, обеспечив тем самым перевес в военной технике над Германией, на которую тогда работала вся Европа, и перелом в ходе всей Второй мировой войны.

Через несколько дней, сразу после злополучной операции Устинов умирает. Генсек лишился последней опоры. Для Черненко это был сильный удар, от которого он не оправится до самого своего последнего дня.

— Я этого не ожидал от Дмитрия Федоровича, — с горечью признается он в день похорон, когда врачи не отпустили Черненко на траурную церемонию (ему по состоянию здоровья находиться долгое время на морозе было абсолютно противопоказано).

Без преувеличения можно сказать, что каждый прожитый день последних трех месяцев жизни Генсека Черненко был для него мучительным. Он понимал безысходность своего положения. Неоднократно приходила мысль об отставке. Об одном таком эпизоде писал в своих мемуарах А. А. Громыко. Приведу здесь отрывок из его книги «Памятное».

«К. У. Черненко, — пишет А. А. Громыко, — я знал на протяжении двадцати лет. Заслуживает, вероятно, внимания такой факт. Дня за три до кончины, почувствовав себя плохо, он позвонил мне:

— Андрей Андреевич, чувствую себя плохо... Вот и думаю, не следует ли мне самому подать в отставку?.. Советуюсь с тобой...

Замолчал, ожидая ответа. Мой ответ был кратким, но определенным:

— Не будет ли это форсированием событий, не отвечающим объективному положению? Ведь, насколько я знаю, врачи не настроены так пессимистично.

— Значит, не спешить?..

— Да! Спешить не надо, это было бы неоправданно, — ответил я. Мне показалось, что он был определенно доволен моей реакцией».

Откровенно говоря, у меня содержание этого разговора вызывает горькое чувство. Каковыми же могли быть отношения между этими людьми — соратниками по Политбюро? Лидер партии обращается со своими сокровенными мыслями, хочет держать наверняка последний доверительный совет, а в ответ получает протокольное назидание.

Из шестерки «великих» осталось двое — стоявший одной ногой у последней черты Черненко и министр иностранных дел Громыко. Хотя и тому жизни оставалось на полторы дюжины месяцев.

После смерти К. У. Черненко на очередном «похоронном пленуме» Андрей Андреевич успел собственноручно передать власть Михаилу Сергеевичу Горбачеву.

И в заключение еще один штрих к портрету К. У. Черненко. В последние годы жизни Брежнева в стране расцвела эпидемия застолий и угощений начальства, подношений руководителям подарков, сувениров, так называемых «праздничных наборов» и т. п. С проблемами подобного рода сталкивались и в аппарате ЦК.

Мне, как помощнику секретаря ЦК, перед праздниками были звонки от некоторых местных руководителей, из постпредств республик в Москве с настойчивыми просьбами содействовать в передаче Черненко и его семье каких-то посылок с сувенирами.

Однажды я по неопытности решил откликнуться на один такой звонок. Поехал на вокзал к южному поезду, получил из вагона-ресторана ящик, а потом только подумал — а что же с ним делать? Позвонил охране. Ребята посоветовали переговорить с Анной Дмитриевной. Звоню Анне Дмитриевне, чувствую, она озабочена и говорит: «Виктор Васильевич, только ради бога не говорите Константину Устиновичу. А я постараюсь как-то уладить это дело». Уладила она его просто: охрана получила к празднику в подарок коньяк и вино, что были в ящике. И все же звонки мне продолжались. Я решил доложить об этом Константину Устиновичу. Он хмурился, чувствовалось, что разговор на эту тему ему неприятен. Сказал, что если такие звонки еще будут, то пусть звонят ему. Как я понял потом, самому Черненко звонить никто не отважился. Таким образом, Черненко оградил меня от перспективы быть втянутым в исполнение малоприятных обязанностей, и я искренне благодарен ему за это.

В то же время мне известно немало случаев, когда и Константину Устиновичу, и Анне Дмитриевне приходилось буквально отбиваться от тех, кто стремился всеми

средствами «облагодетельствовать» их своим вниманием. Мне бы не хотелось особенно распространяться на эту тему.

Я только позволю себе прибегнуть к свидетельству человека, которому в гораздо большей степени были известны корни и существо этой проблемы. Я имею в виду Егора Кузьмича Лигачева. Вот что он пишет в своих воспоминаниях: «Особо обязан сказать о том, что Черненко, который был необычайно близок к Брежневу и обладал в ту пору колоссальным влиянием, умудрился не запачкать свое имя коррупцией. Вокруг Брежнева фактов злоупотреблений было немало, а Черненко возможности имел на этот счет немыслимые, он мог грести не только пригоршнями, но и ворохами. Только мигни, только намекни — и его завалили бы «сувенирами», отблагодарили бы превелико за помощь. Но Константин Устинович был человеком весьма скромным в быту и житейских делах. Я, честно говоря, даже удивляюсь, как он сумел, находясь под сильнейшим давлением любителей делать подарки, не только устоять против соблазна, но и сохранять свое влияние: коррумпированной среде свойственно отторжение чужаков. Потому-то я и использовал слово «умудрился». Чтобы не оказаться втянутым в злоупотребления, Константину Устиновичу действительно надо было проявить твердость».

И все же... Совершенно обоснованно возникает вопрос: почему же четко налаженная «хранителем партии» Черненко система функционирования партийного аппарата смогла допустить такие непоправимые сбои, которые привели к самому трагичному — ликвидации правящей партии, развалу государства? Ответов разнообразных на этот вопрос много. Однозначного нет. В будущем история на него ответит несомненно. Выражая сугубо личное мнение, я бы сказал так: при строгости и четкости системы работы партийного аппарата у нее, этой системы, было серьезное уязвимое место. И суть его заключалась в том, что у партийного руководства и у Черненко в том числе была стопроцентная уверенность в незыблемости и неуязвимости этой системы. Никто из высшего руководства,

да и не только высшего, в тех условиях не мог даже предположить, что в недрах самого ЦК зреет предательская «пятая колонна». И уже совсем было невероятным, что эту «пятую колонну» может возглавить сам Генсек Горбачев. Но случилось именно так. И вылилось это в сокрушительное поражение.

Глава 13

МЫ И БЫЛИ, И ЕСТЬ, МЫ И БУДЕМ...

Вот, пожалуй, и все, о чем мне хотелось бы рассказать в этой небольшой книге. К чему писать большую? Люди сейчас все больше заняты делами меркантильными — добыванием денег, например, и у них очень плохо обстоят дела с наличием свободного времени.

Детектив, возьми его в руки на ночь глядя, и тот из рук валится. А тут книжка про политику, да еще с картинками «из прошлого». Если она не пролистается за три перегона в вагоне метро, между короткой дачной поездкой в электричке или в салоне автобуса, то и покупать ее не стоит...

Не мне об этом судить, дорогие читатели. Я попытался честно рассказать о том, что знал сам, но знал я не так уж и много — на большой фолиант бы не хватило. К тому же его не имело смысла писать после того, как о своих наблюдениях поведали почти все из бывшего цеховского круга: Чазов — изложил свою «версию»; Медведев — написал наиболее честно; Андрей Грачев — рассказал о своем видении; Горбачев — порядочно навспоминал, как он сделал «перестройку», даже не одну, а несколько; Ельцин про эти же самые времена, но со «своей колокольни», прописал многократно...

Что ж осталось мне? Подобрать те крохи, которые остались после них? Но после них осталось достаточно много, хотя бы потому, что большинство из них не писали правды, максимально старались приукрасить происходившее, спрятаться за удобным вымыслом...

Для меня этот путь показался неприемлемым. Последним толчком, чтобы взяться за перо и погрузиться в

эту, не свойственную мне «литературную работу», стали многочисленные публикации в газетах. Лихие журналисты весьма «борзо» судили о тех, кто долгие годы стоял у власти, это была месть плебеев к почившим патрициям (сколько ласковых и льстивых слов про вождей написано ими на газетных страницах ранее):

«В разное время года и суток одна и та же картина: ни людей, ни живого цветочка у постамента. Лишь породистый фокстерьер или болонка, коих прогуливается здесь бессчетное количество, на секунду приостановится у гранитного угла памятника...»

Это строки из красноярской газеты, с родины Черненко.

«Теперь вместо памятной доски Черненко на фасаде дома по Большой Бронной, дом 19, торчат одни лишь ржавые штыри...» Это из московской газеты — города, где Черненко прожил долгие годы.

Не знаю, может, это признак «цивилизованного» общества — обгадить могилу (или память) неугодного вождя?..

Вот на такой грустной ноте я и заканчиваю свою книгу об АППАРАТЕ.

Аппарат... Он ведь существует всегда. Он вечен — без него не проживет ни одно государство, ни одно общество. Изменяется он крайне медленно, а основополагающие его опоры и сам остов остаются во многом неизменными. Всюду есть бюрократы, всюду есть номенклатура, всюду есть люди, «водящие преимущественно перышком»...

Я — один из них!

Сегодня в новой России расплодилось великое множество аппаратов, аппаратиков и аппаратищ! Бывают они государственные и частные, коммерческие и благотворительные, гражданские и военные... Всеякие!

Но есть в них одна черта — они похожи друг на друга. Чем? Хотя бы тем, что в большинстве из них работают хорошо всем известные люди — мои бывшие коллеги, — прошедшие школу той АППАРАТНОЙ работы, которая закладывалась во все советское послевоенное время, на самом верху которой долгое время стоял самый главный «бюрократ» страны — Константин Устинович Черненко.

Так и хочется обратиться к ним:

— Здравствуйте, ребята! Начался новый трудовой день, и вы уже трудитесь вовсю! Все как один с раннего утра и до позднего вечера корпите над бумагами! Работаете! Вприпрыжку несетесь с зажатыми под мышкой папками по коридорам! Сталкиваетесь локтями возле лифта! Даете новые задания машинисткам и компьютерщикам...

В фильме «Забытая мелодия для флейты» есть любопытные стихи:

Наливался тучами закат:
Перестройку начали с рассветом.
Не по делу снятый бюрократ Со своим
прощался кабинетом.
— Ты прощай, мой светлый кабинет,
Ты прощай, ковровая дорожка,
Дай в карельском кресле напослед
Посижу хотя б еще немножко!
Пусть в последний раз в мой строгий взгляд Ясный
свет прольется из плафонов.
Пусть по мне прощально прозвонят Все мои
пятнадцать телефонов...

Только поэт изрядно ошибся: никто ни с кем не простился и не собирается прощаться потому, что:

АППАРАТ ЖИЛ! АППАРАТ ЖИВ!
АППАРАТ БУДЕТ ЖИТЬ!..

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Название книги «Аппарат» в определенной мере условное. Содержание книги, как, видимо, понял читатель, лишь приоткрывает некоторые стороны деятельности сложного механизма управления государством — его аппарата (в том числе и в первую очередь аппарата правящей партии). Основное же действующее лицо книги — Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Константин Устинович Черненко. Он стал шестым по счету высшим руководителем партии и Советского государства. Лично для него это был короткий, полный драматизма период жизни! Поэтому к названию книги добавлен подзаголовок: «390 дней и вся жизнь Генсека Черненко».

Что же касается темы «Аппарат», то это большая, серьезная и самостоятельная проблема, заслуживающая глубокого исследования и публикации материала солидного объема. Хотя автор данного издания не ставил перед собой задачу широкомасштабного исследования проблемы аппарата управления государством, эта тема его постоянно интересовала и не перестает интересовать сегодня.

В самом деле — в стране сменился общественный строй, положен конец, как утверждают нынешние государственные деятели и «независимые» СМИ, «мрачному периоду тоталитаризма», Россия стремится к прочному обоснованию в цивилизованном, демократичном сообществе с прозрачными границами и безграничными свободами. А что аппарат? Вот уже и демократические СМИ вовсю трубят о катастрофическом росте

бюрократического аппарата, его засилье и хаотичном, бесконтрольном функционировании во всех сферах жизни общества. В публикациях — разные цифры количественного состава нынешнего аппарата. Из отчетов Госкомстата, естественно, ничего путного понять невозможно. Но многие журналисты сходятся в одном: сегодня создан самый огромный бюрократический аппарат за всю историю России. Утверждается даже то, что нынешний аппарат управления вдвое превышает численность чиновников при советской власти, не забывая при этом сказать, что тогда был огромный СССР, а не Россия в теперешних, урезанных границах. Но даже без уточненных статистических данных предельно ясно, что на глазах у простых смертных разрастается, разбухает чиновничий аппарат — казначейства, налоговые инспекции, налоговая полиция, новые и невиданные ранее подразделения правоохранительных органов с их структурами в центре и на местах, бесчисленное количество всевозможных фондов, при которых кормится чиновничья армия, и так далее, и так далее. Теперь практически каждая республика, край, область имеют свои представительства в столице. Во многих случаях это чуть ли не посольства с дорогостоящими офисами, многочисленным штатом чиновников. А кто-нибудь подсчитывает несметное количество охранных структур, охранников и телохранителей, расплодившихся на российских просторах и вооруженных самым современным стрелковым оружием? А ведь это тоже аппарат, да еще какой, способный в одночасье превратиться в мощный аппарат подавления! Но дело в конце концов даже не в количестве чиновничьего корпуса. Ведь исторически сложилось, что слабеющее государство всегда стремится сохранить себя за счет роста и укрепления управленческого аппарата. Главное все-таки в другом — какую цель преследует разрастающийся аппарат управления. И сегодня можно сказать определенно, даже не опираясь на глубокие аналитические данные, что нынешний, еще в основе своей ельцинский аппарат имеет огромную силу и сосредоточил свое главное внимание отнюдь не на интересах народа, государства или воплощении в жизнь главенствующей идеи, а больше занят

своими сугубо аппаратными интересами, борьбой за сохранение и расширение своих привилегий. Нынешние, так называемые «свободные, демократические, независимые» СМИ не переставая долбят о баснословных привилегиях советского аппарата, бывшей партийной элиты. Да, были определенные привилегии для весьма ограниченного круга партийных и государственных работников. Знаю это доподлинно, сам пользовался. В аппарате ЦК КПСС, например, этот круг ограничивался секретарями ЦК, заведующими отделами, их заместителями, заведующими секторами, а также помощниками секретарей ЦК. Это в пределах 250—300 человек из всего аппарата. Право вызова или закрепление автомобиля, выделение государственной дачи, пользование столовой «лечебного питания» по льготным ценам, а также специальной поликлиники. Вот и все. И только на время работы в соответствующей должности. Сменил место работы, ушел на пенсию — конец льготам.

Но хочу сказать совершенно определенно, что льготы, которыми пользуется широкий круг нынешних госчиновников, и во сне не привиделись бывшим партаппаратчикам. Нет смысла приводить сравнительные данные. Приведу один факт. В тех же «независимых» СМИ опубликованы результаты проверки Счетной палаты Российской Федерации деятельности МПС, перечисляется масса серьезных финансовых нарушений. В частности указывается, что министр за счет средств министерства (то есть за счет денег налогоплательщиков) приобрел для трех своих заместителей в центре Москвы элитные квартиры стоимостью 600—800 тыс. долларов каждая. Кто-нибудь может припомнить такие баснословные привилегии? Теперь же министр-монополист без оглядки может транжирить миллиарды и в то же время несколько раз в году повышать тарифы на грузовые и пассажирские перевозки. Говорят, делами МПС всерьез занялась Генпрокуратура. Дай-то бог «нашему теляти да волка съесть».

Потрясающие примеры коррумпированности чиновников, причем высочайшего ранга, процветающее взяточничество, возведенное в узаконенное действо, о котором ежедневно трубят те же «демократические» СМИ,

— убедительное тому подтверждение. И это весьма опасно для формирующегося государства, лидеры которого постоянно подчеркивают о стремлении к «цивилизованному», «правовому» государству, к «диктатуре закона» и т.д.

Государственным лидерам, если они всерьез намерены укреплять государственный механизм, было бы полезно основательно изучить практику советского строительства, в том числе и работу государственного аппарата того периода. И совсем нелишнее было бы обратиться к ленинскому наследию в государственном строительстве, в организации работы аппарата управления.

В. И. Ленин теоретически обосновал и создал практически модель управления Советским государством, определил принципы деятельности государственного аппарата, которые, хотелось бы кому-то или не хотелось, объективно, в разной степени устойчиво живучи и сегодня. Ведь ленинская модель — это не слепок с каких-то европейских или американских структур, это явление уникальное, российское.

Ленин, понимая решающую роль аппарата управления в становлении, укреплении и успешном функционировании государства, уделял этим вопросам предельное внимание. С первых шагов Советского государства Ленин предупреждал соратников-большевиков о том, что «без аппарата мы погибнем, а плохой аппарат нас погубит наверняка». Ленин сам «лепил» новый аппарат, ставил на практические рельсы каждое направление его работы. Его подход к организации практического дела после того, как решение принято, был всегда напористым, решительным, конкретным, деловым. Вот пример. После того как в декабре 1921 года партийная конференция и IX съезд Советов одобрили линию на новую экономическую политику (нэп), Ленин писал в проекте директивы Политбюро по этому вопросу: «Всекие общие рассуждения, теоретизирования и словопрения на тему о новой экономической политике надо отнести в дискуссионные клубы, частью в прессу. Из Совнаркома, Совета Труда и Оборона и всех хозяйственных органов изгнать все подобное беспощадно... От всех наркомов Политбюро требует безусловно максимума быстроты,

энергии, устранения бюрократизма и волокиты в практическом исполнении новой экономической политики...»¹

Здесь я приведу еще одно высказывание В. И. Ленина, на которое неоднократно ссылался в своих работах К. У. Черненко. Оно было адресовано заместителю Председателя Совнаркома Н. Д. Цюрупе 27 февраля 1922 года в стиле беспощадного инструктивного указания руководству Совнаркома: «Недоверие к декретам, к учреждениям, к «реорганизациям» и к сановникам, особенно из коммунистов; борьба с тиной бюрократизма и волокиты проверкой людей и проверкой фактической работы; беспощадное изгнание лишних чиновников, сокращение штатов, смещение коммунистов, не учащих делу управления всерьез, — такова должна быть линия Наркомов и СНКома, его председателя и замов»².

И еще. В своей самой последней статье «Лучше меньше, да лучше» В. И. Ленин сокрушался: «Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны, что мы должны сначала подумать вплотную, каким образом бороться с недостатками его, памятуя, что эти недостатки коренятся в прошлом, которое хотя и перевернуто, но не изжито, не отошло в стадию ушедшей в далекое прошлое культуры...»³

Приведенные здесь высказывания В. И. Ленина по вопросам управленческой деятельности гос-аппарата — это лишь ничтожно малая толика из богатейшего ленинского наследия, неувядаемого и теперь, увы, не востребованного «демократическими» всезнайками (бывшими завлабами, младшими научными сотрудниками, кабинетными аналитиками и т.д.). Если не хотите окончательного развала российского государства, самоистребления и самопожирания разрастающегося, как на дрожжах, чиновничьего монстра, обратитесь к Ленину.

Кстати сказать, Константин Устинович Черненко,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 356—357.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 364—370.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 390.

которого «демократические» СМИ до сих пор упорно стремятся показать ординарным партийным чиновником, «носителем бумажек», случайно попавшим на пост Генсека правящей партии и руководителя государства, основываясь на ленинском наследии, внес достойный вклад в развитие теории и практики работы аппарата управления.

Более десятка его статей в разное время было опубликовано в журналах «Коммунист», «Партийная жизнь», «Вопросы истории КПСС» и других печатных органах. В 1982 году был опубликован его фундаментальный труд «Вопросы работы партийного и государственного аппарата». Эта книга была встречена с большим интересом не только аппаратчиками-профессионалами, но и довольно широким кругом общественности. Затем она была изъята из библиотек и книжных магазинов. Теперь ее вряд ли где можно найти. И напрасно.

Пишу об этом потому, что убежден: настало время написать более обстоятельную и фундаментальную книгу о работе аппарата, о тех людях, кто стоял у истоков создания, становления и творческого развития отечественного государственного аппарата, призванного служить в первую очередь укреплению и процветанию Российской державы (это касается периода до октября 1917 года, истории советского периода, а также современности). В необходимости такого фундаментального исследования я еще раз утвердился, с интересом прочитав книгу моего коллеги по работе в ЦК КПСС у К. У. Черненко В. А. Печенева¹ «Владимир Путин — последний шанс

¹ Вадим Алексеевич Печенев — доктор философии, профессор. Работал руководителем группы консультантов отдела пропаганды ЦК КПСС (при Брежневе и Андропове), помощником Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко, руководителем Главного программно-аналитического управления администрации Президента РФ (при Ельцине), первым замом министра национальной политики России (в правительстве Примакова, Степашина, Путина). Автор многочисленных статей и книг.

России?», вышедшую недавно в издательстве «ИНФРА-М». На мой взгляд, книга, несомненно, вызвала интерес у широкого круга читателей. Я солидарен с автором в оценке становления и деятельности государственного аппарата советского периода, заложенного еще первым Председателем Совнаркома В. И. Лениным, который укреплялся и совершенствовался в дальнейшем его соратниками и последователями. С согласия автора привожу здесь высказывание из книги В. А. Печенева: «Но было бы нелепо не признавать, что созданный за десятилетия существования советской власти *госаппарат* («во главе» с партией или «внутри» с партией) *сыграл решающую организационную мобилизующую роль* и в победе над фашистской Германией, обеспечив перед войной ускоренную индустриализацию с оборонным уклоном малограмотной крестьянской страны, и в создании ракетно-ядерного оружия, и в форсированном восстановлении почти полностью разрушенных европейских городов страны, и в создании неплохой, как выяснилось, системы образования для основной массы населения». Возникает, может быть, риторический вопрос: в чем же была магическая сила советского государственного аппарата, чтобы совершить такие гигантские дела? Разве можно было все это одолеть под страхом репрессий «тоталитарного режима»? Такой бред могут «соорудить» только современные «независимые» СМИ.

Феномен советского государственного аппарата — в беззаветной преданности подавляющего большинства его корпуса идее социализма, партийному долгу, высокой ответственности перед народом. И это не высокопарные слова. В этом была суть работы. Иначе бы не было второй в мире сверхдержавы, каковым был СССР. Это — сущая правда, которую не могли отрицать ни Черчилль, ни Рузвельт, ни де Голль. Таким аппаратом надо гордиться, ему надо подражать, на него надо ориентироваться, чтобы не скатиться окончательно в коррумпированную чиновничью «братву», для которой даже страна проживания стала «этой страной».

Советский государственный аппарат выдвинул руководителей-подвижников. Руководителей-самородков. Талантливых организаторов. Сочетавших в себе высокий профессионализм с беззаветной преданностью государственному строю, выдвинувшему их на высокие управленческие посты. Аппаратом управления, без преувеличения, руководили не «должностные лица», а личности. Можно ли оспорить выдающийся вклад в укрепление индустриальной и оборонной мощи Советского государства «сталинских наркомов» Устинова, Косыгина, Ломако, Засядько, Байбакова, Шакурина, Тевосяна, Хруничева и целого ряда других выдающихся организаторов? Ведь они не появились откуда-то извне, из каких-то забугорных «управленческих школ». Их породила советская власть, советская система. Она дала им образование, заметила и развила организаторские способности, предоставила поле деятельности. Благодаря выдающимся личностям советский партийный и государственный аппарат работал умело и высококвалифицированно. Были ли издержки? Да, были, и немалые. На то он и государственный аппарат. Функции его неизбежны — управление, охрана суверенитета, а в ряде случаев и принуждение, и подавление...

Систему работы советского партийного и государственного аппарата начал интенсивно разваливать Горбачев. Смело, безоглядно и с каким-то остервенением продолжил эту черную работу Президент Ельцин со своим бездарным, а то и явно ангажированным забугорными советниками и консультантами окружением. И добились своего. Аппарат развалили до основания. А затем? На его развалинах создавались карикатурные, вызывающие лишь недоумение у здравомыслящих людей структуры. В процессе формирования нового «демократического» аппарата управления просматривались две принципиально существенные линии: бессистемность и бесконтрольность. Без этих «показателей» подлинного аппарата управления нет. Есть только бесформенная чиновничья масса. По-другому и не могло быть в то время, когда по России прокатилось ельцинское крылатое обращение к субъектам Федерации: «Берите суверенитета столько, сколько

проглотите», когда рухнула вертикаль управления, когда появились безликие, бесправные министерства, а самое главное — безликие и бездарные руководители, упивающиеся лишь разрушительной фанатерией и амбициозностью. В республиках, краях и областях наряду с законодательными собраниями (думами) стали создаваться правительства со своими премьерами и вице-премьерами, министрами и баснословно выросшим аппаратом, численность которого теперь ни от кого не зависела — решают все на местах. Что касается самого высокого аппарата на федеральном уровне, то здесь будущим аналитикам и исследователям аппарата управления ельцинского периода придется в большей степени сталкиваться с разбухающим аппаратом администрации президента (Чубайс), с его борьбой за сферы влияния с аппаратом правительства (Черномырдин) и другими «подковерными разборками». В качестве иллюстрации приведу отрывок из упоминающейся выше книги В. А. Печенева, знавшего обстановку того времени не понаслышке: «...*Налицо* была явная тенденция к чрезмерному усилению влияния Администрации Президента, во главе которой оказались радикал-реформаторы, реализующаяся за счет постоянного, неуклонного ослабления влияния Правительства Российской Федерации.

Постепенно шел процесс формирования по сути дела двух параллельных систем исполнительной власти: во главе с А. Чубайсом и во главе с В. Черномырдиным.

Строительство новой, властной силовой структуры, по сути второго правительства, осуществлялось А. Чубайсом двумя путями:

— расстановка во главе подразделений Администрации в Правительстве, а также в министерствах и ведомствах «своих» людей. Почти весь финансово-экономический блок перешел под контроль главы Администрации и его людей;

— создание новых властных структур, «перехватывающих» у Правительства ряд важных функций. Серьезным его успехом в этом направлении стало учреждение ВЧК. Согласно регламенту Комиссии, решения, принятые на заседании Комиссии, не требовали

«согласования с федеральными органами исполнительной власти, подразделениями Администрации Президента и аппаратом Правительства...» Комиссией был создан постоянный аппарат»¹.

Читатель убеждается, что налицо явная авантюра безответственных, амбициозно-циничных людей. Она, эта авантюра, могла привести к очередному дворцовому перевороту. Подобные иллюстрации, к сожалению, можно было бы продолжить. Они наглядно и убедительно отражают подлинные цели управленческого аппарата в период ельцинского правления.

С приходом к руководству страной Президента Российской Федерации В. В. Путина произошли принципиально важные позитивные перемены во внутривластной жизни России. Многие аналитики считают, что новому Президенту в значительно сжатые сроки удалось почти полностью обрушить старую политическую схему руководства страной (если это можно так назвать), сконструированную Ельциным и его окружением («семьей»), В. В. Путину, по мнению тех же аналитиков, удалось умело нейтрализовать и практически «вывести из игры» большинство политических лидеров, которые могли бы составить ему конкуренцию в реально обозримом будущем. К концу первого года президентства В. В. Путину удалось, как он однажды выразился, остановить процесс распада государства. В этом направлении был принят ряд эффективных законодательных мер, позволивших умерить пыл ярых сепаратистов ряда субъектов Федерации, скорректировать значительную часть местных законодательно-нормативных актов, расходившихся с Конституцией России и федеральными законами. Значительным событием в этом плане надо считать создание семи федеральных округов во главе с «президентскими генерал-губернаторами». Полпреды Президента призваны усилить роль Президента Российской Федерации и координировать деятельность федеральных органов власти на территории управляемых

¹ *Печенев В. А.* Владимир Путин — последний шанс России? М., 2001. С. 152-153.

округов. Речь идет, короче, об укреплении «вертикали власти». Принимаются и другие меры, направленные на укрепление государства и совершенствование механизма управления. Судя по заявлениям В. В. Путина, в том числе и в печати, суть нашей национальной идеи, провозглашенной им, заключается в *патриотизме, державности, государственничестве и социальной солидарности* (социальной справедливости). И над всем этим главенствует, декларируется Президентом «диктатура закона». Однако все это вместе взятое может остаться благим пожеланием, если у Президента в руках не окажется эффективного механизма управления сложной государственной машиной. Помните? — «без аппарата мы погибнем, а плохой аппарат нас погубит наверняка».

В. В. Путин, судя по предпринимаемым серьезным шагам во внутренней и внешней политике Российского государства, пришел к руководству страной всерьез и надолго. Его успешное президентство будет, несомненно, во многом зависеть от того, удастся ли ему создать свою команду, свой аппарат из честных профессионалов, преданных провозглашаемой Президентом национальной идее — патриотизм, державность, государственничество, социальная солидарность. Только тогда успех его президентству будет гарантирован.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об авторе	3
<i>Глава 1</i>	
Начало конца. Смерть Черненко.....	6
<i>Глава 2</i>	
Первый день в ЦК.....	19
<i>Глава 3</i>	
«Водители перышка».....	27
<i>Глава 4</i>	
Трудная должность «хранителя партии»	39
<i>Глава 5</i>	
Три грузовика и одна папочка «совершенно секретных» секретов	74
<i>Глава 6</i>	
Тайная любовь секретаря ЦК	100
<i>Глава 7</i>	
Смерть Брежнева	116
<i>Глава 8</i>	
Ссылка без ареста.....	126
<i>Глава 9</i>	
Смерть Андропова. Превращение врагов в друзей.....	131
<i>Глава 10</i>	
Корабль для Кнуда, портфель для Парфенона, детектив с Фиделем и устрица по приказу партии.....	138
<i>Глава 11</i>	
Прозанческая смерть Щелокова, внезапный визит Чурбанова	158
<i>Глава 12</i>	
Суета вокруг Генсека!	166
<i>Глава 13</i>	
Мы и были, и есть, мы и будем	181
Вместо заключения	184

Виктор Прибытков

АППАРАТ

Виктор Прибытков тринадцать лет работал в верховном аппарате нашей страны — ЦК КПСС. Девять лет из них он был помощником секретаря ЦК, а затем и Генсека.

Пройдя строгую школу партийной штабной работы, он стал настоящим мастером этого дела, досконально знал все сложности и «тайны» кремлевской жизни. Через его руки проходили важнейшие документы государственного значения.

В его книге, написанной в жанре записок-воспоминаний, читатель найдет много новых интересных фактов, рассказов о событиях малоизвестных и совсем неизвестных.

